

Министерство образования Российской Федерации
Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова

Л.Л. Кругликов
О.Г. Соловьев

**Преступления в сфере экономической
деятельности и налогообложения**

**(вопросы конструирования составов
и дифференциации ответственности)**

Ярославль 2003

ББК Х 628.111.6

К 84

УДК 343.3/.7

Рецензенты:

Заместитель начальника УВД РФ
по Ярославской области по экономическим
и налоговым преступлениям С.А. Немкин,
Совет адвокатской палаты Ярославской области

Под общей редакцией

доктора юридических наук, заслуженного деятеля науки,
академика МАН ВШ и РАЕН профессора **Л.Л. Кругликова**

Кругликов Л.Л., Соловьев О.Г.

Преступления в сфере экономической деятельности и налогообложения: (Вопросы конструирования составов и дифференциации ответственности) / Под общ. ред. проф. Л.Л. Кругликова; Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2003. 224 с.

ISBN 5-8397-0269-2

В монографии анализируются признаки экономических преступлений, предлагаются критерии их научной классификации, характеризуются роль и место, а равно средства законодательной техники и дифференциации ответственности в уголовном праве. На этой базе в последующем раскрываются технико-юридические аспекты конструирования законодателем составов налоговых и иных экономических преступлений, а также ставятся и решаются проблемы дифференциации ответственности за такого рода преступления.

Предназначено для преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов и факультетов, а также иных лиц, интересующихся проблемами уголовного права.

Библиогр.: 276 назв. Схемы: 3.

*Авторы выражают благодарность за финансовую поддержку
настоящего издания руководству ОАО "Славнефть-ЯНОС"*

ISBN 5-8397-0269-2

© Ярославский государственный
университет, 2003

© Л.Л. Кругликов,
О.Г. Соловьев, 2003

Введение

Юристы, экономисты и социологи России бьют тревогу в связи с негативными процессами, происходящими в экономической сфере, ищут объяснение этим процессам и пытаются сформулировать рекомендации по их устранению. Но пока – тщетно. Статистика свидетельствует о возрастании доли “теневой” экономики и увеличении числа совершаемых в этой сфере преступлений. Согласно экспертным оценкам, от трети до половины всей массы капитала страны приходится на сектор теневой экономики, а размах преступной деятельности в экономической сфере таков, что возникает реальная угроза национальной безопасности российского государства.

В этих условиях важно разобраться, что такое экономическая преступность и что понимается под экономическими преступлениями, каково место уголовного закона в борьбе с подобными актами противоправного поведения, насколько готово современное законодательство противостоять таким актам, оптимально ли оно по форме и по содержанию, нуждается ли оно ныне в большей мере в унификации или же, напротив, в дифференциации уголовно-правовых мер, и т.д.

Особая роль принадлежит законодательству криминального цикла в искоренении посягательств в сфере налогообложения, поскольку налогам, таможенным платежам и т.п., как известно, отводится видное место в пополнении государственной казны, в обеспечении финансовыми средствами планируемых социальных программ, в гарантировании своевременной и в полном объеме выдачи заработной платы работникам бюджетных организаций. Между тем именно в этой сфере наблюдаются наиболее серьез-

ные сбои, в том числе в части уголовного преследования виновных лиц. Можно полагать, что сказываются недостаточно высокое качество уголовно-правовых предписаний, неумелое использование правил законодательной техники, пробельность законодательства, непродуманность оснований применения специальных видов освобождения от уголовной ответственности, отсутствие четкой уголовно-правовой политики в вопросах дифференциации ответственности. Вот почему при рассмотрении конкретных аспектов, касающихся формулирования и действия норм об экономических преступлениях, акцент в нашей работе ставится на эффективность уголовно-правовых предписаний, относящихся к группе преступных посягательств в сфере налогообложения. Это своего рода “лакмусовая бумажка”, проявляющая плюсы и минусы законодательной техники и дифференциации ответственности в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации.

Надеемся, что представленный труд заинтересует читателя, которому небезразличны затронутые нами проблемы.

Понятие и виды экономических преступлений

§ 1. Понятие экономических преступлений

Обозначения “экономические преступления”, “экономическая преступность” в последнее десятилетие у всех на слуху. Обращается, в частности, внимание на то, что экономическая преступность стала проблемой национального масштаба, ибо она обладает мощным зарядом деструктивных и дисфункциональных свойств и оказывает “негативное воздействие на процессы, протекающие как в хозяйственной, так и в социальной сфере жизнедеятельности общества”¹. В унисон этому Бу Свенссон также замечает, что экономическая преступность отрицательно воздействует на общественную мораль, подрывает доверие ко всей общественно-политической системе, негативно влияет на общественное планирование в экономической и социальной сфере².

¹ Колесников В.В. Преступность в сфере экономической деятельности и ее криминологическая характеристика // Вопросы квалификации и расследования преступлений в сфере экономики. Саратов, 1999. С. 75.

² См.: Свенссон Б. Экономическая преступность. М., 1987. С. 13.

Вместе с тем в науке уголовного права так и не сложилось единого мнения относительно дефиниции понятия экономических преступлений. Утверждается, что границы такого понятия вообще очень трудно четко определить в строго уголовно-правовом смысле ввиду его (понятия) известной условности³.

Можно выделить три взгляда на экономические преступления: широкое, узкое, в собственном смысле слова (срединное).

Так, отмечается, что “почти любое преступление может быть сведено к категории экономического, т.е. такого, от которого его субъект получает прямую или опосредованную материальную выгоду”⁴. Если считать материальную выгоду обязательным признаком экономического преступления, то такое утверждение имеет право на существование.

Скажем, многие посягательства на жизнь совершаются из корысти, и не случайно в п. “з” ч. 2 ст. 105 УК в качестве квалифицирующего обстоятельства предусмотрено убийство из корыстных побуждений, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом. Пленум Верховного Суда РФ в п. 11 постановления № 1 от 27 января 1999 г. “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)” указал, что корыстным следует считать умышленное лишение жизни, совершенное в целях получения материальной выгоды или избавления от материальных затрат⁵.

Намерение получить материальную выгоду чаще всего лежит в основе и таких посягательств, предусмотренных **главой 16** УК, как принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (ст. 120), незаконное производство аборта (ст. 123). Теми же мотивами руководствуется нередко лицо, со-

³ См.: Яни П.С. Экономические и служебные преступления. М., 1997. С. 32; Талан М.В. Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2002. С. 8.

⁴ Лопашенко Н.А. Экономическая преступность: понятие, состояние и проблемы борьбы // Вопросы квалификации и расследования преступлений в сфере экономики. С. 13.

⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3. С. 4.

вершая преступления против личной свободы (**глава 17**) – похищение человека, незаконные лишение свободы и помещение в психиатрический стационар. В п. “з” ч. 2 ст. 126 УК установлена повышенная ответственность за похищение человека из корыстных побуждений. Многие преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина (**глава 19**) также предполагают наличие у виновного корыстных намерений, что прямо подчеркивается в диспозициях ст. 137, 145¹. Из корысти мыслимо совершение многих преступлений **главы 20** Уголовного кодекса: вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150), в занятие проституцией, бродяжничеством и попрошайничеством (ст. 151), торговли несовершеннолетними (ст. 152), подмены ребенка, незаконного усыновления (удочерения) и разглашения тайны усыновления (ст. 153 – 155), злостного уклонения от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК). Нередко и посягательства на общественную безопасность и общественный порядок (**раздел 9**), на государственную власть (**раздел 10**), против военной службы (**раздел 11**) и против мира и безопасности человечества (**раздел 12**) также совершаются в целях наживы.

Так, акты терроризма осуществляются не только “в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти” (ч. 1 ст. 205 УК), но и для удовлетворения неправомерных имущественных и (или) иных интересов⁶. К сожалению, указание на последнюю из упомянутых целей до сих пор в ст. 205 Уголовного кодекса не произведено, хотя уже после принятия Закона о борьбе с терроризмом дополнения в данную статью вносились⁷. В итоге пробел в уголовном законодательстве не устранен: ведь в силу ч. 1 ст. 1 УК новые законы уголовно-правового содержания

⁶ См.: Ст. 3 Федерального Закона “О борьбе с терроризмом” // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3808.

⁷ См.: Закон “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации” // Собрание законодательства РФ. 1999. № 7. Ст. 873.

подлежат включению в настоящий Кодекс и уже после этого приобретают силу источника уголовного права.

В то же время было бы неправильно, на наш взгляд, именовать упомянутые преступления экономическими, поскольку незаконный имущественный интерес в них выступает в качестве сопутствующего, а экономические отношения – в роли дополнительного (обязательного или факультативного) объекта уголовно-правовой охраны. Собственно же экономические преступления имеют упомянутые отношения в качестве *основного*, ведущего объекта. Следовательно, необходимо различать посягательства, имеющие экономическую мотивацию (деяния так называемой экономической направленности⁸) и собственно экономические преступления.

Как нам представляется, ошибочного мнения на этот счет придерживается также И.И. Рогов, выделяющий основные признаки экономического преступления (как-то: криминологическая однородность; связь преступления с экономико-хозяйственным механизмом; особый субъект – лицо, непосредственно выполняющее хозяйственные функции, “включенное в систему тех экономических преступлений, на которое данное преступление посягает”), и в их числе общность объекта посягательства. В качестве такового, по его мнению, выступает экономическая система – причем в роли *как основного, так и дополнительного (факультативного) объекта*⁹. Такой подход ведет к чрезмерно широкой трактовке экономических преступлений. К этому же мнению, судя по всему, склоняется и М.В. Талан, предлагающая следующую схему экономических преступлений¹⁰.

⁸ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (Комментарий к главе 22 УК РФ). Ростов-на-Дону, 1999. С. 9.

⁹ См.: Рогов И.И. Проблемы борьбы с экономической преступностью (уголовно-правовое и криминологическое исследование): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Алма-Ата, 1991. С. 12-13.

¹⁰ Талан М.В. Система преступлений в сфере экономической деятельности // Налоговые и иные экономические преступления. Вып. 3 / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. Ярославль, 2001. С. 27.

Схема 1

Как видно из схемы, автор охватывает рассматриваемым понятием помимо преступлений в сфере экономики также деяние, описанное в ст. 238 УК (гл. 25 “Преступления против здоровья населения и общественной нравственности”) и деяния гл. 30, хотя далеко не все из них вопреки делаемой автором посылке имеют *способность* “причинять вред рыночным отношениям со стороны субъектов, в той или иной мере включенных в эти отношения”¹¹. Еще более ею расширяется круг экономических преступлений – с той же аргументацией и выводом, что “такой способностью могут обладать преступления, находящиеся в разных главах Уголовного

¹¹ Талан М.В. Система преступлений в сфере экономической деятельности. С. 28.

кодекса”¹², – в опубликованной в тот же период монографии, где к ним отнесены дополнительно: “незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации” (ст. 312, гл. “Преступления против правосудия”) и преступления в сфере компьютерной информации¹³, что неприемлемо по приведенным выше причинам.

Судя по наименованию, экономические преступления – это деяния, совершаемые в сфере экономики. Экономика (от греч. *oikonomike*) – искусство ведения хозяйства. В учебной литературе этот термин используется как синоним слова “хозяйство”¹⁴, и не случайно длительное время в отечественном уголовном законодательстве одна из глав именовалась “Хозяйственные преступления” (гл. 4 УК 1922 г., гл. 5 УК 1926 г., гл. 6 УК 1960 г.).

В настоящее время отдельные авторы склонны называть только эту группу преступлений экономическими (глава 22 УК 1996 г.)¹⁵. “Экономическая преступность” и “преступность в сфере экономики”, – утверждается в одной из работ, – понятия вовсе не идентичные. Второе шире, поскольку включает все преступления, происходящие в экономике, в том числе и относящиеся к традиционным имущественным (кражи, грабежи и т.п.)¹⁶. К тому же мнению склоняется Бу Свенссон, разделяющий взгляды официальных государственных органов Швеции, и прежде всего полиции и прокуратуры: к экономической преступности им не от-

¹² См. также: Талан М.В. Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 8, 14.

¹³ Талан М.В. Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории и законодательного регулирования. Казань, 2001. С. 37-39.

¹⁴ См. об этом: Ефимова Е.Г. Экономика: Учебное пособие для направления “Юриспруденция”. М., 1977. С. 7; Толстошеев В.В. Региональное экономическое право России. М., 1999. С. 25.

¹⁵ См.: Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб, 1999; Корчагин А.Г., Иванов А.М., Щербаков А.В. Экономические преступления (политико-правовые аспекты). Владивосток, 1999; и др.

¹⁶ Корчагин А.Г. и др. Указ. соч. С. 34.

носятся имущественные преступления традиционного характера, если они не имеют связи с хозяйственной деятельностью; он считает, что экономические преступления помимо прямого мотива экономической выгоды носят длящийся характер и осуществляются систематически¹⁷. Того же взгляда придерживается правительственная эконо-комиссия, согласно директиве которой, чтобы быть охарактеризованной как экономическая, преступность “должна иметь длящийся характер, осуществляться систематически и в рамках экономической деятельности, которая сама по себе не является уголовно-наказуемой, но в определенных случаях составляет основу уголовных деяний”¹⁸.

Касаясь исследуемого понятия, Е.Е. Дементьева также полагает, что экономические преступления имеют длящееся систематическое развитие и, нося корыстный характер, совершаются в процессе осуществления профессиональных функций в рамках и под прикрытием законной экономической деятельности¹⁹. В такой интерпретации главенствует узкая трактовка экономических преступлений – под ними понимаются только деяния, описываемые в нормах главы 22 УК РФ. Близкой к изложенной позиции придерживается В.И. Тюнин, рассматривающий экономические преступления и деяния, совершаемые в сфере экономической деятельности, как синонимичные²⁰.

На наш взгляд, необходимо исходить из того, что российский законодатель ныне определился в данном вопросе, включив в раздел VIII “Преступления в сфере экономики” деяния, совер-

¹⁷ См.: Свенссон Б. Указ. соч. С. 25. Следует заметить, однако, что автор подчас отступает от этого определения, относя к категории данных посягательства, например, мошенничество – преступление имущественное (там же), а также уклонение отдельных лиц от налогообложения, которое не носит систематического характера (с. 8 и др.).

¹⁸ Там же. С. 149.

¹⁹ См.: Дементьева Е.Е. Проблемы борьбы с экономической преступностью в зарубежных странах: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 30.

²⁰ См.: Тюнин В.И. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере экономической деятельности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2001.

шаемые не только в сфере экономической деятельности (глава 22), но и против собственности (глава 21). В этот раздел вошли и посягательства против интересов службы в коммерческих и иных организациях (глава 23), многие из которых, – как верно замечает Б.В. Волженкин, – “далеко не всегда связаны с экономикой” (например, злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами, служащими частных детективных и охранных служб), в связи с чем нахождение данной главы в разделе VIII “весьма сомнительно”²¹. Тем не менее, с некоторой долей условности, преступления и этой главы должны именоваться экономическими, исходя из позиции законодателя.

Еще в большей мере такое наименование применимо к преступлениям против собственности. И вовсе не потому, что, как отмечается в юридической литературе, почти все посягательства, названные в главе 22, причиняют вред и отношениям собственности, а преступления против собственности одновременно нарушают и нормальный уклад экономических отношений, что “позволяет сделать вывод о трудностях, о практической невозможности четкого, однозначного разграничения преступлений против собственности и так называемых экономических преступлений”²².

Конечно, известные трудности в разграничении деяний глав 21 и 22 УК существуют. Но они существовали и ранее – об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что, несмотря на внешнее обособление в предшествовавших кодексах глав об имущественных и хозяйственных преступлениях²³, отдельные виды деяний “перекочевывали” из одной главы в другую.

²¹ Волженкин Б.В. Указ. соч. С. 52.

²² Корчагин А.Г. и др. Указ соч. С. 118.

²³ В УК РСФСР 1960 г. впервые имущественные посягательства были названы преступлениями против собственности, с выделением двух глав – “против социалистической собственности” и “против личной собственности”. Позднее (в 1994 г.) произошло объединение этих глав, однако наименование объекта (собственность) было сохранено и затем воспроизведено в УК 1996 г.

Так, в главе 6 УК 1922 г. среди имущественных преступлений назывались покупка заведомо краденого (ст. 181) и самовольное пользование в целях недобросовестной конкуренции чужим товарным, фабричным или ремесленным знаком (ст. 199), а в главе 4 среди хозяйственных (наряду с составами нарушений правил торговли, государственной монополии и недобросовестной конкуренцией) – расточение арендатором предоставленного ему по договору имущества (ст. 129).

В главе 7 УК 1926 г. среди имущественных преступлений, наряду с упомянутыми выше (см. ст. 181 и 199 УК 1922 г., ст. 164² и 178 УК 1926 г.), фигурировал также состав изготовления, хранения с целью сбыта и сбыта поддельного пробирного клейма, а равно клеймение таковыми изделий и слитков (ст. 172), а в главе 5 среди хозяйственных – упоминавшийся уже состав “расточения” (ст. 130) и расхищение государственного и общественного имущества, в том числе путем заключения невыгодных сделок (ст. 129¹).

В УК 1960 г. расположение составов выглядит более упорядоченным, осмысленным – расхищение, расточение (растрата) упоминаются уже среди посягательств на собственность, а другие упомянутые виды, напротив, – в главе о хозяйственных преступлениях. Однако объектом состава преступно-небрежного использования или хранения сельскохозяйственной техники (ст. 99¹) была определена собственность, хотя, как отмечалось в юридической литературе, данное деяние выглядит типично хозяйственным преступлением²⁴.

Но, несмотря на известные трудности с разграничением, деяния глав 21 и 22 вполне возможно и нужно различать, и прежде всего по объекту. В отношениях собственности принято выделять статическую и динамическую стороны. Если статическая сторона характеризуется состоянием принадлежности материальных благ

²⁴ См., например: Уголовное право. Часть Особенная / Под ред. М.И. Ковалева, М.А. Ефимова и Е.А. Фролова. М., 1969. С. 94.

собственнику²⁵, то динамическая – использованием предмета в процессе производства, распределения, потребления и обмена, нахождением “вещи в обороте”. В зависимости от того, какому из этих аспектов придается превалирующее значение, выделяются имущественные (против собственности) преступления и посягательства, совершаемые в сфере экономической деятельности. В целом же они должны именоваться, как замечал еще в 20-х годах прошлого века проф. А.А. Пионтковский (старший), “экономическими преступлениями”²⁶.

УК 1960 г. по сути относил к экономическим преступлениям и посягательства в сфере экологии, признавая последние разновидностью хозяйственных преступлений. В юридической литературе также существовали взгляды, согласно которым объектом преступлений против природы признавались либо отношения собственности, либо отношения по хозяйственному использованию природных ресурсов²⁷. Природная среда, сообразно этим взглядам, рассматривалась как своеобразная “кладовая”, подлежащая освоению, эксплуатации, а не как среда обитания всего живого на земле – человека, животного и растительного мира. Закон “Об охране окружающей природной среды” 1992 г. (ст. 85) определял экологические преступления как общественно опасные деяния, посягающие на установленный в Российской Федерации экологический правопорядок, экологическую безопасность общества и причиняющие вред окружающей природной среде и здоровью человека²⁸. Соответственно данные деяния были обособлены

²⁵ См.: Фролов Е.А. Объект и преступные последствия при посягательствах на социалистическую собственность // Сб. учен. тр. СЮИ. Вып. 8. Свердловск, 1968. С. 106.

²⁶ Пионтковский А.А. Советское уголовное право. Т. 2. М.; Л., 1928.

²⁷ См. об этом: Жевлаков Э.Н. Экологические преступления // Уголовное право России. Часть Особенная: Учебник для вузов / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 1999. С. 514 и далее.

²⁸ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1992. № 10. Ст. 457. В настоящее время действует Федеральный закон “Об охране окружающей среды” от 10 января 2002 г. (СЗ РФ.2002. № 2. Ст. 133), который дефиниции экологического преступления не содержит.

в отдельную главу (26) и расположены не среди экономических преступлений, а в разделе IX “Преступления против общественной безопасности и общественного порядка”.

Подытоживая сказанное, можно дать следующее определение понятия экономических преступлений: это **совершаемое в сфере экономики – умышленно или по неосторожности – действие или бездействие, создающее опасность причинения вреда или реально причиняющее вред отношениям производства, обмена, распределения или потребления, и признаваемое преступлением нормами раздела VIII УК РФ.**

§ 2. Классификация экономических преступлений

Прежде всего отметим спорность вопроса о том, к какому виду – основываясь на делении “по вертикали” – должен быть отнесен объект экономических преступлений. Напомним, что в теории длительное время было распространено деление охраняемых уголовным правом общественных отношений на общий, родовой и непосредственный объекты, предложенное еще в 1938 году проф. В.Д. Меньшагиным²⁹. До последнего времени оно было преобладающим. Заявлялось, что “трехчленному делению – Особенная часть – глава Особенной части – состав преступления – соответствует и трехстепенное деление объекта охраны: общий объект – родовой объект – непосредственный объект”³⁰, и лишь имелись терминологического характера расхождения: скажем, родовой объект именовался подчас групповым либо специальным, а непосредственный – видовым³¹.

В то же время применительно к имущественным преступлениям речь велась уже о двух видах объектов, поскольку родовой

²⁹ См.: Советское уголовное право: Учеб. пособие. М., 1938. С. 86.

³⁰ Курс советского уголовного права: В 5 т. Л., 1968. Т. 1. С. 290.

³¹ См., например: Уголовное право УССР. Общая часть. Киев, 1984. С. 77.

и непосредственный объекты не разграничивались. И это при том, что в рамках соответствующей главы принято было выделять три группы посягательств: 1) хищения; 2) корыстные преступления, не являющиеся хищениями; 3) некорыстные имущественные преступления. Другое дело, что критерий подобной классификации не назывался³². Постепенно, однако, приходило осознание того, что в основе данной классификации лежит объект: хищения посягают на состояние принадлежности (присвоенности) материальных благ и на отношения распределения, что и объясняет их повышенную общественную опасность по сравнению с деяниями двух других групп; преступления второй группы причиняют вред лишь отношениям распределения, равно как третьей группы – лишь состоянию принадлежности материальных благ собственнику. Подобный же процесс размежевания родового и непосредственного (назовем пока его так) объектов ныне наблюдается все отчетливее и относительно преступлений, предусмотренных иными главами Особенной части УК, в том числе главы 22.

Таким образом, вычленение в ходе классификации “по вертикали” общего, родового и непосредственного объектов обоснованно. Но является ли такое деление полным? В уголовно-правовой литературе было высказано мнение, что в поиске новой классификации объектов преступления нет практической необходимости³³, поскольку решение всех основных задач правотворческого и правоприменительного плана вполне достигается с помощью упомянутой триады; “эта классификация вполне отвечает потребностям практики, весьма логична...”³⁴. Данное мнение не представляется нам бесспорным, особенно с учетом структуры принятого УК РФ 1996 г.

³² См., например: Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1965. С. 109-110.

³³ См.: Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988. С. 79.

³⁴ Уголовное право Украины. Общая часть / Под ред. М.И. Бажанова, В.В. Сташиса, В.Я. Тация. Харьков, 1999. С. 83.

Как известно, основными структурными единицами действующего Уголовного кодекса выступают разделы, главы, статьи. Перед законодателем в период его принятия стояли как минимум следующие задачи: а) разбить все статьи на *разделы* и расположить их относительно друг друга; б) в пределах каждого раздела вычленить *главы* и расположить их относительно друг друга; в) скомпоновать статьи внутри глав в *группы* (а при необходимости – и в *подгруппы*) и расположить эти группы относительно друг друга; г) в пределах каждой группы расположить *статьи* в определенной последовательности. Базовыми критериями, судя по строению УК 1996 г., выступили *объект* того или иного его *уровня*, выделяемого “по вертикали”, и относительная *важность* объектов, их значимость.

Следовательно, помимо общего необходимо выделять объекты: разделов, глав, групп преступлений внутри глав, подгрупп (например, связанных с незаконным оборотом наркотиков в рамках группы преступлений против здоровья населения – глава 25), отдельных видов преступлений (мошенничества, разбоя, заведомо ложной рекламы, контрабанды и т.д.), а возможно, и конкретного преступления.

Как именовать объект, присущий преступлениям, описанным в той или иной *главе* Кодекса? Применительно к посягательствам в сфере экономической деятельности (глава 22) одни ученые называют нарушаемый объект *видовым*³⁵, другие – *родовым*³⁶. Тот

³⁵ См., например: Горелик А.С., Шишко И.В., Хлупина Г.И. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Красноярск, 1998. С. 5; Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. М.П. Журавлева и С.И. Никулина. М., 1998. С. 163; Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. А.И. Рарога. М., 1997. С. 143; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М., 1996. С. 178.

³⁶ См., например: Корчагин А.Г. и др. Указ. соч. С. 119; Лопашенко Н.А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Саратов, 1997. С. 11; Уголовное право. Особенная часть / Под ред. Н.И. Ветрова и Ю.И. Ляпунова. М., 1998. С. 288; Уголовное

же разноразной наблюдается и относительно преступлений главы 21. Если придерживаться сложившейся традиции в российском уголовном праве и наименования объектов такой структурной единицы, как главы, в период действия прежнего Кодекса, то предпочтительно именовать объекты глав и ныне *родовыми*. В самом деле, название многих глав осталось прежним: “Преступления против собственности”, “Преступления против правосудия”, “Преступления против порядка управления”. Нет потому достаточных оснований утверждать, что раньше их объект был родовым, а теперь стал видовым, тем более, что речь идет *не о виде* преступления, а о совокупности видов посягательств, объединенных общими *родовыми* признаками.

Но если согласиться с таким обозначением, тогда объекты разделов целесообразно называть *межродовыми*. УК 1996 г. в пределах межродовых выделяет, как правило, по несколько родовых объектов. Так, анализируемый раздел 8 “Преступления в сфере экономики” (межродовой объект – сфера экономики) в качестве родовых выделяет отношения собственности (глава 21), сферу экономической деятельности (глава 22), интересы службы в коммерческих и иных организациях (глава 23). Исходя из различий в родовых объектах, можно говорить о **трех** видах (классификационных группах) посягательств, описанных соответственно в главах 21, 22 и 23 УК.

В свою очередь, родовые объекты, как правило, также состоят из нескольких объектов, что и позволяет выделять *группы* преступлений в пределах соответствующих глав. Соответственно присущие им объекты целесообразно было бы именовать *групповыми*. Отдельные *виды* преступлений посягают на общественные отношения, которые могут быть обозначены как *видовые* объекты. Так, групповым объектом хищений являются состояние принадлежности имущества и отношения распределения³⁷, а объекты

право Российской Федерации / Под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М., 1997. С. 246.

³⁷ См.: Кригер Г.А. Борьба с хищениями социалистического имущества. М., 1965. С. 46, 76; Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и

отдельных видов хищений отличаются специфическими особенностями. Например, мошенничество посягает и на психическую неприкосновенность личности, присвоение и растрата – также и на интересы службы, разбой – дополнительно на жизнь или здоровье человека.

Аналогичным образом могут быть охарактеризованы и преступления в сфере экономической деятельности. Так, принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст. 179 УК) имеет видовым объектом свободу экономической деятельности и психическую неприкосновенность личности, заведомо ложная реклама (ст. 182) – свободу экономической деятельности и интересы потребителей, и т.д.

Исходя из групповых объектов, все преступления против собственности (гл.21) можно классифицировать на: 1) хищения (они, как упоминалось чуть выше, нарушают и состояние принадлежности имущества собственнику, и отношения распределения); 2) корыстные преступления, не являющиеся хищениями (они направлены на второй объект – на отношения распределения) и 3) некорыстные преступления против собственности (они нарушают, напротив, первый объект – состояние принадлежности имущества).

Более сложным предстает вопрос о групповых объектах преступлений главы 22, и не случайно до настоящего времени на него в уголовно-правовой теории нет однозначного ответа. Между тем данная глава – самая крупная в действующем Уголовном кодексе: на момент его принятия она содержала 32 статьи и 38 основных составов, а в настоящее время – 33 статьи и 39 составов. Ясно, что без классификации сложно разобраться в структуре данной главы, понять ее содержание, рассматривать вопросы дифференциации ответственности. Поэтому трудно понять позицию тех авторов соответствующих разделов учебной литературы,

его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1971. С. 48.

которые вовсе отказались от попыток классификации преступлений гл. 22³⁸.

Разумеется, классификации могут носить различный характер – от весьма детализированной до укрупненной. Так, некоторые ученые ограничиваются выделением 4-5 групп (А.А. Аслаханов, Н.А. Лопашенко, Б.В. Яцеленко, В.С. Устинов и др.), другие приводят от 7 до 10 групп (Н.Н. Афанасьев, Б.М. Леонтьев, И.В. Шишко, Б.В. Волженкин, п. Н. Панченко, А.М. Яковлев и др.).

Встречаются и очень дробные, даже многоступенчатые классификации преступлений в сфере экономической деятельности. Например, М.В. Талан делит вначале все деяния гл.22 на 5 групп (связанные с нарушением установленного порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности; в сфере монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции; таможенные преступления; в сфере финансовой деятельности; связанные с нарушением прав потребителей), а затем подвергает преступления 1-й и 4-й групп более *дробному* делению. Так, в первой группе ею выделяются 3 подгруппы (совершаемые должностными лицами; связанные с экономической деятельностью и оборотом имущества; субъектами которых могут быть предприниматели либо лица, не зарегистрированные в качестве таковых). К четвертой группе ею отнесено 5 подгрупп преступлений (в сфере обращения денег и ценных бумаг; валютные; связанные с банкротством; связанные с уклонением от уплаты налогов и других обязательных платежей в бюджет; в сфере кредитных отношений)³⁹. Остается, однако, непонятным, какой вид объекта “по вертикали” положен ею в основу выделения групп и тем более подгрупп, поскольку чуть выше она считает, что выделение общего, родового, видового и непосредственного объектов “полностью” соответствует “структуре нового Уголовного кодек-

³⁸ См., например: Уголовное право России. Особенная часть / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М., 1996.

³⁹ См.: Талан М.В. Система преступлений в сфере экономической деятельности. С. 35-36.

са РФ»⁴⁰. Если предположить, что родовой и видовой объекты лежат в основе выделения разделов и глав, то каковы объекты, по которым выделяются автором группы и подгруппы преступлений? Очевидно, что не непосредственный, который специфичен для отдельно взятых преступлений, их видов, поскольку именно на уровне непосредственного объекта многими учеными, а вслед за ними и автором, выделяются “по горизонтали” основной и дополнительный объекты.

Несостоятельность устаревшей теории трехчленного (и обновленной – четырехчленного) деления объектов “по вертикали” пора уже наконец признать.

На наш взгляд, отталкиваясь от группового объекта, который должен находиться в плоскости родового и соотноситься с последним как вид с родом, можно выделить следующие группы посягательств в сфере экономической деятельности, направленных против 1) установленного порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности (незаконные предпринимательство и банковская деятельность – ст. 171 и 172; лжепредпринимательство – ст. 173; и др.); 2) интересов кредитора (незаконное получение кредита – ст. 176, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности – ст. 177, неправомерные действия при банкротстве – ст. 195; и др.); 3) свободы товарного рынка (монополистические действия и ограничение конкуренции – ст. 178, принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения – ст. 179, незаконное использование товарного знака – ст. 180; и др.); 4) установленного порядка обращения денег, ценных бумаг и валютных ценностей (злоупотребления при выпуске ценных бумаг – ст. 185, фальшивомонетничество – ст. 186, изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов – ст. 187; и др.); 5) установленного порядка осуществления внешнеэкономической деятельности: таможенные преступления (контрабанда – ст. 188, незаконный экспорт технологии, научно-технической информации и услуг, сырья, материалов и оборудования, используемых

⁴⁰ Там же. С. 29.

при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники – ст. 189, уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организаций или с физического лица – ст. 194) и др.; б) установленного порядка уплаты налогов и страховых взносов: налоговые преступления (уклонение физического лица от уплаты налога или страхового взноса в государственные внебюджетные фонды – ст. 198, уклонение от уплаты налогов или страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с организаций – ст. 199); 7) прав потребителей (обман потребителей – ст. 200 УК).

Касаясь роли группового объекта, заметим, в частности, что законодатель должен стремиться компактно располагать составы преступлений внутри глав, исходя из общности группового объекта. К сожалению, это наблюдается далеко не всегда. Скажем, изложение группы хищений в главе 21, казалось бы, заканчивается ст. 162 о разбое, поскольку далее идет описание вымогательства (ст. 163) как корыстного преступления, не являющегося хищением (см. п. “г” ч. 3 ст. 163). Однако ст. 164 вновь возвращает нас к первой группе – в ней излагается состав хищения предметов, имеющих особую ценность. Для главы 22 характерна еще большая пестрота. Например, нормы группы посягательств на интересы кредитора разобщены: они изложены в ст. 176 - 177, 195 - 197. Или: описывающая состав уклонения от уплаты таможенных платежей статья 194 “оторвана” от группы статей о таможенных преступлениях, а валютные преступления “отдалены” от группы посягательств на установленный порядок обращения денег, ценных бумаг и валютных ценностей.

Подобного рода издержки и отсутствие единства мнений относительно классификации преступлений главы 22 объясняются весьма серьезными изменениями соответствующего блока норм по сравнению с прежним Уголовным кодексом. И дело здесь не только в ином наименовании главы и выведении из нее норм об экологических преступлениях: появилось немало новых видов уголовно-противоправного поведения – по нашим подсчетам, около 20 (из 37 основных составов) декриминализованы – ввиду изменения социально-экономических условий и отпадения в

связи с этим общественной опасности. Это такие виды поведения, как спекуляция, коммерческое посредничество и частнопредпринимательская деятельность и т.п., переведены в другие главы нормы о незаконном усыновлении, о выпуске или продаже товаров, оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ныне это ст. 154 и 238 УК). Законодатель отказался от использования административной преюдиции, что повлекло использование в гл. 22 иных конструкций составов преступлений, изменение содержания соответствующих уголовно-правовых норм.

В частности, немалое число преступлений в сфере экономической деятельности содержит ныне материальный состав, о чем свидетельствует указание на крупный ущерб (ст. 171, 172, 173, 176 и др.), значительный ущерб и значительный размер (ст. 182, 200), крупный размер (ст. 177, 188, 192, 194 и др.), тяжкие последствия (ст. 196). Это создает большую надежность в плане ответственности таких деяний тому уровню общественной опасности, который должен быть характерен для преступлений.

В связи с этим необходимо сделать два замечания. Во-первых, как представляется, без достаточных оснований ряд составов сконструирован по типу формальных. Так, воспрепятствование законной предпринимательской деятельности, выразившееся в неправомерном отказе или уклонении от регистрации, выдачи разрешения, в незаконном вмешательстве в предпринимательскую деятельность и т.п. (ст. 169), вне зависимости от мотивов виновного и характера вреда объявляется преступным. В такой редакции ч. 1 ст. 169 “обречена” на ее неприменение, ибо совершенно очевидно, что во многих случаях по степени вредоносности такое поведение не выходит за рамки дисциплинарного или административного правонарушения. То же касается регистрации заведомо незаконных сделок с землей, искажения учетных данных Государственного земельного кадастра (ст. 170), монополистических действий и ограничения конкуренции (ст. 178), нарушения правил изготовления и использования государственных пробирных клейм (ст. 181), незаконного получения и разглашения сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну (ст. 183). Практически лишь в случаях реального наступления

вреда (значительного либо крупного ущерба) или заметного размаха преступной деятельности (неоднократно, в крупных размерах) будет возникать вопрос об уголовной ответственности субъекта за соответствующее поведение.

Во-вторых, следует отметить линию законодателя на уточнение содержания так называемых оценочных признаков состава преступления, касающихся размера вреда и размаха преступной деятельности. В ряд статей главы 22 введены примечания, конкретизирующие содержание понятий и по сути превращающие оценочные понятия в признаки точного значения. Например, предусмотренное ст. 199 деяние признается совершенным в крупном размере, если сумма неуплаченного налога и (или) страхового взноса превышает 1000 минимальных размеров оплаты труда.

Определенные подвижки осуществлены в вопросах дифференциации ответственности за посягательства в сфере экономической деятельности.

**Понятие и место
законодательной техники
и дифференциации ответственности
в уголовном праве**

**§ 1. Законодательная техника:
понятие, средства и значение**

1. *Понятие и значение.* “Техника” трактуется в толковых словарях русского языка как совокупность приемов, применяемых в каком-нибудь деле¹, как приемы работы и приложение их к делу, обиход, сноровка², совокупность средств человеческой деятельности³. Исторически техника правотворчества возникла и развивалась практически параллельно с появлением и развитием процесса законодательства, ибо требовалось придать идее господствующего класса официальную форму, изложить в виде соответствующего текста, и эту функцию взяла на себя законодательная техника как способ практической реализации правовой

¹ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 797.

² См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб; М., 1882. Т. 4. С. 404.

³ См.: БСЭ. М., 1975. Т. 25. С. 522.

идеи, материализации ее. “Если на известной ступени истории возникает идея (концепция, доктрина) права, то юридическая техника есть средство (инструмент, способ) ее материализации, “привязки” к реальным условиям”⁴. Опираясь известными философскими категориями, можно утверждать, что если правовая идея входит в содержание, то законодательная техника имеет отношение к форме ее выражения, определяя то, как делать законы. “...Юридическая техника, – пишет В.М. Баранов, – ... является опредмеченной формой правовых идей”⁵, “первая цель техники – делать или изготавливать”⁶. В этом смысле прав А.А. Ушаков, в свое время заметивший, что создание права происходит одновременно, в единстве содержания и формы⁷.

Правовая идея – первооснова, отправное звено правотворчества, однако, чтобы она не была искажена, правильно понята населением, отдельными людьми, требуется ее адекватное изложение, соответствующая ей форма. Известно отношение к этому великого русского реформатора Петра I: “Кто прожекты будет абы как ляпать, того чина лишу и кнутом драть велю – в назидание потомкам”⁸. Подчеркивал зависимость качества правового материала от уровня законодательной техники и “отец” кибернетики Н. Винер. Он по этому поводу писал: “Теория и практика права влекут за собой две группы проблем: группу проблем, касающихся общего назначения права, понимания справедливости в праве, и группу проблем, касающихся технических приемов, при помощи которых эти понятия станут эффективными”⁹.

⁴ Муромцев Г.И. Юридическая техника: некоторые аспекты содержания понятия // Проблемы юридической техники / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 24.

⁵ Предисловие // Проблемы юридической техники. С. 10.

⁶ Там же. С. 11.

⁷ См.: Ушаков А.А. Методологические основы и законодательный метод в советском правотворчестве // Учен. зап. Пермск. ун-та (юрид. науки). Пермь, 1966. С. 136.

⁸ Цит по: Законотворчество в Российской Федерации (научно-практическое пособие) / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 2000. С. 242.

⁹ Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958. С. 29.

В общей теории права вопрос о понятии законодательной техники остается дискуссионным. В частности, до сих пор не определена сфера приложения последней, не очерчено пространство ее действия.

Так, нередко ее отождествляют с техникой юридической¹⁰, что неточно по крайней мере по двум причинам. Во-первых, последняя, как категория более широкая по предмету, охватывает собой процесс "изготовления" не только собственно законов, но и иных нормативных актов. Во-вторых, она имеет отношение и к правотворчеству, и к интерпретационной практике, и к правоприменительной деятельности, т.е. по сфере применения она шире. Законодательная же техника – в точном смысле этого слова – призвана "дать законы", сформулировать их, то есть касается правотворческой деятельности государства. Следовательно, в случаях, когда речь ведется о технике правоприменения, о толковании, а равно и о выработке любых нормативно-правовых актов, *точнее оперировать выражением "юридическая техника"*. В этом плане законодательная техника как используемая лишь в правотворческой деятельности, к тому же в процессе "изготовления" только законов, представляет собой важнейшую, но в то же время одну из разновидностей юридической техники¹¹. Следует поэтому поддержать мнение о том, что "юридическая техника встроена во все уровни и сферы функционирования права, во все формы реализации воли правоустановителя: 1) в сфере правообразования она применяется на уровнях – законотворческом, нор-

¹⁰ См., например: Бабаев В.К. Теория советского права в конспектах лекций и схемах: Учеб. пособие. Горький, 1990. С. 68; Власенко Н.А. Основы законодательной техники: Практическое руководство. Иркутск, 1995. С. 70; Законодательная техника: Научно-практическое пособие / Под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2000. С. 5 и далее; Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. М., 1991. С. 12 и далее; Марксистско-ленинская теория государства и права. Социалистическое право. М., 1973. С. 145.

Подчас рассматривал юридическую технику как синоним законодательной техники и С.С. Алексеев. См. его: Общая теория права: В 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 269, 272.

¹¹ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. Т. 2. С. 267.

мотворческом, правотворческом; предметом ее воздействия выступают законы, нормативно-правовые акты, индивидуальные правовые акты; 2) в сфере правоприменения и интерпретации (толкования) правовых актов она используется в случаях “приложения” закона и иных правовых актов к конкретным лицам и конкретным обстоятельствам”¹².

Ю р и д и ч е с к а я т е х н и к а		
<i>1. Правотворческая техника</i>	<i>2. Техника правоприменения</i>	<i>3. Интерпретационная техника</i>

Схема 2

П р а в о т в о р ч е с к а я т е х н и к а	
<i>1. Законодательная техника</i>	<i>2. Техника индивидуальных нормативно-правовых актов</i>

Схема 3

Своеобразную позицию по данному вопросу занимает В.М. Сырых. По его мнению, спорен взгляд, согласно которому “законодательная техника представляет собой часть юридической техники...”¹³.

¹² Соловьев О.Г. Преступления в сфере налогообложения (ст. 194, 198, 199 УК РФ): проблемы юридической техники и дифференциации ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. С. 10.

¹³ Сырых В.М. Предмет и система законодательной техники как прикладной науки и учебной дисциплины // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей в 2 т. / Под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 15. Противополож-

Конечно же, законодательная техника – это не часть, а *вид* юридической техники, и в этом вопросе с автором следовало бы, безусловно, согласиться. Однако им подразумевается в сказанном нечто иное: *качественное* различие сопоставляемых понятий, которое обуславливает “и качественное различие предметов законодательной и юридической техники. По крайней мере, в этих юридических дисциплинах больше различий, чем общих черт”¹⁴. В чем же состоят эти различия? “Теория права, логика и грамматика выступают основанием законодательной техники, – заявляет автор, – а юридическая техника имеет своим предметом закономерности правоприменительной деятельности государства, его органов”¹⁵. Нетрудно видеть, что здесь нарушены элементарные логические правила сопоставления понятий: в одном случае говорится об основании, в другом – о предмете явления. Можно думать, что теория права, логика и грамматика к практике правоприменения отношения не имеют. В конечном итоге В.М. Сырых “замыкает” законотворческую технику на сфере проектирования законов (что нам представляется правильным), а юридическую технику – на правоприменении (что представляется весьма спорным), полагая, что трактовка последней в теории права как совокупности законодательной и правоприменительной техники “предстает по преимуществу механическим, а не органическим целостным образованием”¹⁶.

ную этому позицию занимал И.Л. Брауде, считавший, напротив, что юридическая техника является частью законодательной (см.: Брауде И.Л. Вопросы законодательной техники // Сов. государство и право. 1957. № 6. С. 55).

¹⁴ Сырых В.М. Указ. соч. С. 15-16. Сходная мысль высказана в теории уголовного права И.А. Семеновым: юридическая и законодательная техника – два самостоятельных элемента правотворческого процесса, хотя и тесно связанные между собой и взаимодополняющие друг друга (см.: Семенов И.А. Законодательная техника в уголовном правотворчестве. Тюмень, 1998. С. 59).

¹⁵ Там же. С. 15.

¹⁶ Сырых В.М. Указ. соч. С. 16.

Вряд ли с таким противопоставлением сопоставляемых явлений можно согласиться. Юридическая техника – понятие родовое, поэтому она имеет свои составляющие, которые “на отдельных участках и уровнях ..., – как справедливо полагают отдельные ученые, – могут “пересекаться” и “смешиваться”¹⁷. Сущностные признаки юридической техники как родового понятия должны быть характерны для всех ее разновидностей, для всех сфер применения. Разумеется, сказанное не исключает, а предполагает наличие особенностей в видовых признаках, – это касается и законодательной, и интерпретационной, и правоприменительной техники и т.д. Имеются такие различия (по субъектам, содержанию и виду актов и т.д.) и между подвидами в пределах одного и того же вида – скажем, интерпретационной техники.

В этой связи обратим внимание на одно предложение, высказанное в теории уголовного права применительно к актам толкования постановлений об амнистии. И.А. Васильева полагает, что издание постановлений Государственной Думы РФ о *порядке* применения амнистии “в дальнейшем целесообразно исключить”, излагая эти вопросы в инструкциях, приказах МВД и Министерства юстиции РФ¹⁸. Мотивируется это тем, что в принимаемых актах об амнистии нередко “уголовно-правовые понятия и категории... не соответствуют действующему законодательству”¹⁹. Выходит, из-за допускаемых подчас законодателем или иным правотворцем нестыковок он должен быть лишен возможности осуществления аутентичного толкования, а толкование, соответствующее закону (откуда только такая уверенность, что оно – в отличие, скажем, от законодательного – будет всегда непротиворечивым?), целесообразно доверить министерствам. Показательно, что в разработанной И.А. Васильевой десятистраничной Инструкции “О порядке исполнения актов об амнистии осужденных к лишению свободы” имеется 4 раздела, в первом из которых

¹⁷ Соловьев О.Г. Указ. соч. С. 10.

¹⁸ Васильева И.А. Амнистия и ее реализация: Омск, 2003. С. 88.

¹⁹ Васильева И.А. Амнистия и ее реализация: Дис. ... канд. юрид. наук. С. 150.

“определяются предмет регулирования, основания применения актов об амнистии; органы, на которые возложено правоприменение, круг субъектов, в отношении которых применяется амнистия; пределы действия актов об амнистии”, а в третьем разделе “содержатся правовые положения применения актов об амнистии... Определены понятия “впервые осужденный” и злостный нарушитель” применительно к актам об амнистии”²⁰. Нетрудно видеть, что в данном случае вполне мыслима существенная корректировка воли правотворческого органа в результате смены субъекта и актов толкования. Думается, при прочих равных условиях предпочтительно предоставление права толкования тому органу, который принял толкуемый акт.

Кроме того, в литературе законодательную (и в целом – юридическую) технику трактуют по содержанию в одних случаях – в широком, а в других случаях – в узком смысле слова. В широком смысле, как считают некоторые ученые, она охватывает “как *разработку решений по существу*, так и разработку решений, называемых обычно решениями технического порядка. Иначе говоря, она охватывает собой и операции по подготовке правовых норм с точки зрения их существа, их содержания, и операции, при помощи которых решения по существу приобретают свою специфическую форму выражения”²¹. Исходя из такого понимания, утверждают, что “юридическая (законодательная, нормотворческая) техника – совокупность правил и приемов подготовки, формирования и опубликования нормативных правовых актов”²², а то и

²⁰ Васильева И.А. Амнистия и ее реализация: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. С. 23-24.

²¹ Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. М., 1974. С. 138 (Выделено в тексте нами). Видимо, из столь же широкой трактовки исходит законодатель Украины, давая в проекте закона “О нормативно-правовых актах” следующее определение нормотворческой техники: это система выработанных теорией и практикой нормотворчества правил и способов создания наиболее эффективных по форме и совершенных по структуре, *содержанию* и изложению нормативных актов (см. об этом: Проблемы юридической техники. С. 73).

²² Бабаев В.К. Указ. соч. С. 68.

"совокупность специфических средств, правил и приемов наиболее оптимального правового регулирования общественных отношений"²³.

Так, Ю.А. Тихомиров, трактуя законодательную технику как систему правил познавательно-логического и нормативно-структурного "формирования правового материала и подготовки текста закона", выделяет в ее рамках в качестве первого элемента познавательно-юридический, который, по мнению этого ученого, "означает определение предмета законодательного регулирования. Для этого приходится тщательно анализировать процессы, явления и отношения, которые могут быть избраны в качестве объекта законодательного воздействия"²⁴. Видный бельгийский ученый Ж. Дабен, посвятивший юридической технике фундаментальный труд²⁵, также полагал, что к области юридической техники необходимо относить а) стадию научных исследований, на которой ведется поиск решений по существу (материальная юридическая техника), и б) стадию технического построения, когда эти решения облекаются в форму, необходимую для их восприятия общественной жизнью (формальная юридическая техника). В противовес этому Ф. Жени считал юридическую (законодательную) технику противостоящей содержанию и способной к свободному саморазвитию формой. Будучи продуктом разума и воли юристов, она, по его мнению, остается в значительной мере искусственной²⁶.

Узкое понимание законодательной техники связывается со стадией "собственно технического построения норм с присущими

²³ Общая теория права: Курс лекций / Под общ. ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 100. См. также: Дмитриевцев К.Н. Процесс творчества в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1994. С. 23.

²⁴ Тихомиров Ю.А. Законодательная техника как фактор эффективности законодательной и правоприменительной деятельности // Проблемы юридической техники. С. 40.

²⁵ Dabin J. La technique de l'elaboration du droit positif. Specialement du droit prive. Bruxelles, Paris, 1935.

²⁶ См. об этом: Dabin J. Op. cit.

ей техническими средствами и приемами, ибо иначе невозможно было бы понять, каким образом специфические приемы, при помощи которых правила поведения, формулируемые законодателем на основе познания и оценки правообразующих факторов, получают специфическое выражение и специфическую функциональную способность"²⁷.

Нетрудно видеть, что в широком понимании законодательная (и в целом – юридическая) техника смыкается с понятием правотворчества, нормообразования, с технологией подготовки, обсуждения, принятия и опубликования правовых актов; она "охватывает не только правила разработки нормативных актов, но и фактическое состояние организационно-технической подготовки нормативных материалов, структуру и изложение нормативных актов, состояние публикации этих актов в официальных изданиях"²⁸. Можно говорить о широком понимании законодательной и юридической техники также в случаях, когда в ее определение помимо средств и приемов построения норм включают либо организационные, либо процедурные правила (организации законоподготовительной деятельности; процедуры принятия нормативно-правовых актов; их опубликования)²⁹.

В настоящее время, как представляется, в отечественной общей теории права преобладающим становится мнение о необходимости придерживаться узкого понимания юридической и законодательной техники, исключающего процедурно-процессуальные моменты той или иной стадии правотворческого процесса.

²⁷ Нашиц А. Указ. соч. С. 138. См. также: Юков М.К. Место юридической техники в правотворчестве // Правоведение. 1979. № 5. С. 46-47.

²⁸ Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / Под ред. С.Н. Братуся, И.С. Самощенко. М., 1962. С. 185. По мнению Е.В. Ильюк, понятие законодательной техники в широком смысле слова, включающем организационно-процедурную сторону, синонимично термину "теория правотворчества" (см.: Ильюк Е.В. Законодательная техника построения диспозиции статьи уголовного закона: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 6).

²⁹ Обзор взглядов см.: Ковачев Д.А. Механизм правотворчества социалистического государства. Вопросы теории. М., 1977. С. 89-90.

Так, С.С. Алексеев определяет юридическую технику как "совокупность средств и приемов, используемых в соответствии с принятыми правилами при выработке и систематизации правовых (нормативных) актов для обеспечения их совершенства", связывая это понятие "с определенной организацией правового материала и его внешним изложением, в первую очередь с выражением структуры права"³⁰. А. Нашиц также характеризует законодательную технику в качестве комплекса методов и приемов, призванных придавать соответствующую форму содержанию правовых норм³¹.

Однако и среди сторонников узкой трактовки упомянутого понятия наблюдается единодушие лишь в признании того, что это понятие является собирательным, и отсутствует таковое относительно элементов, включаемых в его содержание: говорят о совокупности (комплексе) средств; средств и приемов; методов и приемов; правил; правил и приемов; средств, правил и приемов; принципов, средств и правил; средств и операций; и т.д. Видимо, такое положение не случайно, ибо "юридическая техника – явление многогранное. Это и порождает то, что те или иные авторы рассматривают в качестве юридической техники лишь один ее аспект – одну из форм, в которой она проявляется"³².

При всей многогранности и сложности этого правового явления можно выделить те элементы, которые составляют сердцевину, "ядро" последнего: к ним следует отнести технические средства и технические приемы. При этом, как справедливо замечает С.С. Алексеев, при теоретическом истолковании юридической (законодательной) техники необходимо выдвинуть ее субстрат, "так сказать, ее субстанциональную сторону – средства, а вслед за тем и приемы..."³³. Таким образом, именно средства и

³⁰ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 267.

³¹ См.: Нашиц А. Указ. соч. С. 144. В уголовно-правовой теории к этому взгляду примыкает Е.В. Ильюк, трактующая законодательную технику как систему принципов, средств и правил построения законодательных актов и отдельных статей (см.: Ильюк Е.В. Указ. соч. С. 6).

³² Алексеев С.С. Указ. соч. С. 271.

³³ Там же.

приемы (методы, способы) составляют основное содержание юридической и законодательной техники. Что же касается такого элемента, как правило, нередко выделяемого в качестве самостоятельного компонента юридической (законодательной) техники, то относительно него верно указывается, что речь идет о такой стороне нормотворческой и правоприменительной техники, которая "характеризует **использование** технических средств и приемов, относящееся в основном к внешней форме"³⁴. Именно в таком смысле, как нам представляется, задействовано в наименовании главы VI проекта закона "О нормативных правовых актах Российской Федерации" обозначение "Правила законодательной техники". В главе речь идет о реквизитах нормативно-правового акта, содержании его возможной преамбулы, строении этого акта (статьи, абзацы, главы и разделы и т.д.), использовании определений специальных терминов, случаях допустимых повторений и ссылок, и т.п.

Резюмируя сказанное, необходимо констатировать, что, во-первых, применительно к уголовному законодательству целесообразно оперировать понятием **законодательной** техники. В случае, когда анализу подвергается правоприменительная деятельность, в частности встает вопрос о технике применения уголовного закона, следует использовать уже иное – более емкое – понятие: юридическая техника³⁵. Во-вторых, понятие законодательной техники в **узком** смысле наиболее адекватно отражает его суть и значение в нормотворческой и правоприменительной деятельности, в том числе в сфере уголовного права. Недопустимо, с одной стороны, расширять его рамки за счет положений *организационно-процессуального* (процедурного) характера, а с другой – ограничивать его *словесно-документальной формой* того или иного нормативно-правового предписания либо же *строением* (структурой) нормативного акта и составляющих частей по-

³⁴ Там же.

³⁵ См. об этом: Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 248-249.

следнего (разделов, статей и т.д.). В-третьих, основными составляющими содержание законодательной техники элементами являются **средства и приемы**, с помощью которых содержание нормы объективируется, она приобретает соответствующую форму.

Отсюда *под законодательной техникой необходимо понимать совокупность средств и приемов, используемых для придания содержанию норм соответствующей формы*. Вполне приемлемо уточнение о том, что надо вести речь о "нематериальных" средствах, используемых в процессе выработки законов³⁶.

Касательно соотношения законодательной техники с нормотворческой высказано мнение, что второе обозначение "имеет смысл более узкий, чем термин "законодательная техника"³⁷. Мотивируется это тем, что многие нормативные предписания имеют с правовыми нормами мало общего (так называемые нетипичные нормативные предписания в праве). Существует и иной взгляд – что законодательная и нормотворческая техника никак не пересекаются, поскольку находятся на разных уровнях деятельности. В частности, нормотворческая техника применяется при "приготовлении" подзаконных нормативных актов³⁸. Нам представляется правильным следующее мнение: и законы, и подзаконные акты носят нормативный характер, равно как и нетипичные ("нестандартные") предписания в праве хотя и необычны по форме, но также в конечном счете являются нормативными. По-

³⁶ См., например: Алексеев С.С. Указ. соч. С. 268; Красавчиков О.А. Советская наука гражданского права // Учен. тр. Свердл. юрид. ин-та. Т. 6. Гражд. право. Свердловск, 1961. С. 121; Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967. С. 16; Наумов А.В. Форма уголовного закона и ее социальная обусловленность // Проблемы совершенствования уголовного закона. М., 1984. С. 19.

³⁷ Иванчин А.В. Понятие техники построения уголовного законодательства // Дифференциация ответственности и вопросы юридической техники в уголовном праве и процессе. Ярославль, 2001. С. 70.

³⁸ См.: Соловьев О.Г. Преступления в сфере налогообложения (ст. 194, 198, 199 УК РФ): проблемы юридической техники и дифференциации ответственности: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2002.

этому нормотворческую технику следует рассматривать (исходя из сферы приложения) в качестве понятия более широкого, нежели техника законодательная.

В последнее время появилась точка зрения о ненужности или неточности термина “юридическая (законодательная) техника”. Так, оттеняя многозначность понятия юридической техники, Г.И. Муромцев полагает, что это обстоятельство делает проблематичным использование данного понятия в качестве научного. Упомянутому автору видятся два пути решения проблемы: либо отказ от данного понятия и замена его другим, более адекватным понятием, либо договоренность между юристами о приемлемом его значении. В конечном же счете делается обоснованный вывод о том, что “первый путь представляется неприемлемым в силу широкого внедрения данного понятия в научный оборот и профессиональную лексику юристов, а также в силу отсутствия адекватного понятия для его замены”³⁹. По иной причине ставил под сомнение то же понятие французский ученый М. Ориу. Он отрицал саму необходимость этого понятия, поскольку оно, по его мнению, неадекватно важности и значимости права: отождествление последнего с техникой опошляет право⁴⁰.

В российской науке к сходному выводу пришел В.М. Баранов (хотя и по другим мотивам). “У меня сложилось убеждение, – пишет он, – что термин “юридическая техника” неточен, глубоко противоречив и применяется лишь в силу правовой традиции”⁴¹. Следует думать, что в основе такого суждения лежит получающий все большую поддержку в общей теории права взгляд⁴² о не-

³⁹ Муромцев Г.И. Указ. соч. С. 37.

⁴⁰ Dabin J. Op. cit.

⁴¹ Предисловие // Проблемы юридической техники. С. 11.

⁴² См. об этом: Алексеев С.С. Общая теория права: Курс лекций: В 2 т. Т. 2. С. 268; Муромцев Г.И. О некоторых особенностях законотворческой техники и методологии ее исследования в современной России // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей: В 2 т. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 77; Сырых В.М. Указ. соч. С. 15; Черненко А.К. Философия права. Новосибирск, 1997; и др.

обходимости оперирования понятием “правовая технология” как более широком, всеобъемлющем. Но и соглашаясь с таким взглядом, трудно усмотреть достаточные основания для отказа от понятия юридической (законодательной) техники. Так, В.М. Сырых трактует законодательную технологию как приемы, правила, процедуры⁴³, то есть признает по существу технику проектирования законов составной частью правовой технологии. К тому же выводу склоняется В.Н. Карташов. Он полагает, что в состав юридической технологии входят: юридическая техника (как система соответствующих средств); тактика (как система приемов, способов и методов оптимальной юридической деятельности); юридическая стратегия (как научно обоснованные принципы, долгосрочные планы, прогнозы и методы деятельности)⁴⁴. И здесь, как видим, в понятийном аппарате находится место для юридической (законодательной) техники.

Что является предметом (“полем” приложения) законодательной техники? Очевидно, право, законодательство, а применительно к рассматриваемой нами отрасли – уголовное право, уголовное законодательство. Но что выступает в качестве последнего?

Общеизвестно, что система любой отрасли законодательства предполагает наличие определенной совокупности нормативных актов, ядром, “скелетом” которой служит кодифицированный нормативный акт. В такого рода акте нормативный материал упорядочен, “сведен в определенную логическую систему”⁴⁵, выступая узловым пунктом сосредоточения правовых предписаний. Как это определено в проекте Федерального закона “О норматив-

⁴³ См.: Сырых В.М. Указ. соч. С. 15.

⁴⁴ См.: Карташов В.Н. Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) // Проблемы юридической техники. С. 22; Он же. Законодательная технология: понятие, основные элементы, методики преподавания // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. Т. 1. С. 25.

⁴⁵ Поленина С.В. Взаимосвязи нормативных актов в системе советского гражданского законодательства // Сов. государство и право. 1972. № 8. С. 65.

ных правовых актах Российской Федерации” (ст. 12), “Кодекс Российской Федерации – федеральный закон, принимаемый по предметам ведения Российской Федерации, а также по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, содержащий в систематизированном виде всю или основную массу правовых норм, регулирующих определенную сферу общественных отношений”⁴⁶. Применительно к уголовному законодательству справедливо будет утверждать, что эту отрасль “возглавляет” Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ), введенный в действие с 1 января 1997 года и состоящий из Общей и Особенной частей.

В данной связи, однако, возникает вопрос, а имеется ли у этого “предводителя” свое “войско”, *всю* или же *основную массу* уголовно-правовых норм он в себя включает? Вывод, казалось бы, предопределен, ибо ч. 1 ст. 1 УК гласит: “Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса”. Тем самым по существу поставлен знак равенства между понятиями “уголовное законодательство” и “Уголовный кодекс”, “система уголовного законодательства” и “система УК”.

Заметим, что, пожалуй, ни одной другой отрасли российского законодательства подобная особенность не присуща. Так, согласно ст. 3 Гражданского кодекса РФ гражданское законодательство состоит из Кодекса (ГК); принятых в соответствии с ним иных федеральных законов; указов Президента РФ; постановлений Правительства РФ; актов министерств и иных федеральных органов исполнительной власти. В соответствии со ст. 2 Уголовно-исполнительного кодекса РФ “уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса и других федеральных законов”.

Выгоды от концентрации нормативного материала в одном акте – лишь в Уголовном кодексе – совершенно очевидны: заметно упрощается отыскание соответствующих правовых предписаний в процессе правоприменения, более легким становится обес-

⁴⁶ См.: Законотворчество в Российской Федерации: Научно-практическое и учебное пособие. С. 498.

печение единообразия в ходе законотворчества, проведение четкой уголовно-правовой политики государством.

Поставим, однако, перед собой еще один вопрос: бесспорно ли утверждение, что “в уголовном праве Кодекс *должен быть признан* (курсив наш. – авторы.) и после долгих дебатов реально *был признан* (ст. 1 УК РФ 1996 г.) единственным источником отечественного уголовного права”⁴⁷? Не выдается ли в данном случае желаемое за действительное, а если это так, то осуществимо ли желаемое в будущем? Напомним, что еще задолго до принятия УК РФ 1996 г. в российской (и советской в целом) доктрине утверждалось, что “единственным источником уголовного права является уголовный закон”⁴⁸. Да и после принятия УК РФ в учебной литературе встречаются столь же категорические утверждения. Так, по мнению Ю.И. Ляпунова, “уголовное законодательство полностью воплощено в Уголовном кодексе Российской Федерации, т.е. является единственным и исключительным источником российского уголовного права: ни иные федеральные законы, ни указы Президента, ни, тем более, подзаконные нормативные акты органов государственной власти, в том числе и руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, не могут устанавливать преступность и наказуемость общественно опасных деяний, любые иные общие положения, связанные с уголовной ответственностью гражданина. Российскому уголовному праву не известны в качестве его источников ни обычай, ни судебный прецедент...”⁴⁹.

Как нам представляется, есть достаточно веские основания усомниться в приведенном выше утверждении.

⁴⁷ Концепции развития российского законодательства. Изд. 3-е. М., 1998. С. 225.

⁴⁸ Наумов А.В. Указ. соч. С. 25; Совершенствование мер борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции. М., 1980. С. 83; и др.

⁴⁹ Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1997. С. 67.

Как известно, в общей теории права различают материальные и формальные (юридические) источники права⁵⁰. Поскольку законодательная техника имеет отношение ко второму упомянутому виду, далее пойдет речь не об истоках уголовно-правовых норм, не о факторах, обуславливающих их сущность, смысл, а о формальных источниках как форме установления и выражения⁵¹ таких норм. Рассматривая в этом плане обсуждаемую проблему, обратим внимание на то, что в настоящее время все большее число юристов ставят под сомнение едва ли не ставшее хрестоматийным утверждение об Уголовном кодексе как единственном источнике уголовного права. Так, подчеркивается, что подобное утверждение большинства ученых-юристов “утрачивает аксиоматичность”⁵², что “пришло время отказаться от ставшего догмой указания на Уголовный кодекс как на единственный источник от-

⁵⁰ См. об этом: Зивс С. Источники права. М., 1981; Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1981; Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. М., 1998; Сюкияйнен Л.Р. Система, источники и форма права // Право в странах социалистической ориентации. М., 1979; Общая теория государства и права: Академический курс в 2-х т. / Под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. М., 2000; и др.

В теории уголовного права данному вопросу уделяли внимание М.И. Блум (см.: Блум М. Источники советского уголовного права // Учен. зап. Латвийск. ун-та. Т. 93. Рига, 1968), Н.Д. Дурманов (см.: Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М., 1967), М.И. Ковалев (см.: Ковалев М.И. Об источниках уголовного права // Правоведение. 1975. № 3); В.М. Коган (см.: Коган В.М. Логико-юридическая структура советского уголовного закона. Алма-Ата, 1966; В.П. Коняхин (см.: Коняхин В.П. Источники уголовно-правовых норм Общей части // Правоведение. 1988. № 1); А.В. Наумов (см.: Наумов А.В. Источники уголовного права // Уголовное право: новые идеи. М., 1994); и др.

⁵¹ См.: Керимов Д.А. Философские проблемы права. С. 218.

⁵² Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 77; Он же. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права: Дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 90.

расли уголовного права”⁵³, что “сегодня замыкать круг источников уголовного права РФ только УК безосновательно”⁵⁴.

Действительно, во-первых, ч. 2 ст. 1 Уголовного кодекса РФ устанавливает, что он основывается на Конституции Российской Федерации, ч. 1 ст. 15 которой в свою очередь провозглашает, что Конституция имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории страны. Еще свежо в памяти то время, когда существовал и сохранялся не один год (с 1993 по 1997 годы) ряд явных противоречий между конституционными положениями и предписаниями Уголовного кодекса 1960 года. Скажем, Конституция исключала повторное осуждение лица за одно и то же преступление (ст. 50); в ст. 20 указывалось, что смертная казнь допускается по федеральному закону лишь за особо тяжкие преступления против жизни; в силу ст. 51 нельзя было обязать свидетельствовать по делу против себя самого, супруга или своих близких родственников. В то же время не были исключены из Уголовного кодекса РСФСР 1960 года предписания, расходившиеся с изложенными выше положениями. Им допускались: повторное осуждение (ч. 3 ст. 5), применение смертной казни “за особо тяжкие преступления в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом” (ч. 1 ст. 23), привлечение к ответственности супруга и близких родственников за отказ от дачи показаний (ибо ст. 182 каких-либо оговорок в этой части не содержала). Пленум

⁵³ Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества независимых государств. СПб., 2003. С. 155. См. также: Кругликов Л.Л. Источники и составные части уголовного законодательства Российской Федерации // Вестник МАН ВШ. 1999. № 3 (9).

Показательно, что и некоторые юристы из числа “большинства” пересмотрели свои позиции. См., например: Наумов А. Нормы других отраслей права как источник уголовного права // Законность. 2002. № 7; Наумов А.В. Судебный прецедент как источник уголовного права // Российская юстиция. 1994. № 1.

⁵⁴ Иванчин А.В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 11.

Верховного Суда РФ в постановлении № 8 от 31 октября 1995 г. “О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия” четко указал: суд, разрешая дело, применяет непосредственно Конституцию, в частности, когда принятый до вступления последней в силу федеральный закон противоречит ей⁵⁵. Соответственно суды в вышеупомянутых коллизионных ситуациях отдавали предпочтение конституционным положениям, а не Уголовному кодексу.

Можно возразить, заявив, что в настоящее время действует новый Уголовный кодекс и все упомянутые несоответствия устранены. Но ведь подобная ситуация может возникнуть и в будущем – либо при замене (принятии новой) Конституции, которая вполне может иначе регламентировать отдельные положения уголовно-правового характера, либо при внесении изменений и дополнений в действующую Конституцию. И хотя новые законоположения “подлежат включению в настоящий Кодекс” (ч. 1 ст. 1 УК РФ), до их включения пройдет какое-то время, и односторонняя ориентация только на Уголовный кодекс в действующей редакции как на единственный источник уголовного права чревата серьезными ошибками⁵⁶.

Кстати, коллизии могут возникать не только между Основным законом (Конституцией Российской Федерации) и Уголовным кодексом РФ, но и последнего с другими, так называемыми комплексными актами. Дело в том, что лишь отраслевые, специ-

⁵⁵ См.: Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1996. С. 559.

⁵⁶ За признание Конституции РФ в качестве источника уголовного права высказываются также: В.П. Божьев (см.: Божьев В. Конституция Российской Федерации как источник уголовного и уголовно-процессуального права // Уголовное право. 1999. № 2. С. 75-76); А.Н. Игнатов (см.: Уголовное право России: В 2 т. / Отв. ред. А.Н. Игнатов и Ю.А. Красиков. Т. 1: Общая часть. М., 2000. С. 21); В.П. Коняхин (см.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002); Н.Ф. Кузнецова (см.: Кузнецова Н.Ф. Конституция Российской Федерации и уголовное законодательство // Вестник МГУ. Сер. 11: Право. 1994. № 5. С. 41); и др.

альные нормативные акты сразу же определяют место новых уголовно-правовых предписаний, – скажем, Федеральный закон “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации” от 20 мая 1998 г.: он действительно вносит изменения в конкретные статьи УК и со дня его официального опубликования (ст. 2) соответствующие уголовно-правовые нормы применяются в измененном виде⁵⁷. Или: Федеральным законом от 17 февраля 1999 г. УК РФ дополнена ст. 145¹ “Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат”, и выполнение Уголовным кодексом роли источника уголовного права ни в какой мере не может быть поставлено под сомнение.

Иная ситуация – с комплексными нормативными актами, содержащими предписания уголовно-правового характера. В последние годы таковых принимается Федеральным Собранием немалое количество, но в них, как правило, не оговорены необходимость корректировки вообще либо сроки внесения коррективов в Уголовный кодекс. В результате возникают определенные, вплоть до существенных, коллизии между этими актами и УК РФ. Упомянем лишь некоторые из них.

Федеральный закон “Об оружии” от 13 ноября 1996 года принят уже после Уголовного кодекса РФ и вступил в силу с 1 июля 1997 года⁵⁸. Несмотря на близкое (по срокам) принятие этих нормативных актов, в них различно решается ряд вопросов. Эти различия сохранились и после внесенных Законом от 20 мая 1998 года дополнений (в круг предметов состава ст. 222 УК вошли основные части огнестрельного оружия). Так, в ч. 4 ст. 222 УК говорится об ответственности за незаконный оборот “холодного оружия, в том числе метательного оружия”, в то время как в Законе от 13 ноября 1996 года холодное и метательное оружие соотносятся не как род и вид, а как два самостоятельных вида оружия. Ориентируясь на последний нормативный акт, эксперт должен бы

⁵⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 26. Ст. 3012.

⁵⁸ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 30. Ст. 3588.

констатировать в Заключении, что представленный на исследование предмет ввиду предназначенности его для поражения цели на расстоянии относится к метательному оружию. Ориентируясь же на диспозицию ч. 4 ст. 222 УК, эксперт должен указать при тех же данных, что предмет является холодным оружием и что в данном случае налицо такая его разновидность, как метательное оружие. Однако подобное Заключение, согласующееся с текстом Уголовного кодекса, противоречит Закону об оружии и неверно по существу, ибо холодное оружие – то, которое, в отличие от метательного, предназначено для поражения цели “при непосредственном контакте” с объектом поражения (ст. 1). Совершенно очевидно, что в этом вопросе положения УК РФ устарели и надо ориентироваться на Закон об оружии, но никто, с другой стороны, этих положений не отменял, а по юридической силе оба закона равнозначны.

Или: в Законе об оружии патроны не рассматриваются в качестве разновидности боеприпасов, они представляют собой самостоятельный предмет. Но он не упомянут в диспозиции уголовного закона и в итоге неясно, наказуем ли в уголовно-правовом порядке незаконный оборот патронов. Постановление Пленума Верховного Суда РФ, принятое в “межсезонье”⁵⁹ (когда, с одной стороны, уже существовал новый Уголовный кодекс, но с другой – продолжал еще действовать прежний, а Закон об оружии был лишь в проекте), также, естественно, не могло адекватно отразить возникшую ситуацию. Следует в этой связи отметить позицию сменившего его постановления № 5 “О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств” от 12 марта 2002 г.: в абз. 2 п. 4 говорится, что “к категории боеприпасов относятся... все виды патронов к огнестрельному оружию, независимо от калибра, изготовленные промышленным или самодельным способом”⁶⁰. Здесь просматривается очевидная “нестыковка” с положениями Федерального закона об оружии.

⁵⁹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 8. С. 4.

⁶⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1992. № 5. С. 3.

Подобная же рассогласованность возникла после принятия Закона “О борьбе с терроризмом”⁶¹. В последнем термин “терроризм” использован для обозначения родового понятия – он охватывает все виды террористических актов, наказуемых в уголовно-правовом порядке (в том числе посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля – ст. 277 УК, нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации – ст. 360 УК). Отдельные же его виды, и в их числе такое обозначенное в заголовке ст. 205 УК деяние, как “терроризм”, именуется в Законе террористическими акциями. Но главное в том, что ст. 3 Закона называет не три, как в ст. 205 УК, а четыре цели терроризма – дополнительно выделена цель удовлетворения неправомерных имущественных и (или) иных интересов. Это решение законодателя следует признать разумным, поскольку им устраняется существующий пробел в диспозиции ст. 205 УК, к тому же можно более четко определиться в вопросе отграничения описанного в этой статье преступления от похищения человека, незаконного лишения свободы и захвата заложника (ст. 126, 127, 206 УК). Проблема же в том, что логически вытекающие из Закона о терроризме уточнения в Уголовный кодекс не внесены и неизвестно, будут ли внесены. Во всяком случае, указанный в ст. 28 Закона трехмесячный срок (со дня вступления его в силу) – в течение которого федеральные законы и другие нормативные акты подлежали приведению в соответствие с ним – давно истек, а вытекающих из Закона о терроризме изменений в УК РФ не последовало⁶². Если бы предписания данного комплексного нормативного акта – в части, касающейся уголовно-правовых положений – имели прямое действие, могли рассматриваться как составная часть уголовного законодательства, проблемы, подобные упомянутым, столь остро уже не стояли.

⁶¹ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3808.

⁶² Законом “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации” от 22 января 1999 г. дополнения в ст. 205 УК сделаны (см.: Российская газета. 1999. 12 февр.), однако не в ч. 1 и не того плана, о котором говорилось выше.

Отметим, что в упоминавшемся выше проекте закона “О нормативных правовых актах Российской Федерации” обоснованно предусмотрено, что “в случае противоречия между нормативными правовыми актами, обладающими равной юридической силой, действуют нормы акта, принятого (изданного) позднее” (ст. 71).

В этом же контексте упомянем Закон “О наркотических средствах и психотропных веществах”⁶³, в ст. 60 которого предусмотрены две новеллы: 1) особый порядок условно-досрочного освобождения для лиц, осужденных к лишению свободы за преступления, связанные с оборотом предметов, указанных в заголовке данного Закона (при этом предусмотрительно оговорено: “в соответствии с законодательством Российской Федерации”), 2) “уголовная ответственность за введение в пищевые продукты или напитки наркотических средств или психотропных веществ без уведомления лица, для которого они были предназначены”. Закон вступил в силу в апреле 1998 года, а до сего времени никаких изменений и дополнений в УК РФ не последовало, да это и не было предусмотрено упомянутым законом – в ч. 2 ст. 61 предложено лишь Президенту и поручено Правительству привести их нормативные правовые акты в соответствие с этим Федеральным законом. В итоге сохраняется неясность относительно судьбы упомянутых новелл, как и весьма распространившегося в периодической печати утверждения о том, что упомянутым Законом предусмотрена уголовная ответственность за незаконное потребление наркотических средств и психотропных веществ, а равно за незаконный оборот аналогов этих предметов. Действительно, ст. 14 и 40 содержат запрещение незаконного потребления, а равно оборота аналогов упомянутых предметов, однако в этих статьях не оговорено применение именно уголовной ответственности за такого рода поведение. Между тем, думается, оставлять без уголовно-правового реагирования по крайней мере факты незаконного оборота *аналогов* наркотических средств и психотропных веществ вряд ли было бы правильно.

⁶³ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 2. Ст. 219.

В приведенных выше случаях произошло “выпадение” предписаний уголовно-правового характера из системы Особенной части действующего Уголовного кодекса.

Во-вторых, до недавнего времени существовали и могут в дальнейшем возникнуть (в связи с появлением новых международно-правовых договоров, соглашений, пактов, конвенций, деклараций и т.п.) рассогласования между этими документами и Уголовным кодексом. Обратим прежде всего внимание на то, что УК РФ неадекватно отразил содержание ч. 4 ст. 16 Конституции. В последней зафиксированы два положения: 1) не только общепризнанные принципы и нормы международного права, но и международные договоры Российской Федерации “являются составной частью ее правовой системы”; 2) международный договор имеет приоритет в случае обнаружившихся противоречий между ним и законом РФ. В ч. 2 ст. 1 Уголовного кодекса речь идет только об общепризнанных принципах и нормах международного права и только о том, что УК “основывается” на них.

Можно опять же возразить, указав, что приведенные конституционные положения не в полной мере затрагивают сферу уголовного права и именно этим объясняется “укороченный” вариант их изложения в ст. 1 УК. Но так ли это на самом деле? Можно было бы еще как-то принять указанное возражение относительно Особенной части Уголовного кодекса, приведя тот довод, что международно-правовые акты, даже устанавливая запреты, конкретных санкций не предусматривают; отсутствует, следовательно, признак наказуемости и потому исключается прямое действие подобных положений в сфере уголовного права. Однако относительно Общей части этот довод еще более сомнителен.

Приведем конкретный пример. После распада СССР практика столкнулась с определенными трудностями в вопросе о допустимости учета по уголовным делам прежней судимости лица в других республиках Союза и других странах СНГ. В УК РСФСР 1960 года (как, впрочем, и в ныне действующем УК, а равно в Законе “О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации”) ответа на этот вопрос не содержалось. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, се-

мейным и уголовным делам стран-участниц СНГ от 22 января 1993 года в значительной мере ликвидировала пробел. В ст. 76 “Смягчающие или отягчающие ответственность обстоятельства” указано: “Каждая из Договаривающихся Сторон при расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел судами учитывает предусмотренные законодательством Договаривающихся Сторон смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства независимо от того, на территории какой Договаривающейся Стороны они возникли”⁶⁴.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в п. 11 постановления № 5 от 25 апреля 1995 года со ссылкой на ст. 76 Конвенции, судимости в других странах СНГ после прекращения существования СССР могут учитываться при назначении наказания как отягчающее обстоятельство и не должны приниматься во внимание при квалификации преступлений⁶⁵. Как видим, положения Конвенции 1993 года служат в настоящее время нормативной основой решения и уголовно-правовых проблем, и не только относящихся, кстати, к Общей части уголовного законодательства⁶⁶; они суть источник последнего.

Таким образом, и для уголовного права не теряют силы постановления ч. 3 ст. 5 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации” 1995 года⁶⁷ о том, что положения официально опубликованных международных договоров РФ, не требующих издания внутригосударственных актов применения, действуют в РФ непосредственно⁶⁸. Так что суды, столкнув-

⁶⁴ См.: Там же. 1995. № 17. ст. 1472.

⁶⁵ См.: Постановление Пленума “О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности” //Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. С.557.

⁶⁶ Вопросы квалификации преступлений имеют прямое отношение к Особенной части УК.

⁶⁷ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2757.

⁶⁸ Того же мнения придерживается и ряд других ученых. См., например: Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Указ. соч. С. 160. В.П. Коняхин,

шись в практической деятельности с упомянутой проблемой оценки уголовно-правового значения судимости, обязаны, не ограничиваясь ссылкой на постановление Пленума Верховного Суда 1995 года, в качестве правового основания назвать ст. 76 Конвенции 1993 года.

В-третьих, в разделе втором Конституции РФ “Заключительные и переходные положения” (ст. 2) зафиксировано, что законы и иные правовые акты, действовавшие на территории Российской Федерации до вступления Конституции 1993 года в силу, применяются в части, не противоречащей ей. Так, не утратили свою юридическую силу Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 марта 1965 года “О наказании лиц, виновных в преступлениях против мира и человечности и военных преступлениях, независимо от времени совершения преступлений”⁶⁹ и Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 3 сентября 1965 года “О применении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 марта 1965 года “О наказании лиц, виновных в преступлениях против мира и человечности и военных преступлениях, независимо от времени совершения преступлений”⁷⁰. В соответствии с этими актами, не распространяется действие института давности на а) нацистских преступников, виновных в тяжчайших злодеяниях против мира и человечества и военных преступлениях и б) советских граждан, которые в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. проводили активную карательную деятельность, принимали личное участие в убийствах и истязаниях советских людей. Внесенные в УК РФ положения (см. ст. 78, 83), в силу которых к лицам, совершившим преступления против мира и безопасности человечества (ст. 353, 356-358

именуя подобные нормативно-правовые акты самоисполнимыми, полагает, что они могут “выступать в качестве формального источника и иметь прямое действие не только при коллизии с Общей частью российского уголовного законодательства, но и при пробельности последней” (Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 96-97).

⁶⁹ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. № 10. Ст. 123.

⁷⁰ См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. № 37. Ст. 532.

УК), сроки давности не применяются, не в полной мере охватывают указанные выше категории преступников и совершенных ими преступлений. Поэтому в юридической литературе справедливо отмечается, что упомянутые нормативные акты продолжают оставаться источником российского уголовного права⁷¹.

В-четвертых, о несводимости источников уголовного права к УК РФ свидетельствуют также предписания ч. 3 ст. 331 УК, гласящей: “Уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством Российской Федерации военного времени”⁷². Следовательно, предполагается при возникновении определенных условий принятие отдельного нормативного акта (либо актов), который скорее всего будет действовать самостоятельно на всем протяжении военного времени (боевой обстановки) наряду с Уголовным кодексом РФ. Включение подобного акта в структуру УК было бы нецелесообразно не столько по причинам технического порядка, сколько ввиду относительной краткосрочности его (акта) применения, ограниченности его действия периодом военного времени. В силу приведенных соображений напрашивалось, на наш взгляд, упоминание в ч. 1 ст. 1 УК о такого рода актах.

Наконец, ч. 1 ст. 9 УК РФ предусматривает, что “преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния”. Складывается, таким образом, на первый взгляд парадоксальная ситуация: при смене законов, **по общему правилу**, применяется отмененный, официально утративший силу нормативно-правовой акт, не входящий в систему Общей и Особенной части действующего Уголовного кодекса. Так, продолжают применяться нормы прежнего УК 1960 года в отношении деяний, совершен-

⁷¹ См., например: Уголовное право России. Общая часть / Под ред. В.П. Малкова и Ф.Р. Сундунова. Казань, 1994. С. 14.

⁷² См. об этом также: Волженкин Б.В., Милюков С.Ф. Рецензия на кн. “Словарь по уголовному праву” / Отв. ред. А.В. Наумов. М., 1997. 686 с. // Государство и право. 1998. № 12. С. 115.

ных до 1 января 1997 года и являющихся предметом уголовного процесса в настоящее время. Исключение составляют лишь случаи, когда вступает в силу правило об обратной силе закона (ст. 10 УК РФ) и предпочтение отдается новому Уголовному кодексу⁷³.

Подводя итоги рассмотрения вопроса о нормативных актах – источниках уголовного законодательства, отметим, что, таким образом:

- оно отнюдь не сводится к действующему УК 1996 года, вопреки утверждению, содержащемуся в ч. 1 ст. 1 УК. Помимо Кодекса, составляющего сердцевину, или “ядро” уголовного законодательства, к последнему относятся также: а) конституционные положения уголовно-правового характера; б) уголовно-правовые положения международных договоров РФ, не требующих принятия внутригосударственных актов применения; в) отдельные нормативные акты Союза ССР, сохраняющие пока свое действие на территории России; г) нормативные акты об уголовной ответственности за преступления против военной службы, рассчитанные на применение их в военное время; д) уголовные законы, утратившие свою силу относительно деяний, совершенных в последующем, но распространяющиеся на деяния, совершенные в прошлом (в период действия этих законов), и некоторые другие⁷⁴;

⁷³ Однако и здесь возникают свои проблемы, вызванные тем, что законодатель при принятии нового УК не продумал сколь-либо тщательно вопросы, могущие возникнуть в плане применения обратной силы закона. Речь идет о несогласованности в отдельных случаях новой и прежней санкции однотипной нормы в части минимальных и максимальных пределов, дополнительных наказаний, отнесения деяния к определенной категории преступлений и т.д.

⁷⁴ В теории уголовного права предложена даже иерархия источников. Так, В.П. Коняхин усматривает следующую их “лестницу”: 1) Конституция РФ, 2) международные договоры РФ, 3) уголовный закон (в широком смысле слова) и 4) законы иной отраслевой либо многоотраслевой принадлежности (см.: Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб, 2002. С. 77). Несколько иную и, как представляется, менее удачную иерархию предлагают Ю.Е. Пудовочкин и С.С. Пирвагидов: 1) Конституция РФ, 2) об-

- предписание той же ч. 1 ст. 1 УК, что “новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс”, в своей основе разумно. Однако оно же допускает некий разрыв во времени между принятием комплексного закона, содержащего нормы уголовно-правового характера, и включением этих норм в УК РФ. А это чревато возникновением коллизии, несогласованности в уголовном законодательстве. Во избежание этого, как представляется, необходимо, чтобы в Заключительных положениях комплексного нормативного акта указывалось на обязательность внесения в строго определенные сроки соответствующих изменений и дополнений в действующие законы, в том числе – в необходимых случаях – в Уголовный кодекс РФ. Оптимальным же представляется вариант, когда Закон о внесении изменений и дополнений в УК принимался бы одновременно с принятием комплексного закона. Это тем более важно, раз законодатель склонен считать единственным местом сосредоточения уголовно-правовых предписаний Уголовный кодекс РФ.

Сказанное касается и кодифицированных актов криминального цикла, вступивших в действие позднее появления УК 1996 года. Так, Уголовно-исполнительный кодекс, принятый 18 декабря 1996 года и введенный в действие с 1 июля 1997 года, немалое число вопросов регламентирует иначе, нежели УК РФ⁷⁵. Это уже вызывает неприятие, учитывая тесную взаимосвязь и зависимость уголовного и уголовно-исполнительного права и то, что упомянутые акты приняты с интервалом менее полугода. В этой связи обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Статья 4 Закона

щепризнанные принципы и нормы международного права, 3) федеральные и федеральные конституционные законы РФ, в том числе и Уголовный кодекс, 4) постановления Пленума Верховного Суда РФ (см.: Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Указ. соч. С. 157).

⁷⁵ См. об этом подробнее: Кругликов Л.Л. О некоторых элементах несогласованности Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов // Проблемы теории наказания и его исполнения в новом Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах: Материалы научно-практической конференции, М., 1997. С. 88-92; Тенчов Э.С. Цели наказания и его исполнения в новом УК и УИК РФ (различия в подходах) // Там же. С. 33-35.

“О введении в действие Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации”⁷⁶, с одной стороны, зафиксировала (без указания сроков), что другие законы и иные нормативные правовые акты подлежат приведению в соответствие с УИК РФ. С другой стороны, предписала, что впредь до приведения их в соответствие надлежит применять такого рода акты в части, не противоречащей УИК РФ. Если строго следовать этому предписанию, следует скорректировать ряд положений Уголовного кодекса: о круге *целей* наказания (ст. 1 УИК к ним относит исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, а ст. 43 УК – восстановление социальной справедливости, а также исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений); о дополнительных *обязанностях и запретах*, устанавливаемых УИК для осужденных к исправительным работам (ст. 41): ст. 50 УК такого не предусматривает; об *основаниях замены* исправительных работ другим видом наказания; об *основаниях отмены* условного осуждения и т.д.

Очевидно, в такой ситуации – впредь до внесения соответствующих изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ – должны бы применяться положения Уголовно-исполнительного кодекса, корректирующие текст УК.

В принципе именно такой подход избрал законодатель, приняв новый УПК РФ⁷⁷. В ст. 4 Федерального закона “О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации” сказано: “Действующие на территории Российской Федерации федеральные законы и иные нормативные правовые акты, связанные с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, подлежат приведению в соответствие с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации”. И далее: “Впредь до приведения в соответствие с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации указанные фе-

⁷⁶ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 199.

⁷⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

деральные законы и иные нормативные правовые акты применяются в части, не противоречащей Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации”⁷⁸.

Но в таком случае получается, что новые или уточняющие предписания уголовно-правового характера, введенные в новый Уголовно-процессуальный кодекс, содержатся сейчас не в УК, а в ином нормативном акте, что неприемлемо с позиции положений ч. 1 ст. 1 УК и вряд ли корректно исходя из отраслевой специализации. Скажем, статьи 25 и 28 УПК РФ допускают прекращение уголовного дела (с освобождением от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим и в связи с деятельным раскаянием) в отношении лиц, совершивших преступления не только небольшой (как это предусмотрено Уголовным кодексом), но и средней тяжести. То есть условия, при которых возможно освобождение от ответственности по нереабилитирующим основаниям, заметно расширены, причем сделано это с нарушением принципа отраслевой принадлежности правового предписания, ведь по своему содержанию оно носит материальный характер. Тем не менее, думается, в силу ч. 4 упомянутого выше закона правоприменитель обязан руководствоваться ст. 25 и 28 УПК РФ, а не предписаниями по тем же вопросам Уголовного кодекса РФ.

Чтобы исключить подобного рода ситуации, желательно, конечно же, принимать упомянутые кодифицированные акты одновременно, “в пакете”. Если по тем или иным причинам этого не удастся сделать (как в случае значительно более позднего – по сравнению с УК и УИК – принятия УПК РФ в силу обнаружившихся различий в концептуальном подходе разработчиков проекта), необходимо одновременно с принятием входящего “в пакет” Кодекса (в приведенном примере – УПК) вносить изменения и дополнения в более ранние по срокам кодифицированные акты, в УК и УИК РФ.

Подводя итог изложенному, резюмируем, что Уголовный кодекс РФ действительно признан законодателем в качестве единственного источника отечественного уголовного права. Однако в

⁷⁸ Там же. Ст. 4924.

реальности дело обстоит иначе: УК РФ 1996 года отнюдь не стал “единственным”, в круг источников входит в настоящее время также ряд других нормативных актов той же силы либо и с большей юридической силой.

Отрицательным получается ответ на вопрос и в той части, “должен” ли быть признан Уголовный кодекс 1996 года единственным источником уголовного законодательства. Как бы это ни было выгодно, реально обеспечить таковое невозможно. Ибо жизнь не стоит на месте: уголовно-правовые предписания могут появиться в Конституции РФ, международных договорах России, в комплексных нормативных актах и в кодексах криминального цикла (УИК, УПК РФ), и т.п. К тому же существуют упоминавшиеся выше положения ст. 331 УК о возможности появления законов военного времени, а также специфичное именно для уголовных дел правило, согласно которому применению подлежит уголовный закон времени совершения преступления, в том числе и отмененный, с позиции ст. 1 УК РФ 1996 года не имеющий юридической силы. Упомянем также о возможности принятия уголовного закона (скажем, касающегося вопроса о смертной казни) всенародным референдумом; он будет иметь прямое действие⁷⁹, независимо от того, когда состоится внесение его текста в Уголовный кодекс. Обратим, наконец, внимание на тот факт, что не на должной высоте ныне находятся законодательная техника, процедура принятия нормативных актов (в том числе и уголовных), и это также не может не сказаться в конкретном случае на реализации идеи о “единственном источнике отечественного уголовного права”.

Форма права, техника конструирования законодательного материала во многом определяются содержанием, а еще более – сущностью нормы, ее целевым предназначением. В частности, “та или иная форма словесного изложения правовой нормы не произвольна. Она должна отвечать специфическим особенностям

⁷⁹ См.: Федеральный закон “О референдуме” // Собрание законодательства. 1995. № 42. Ст. 3921.

содержания”⁸⁰. Так, если нормативно-правовой акт строится на идее *nullum crimen sine lege* (нет преступления без указания о том в законе), его Особенная часть должна содержать исчерпывающий перечень уголовно-наказуемых видов поведения, а аналогия как способ преодоления пробелов – этим актом исключаться. Соответственно ни в актах толкования, ни в процессе правоприменения аналогию как технологический прием использовать недопустимо. А как обстоит дело в российской правовой системе в действительности?

Статья 3 УК РФ гласит, что применение уголовного закона по аналогии не допускается. Если данное предписание удастся реализовать, это, несомненно, будет свидетельствовать о торжестве и незыблемости принципа законности. Однако есть веские основания сомневаться в обоснованности предписаний ст. 3 УК. Для реального исключения аналогии из правоприменительного процесса необходимо либо создать беспробельный уголовный закон, либо разработать такой механизм законотворчества, который позволял бы в кратчайшие сроки ликвидировать возникшие пробелы. Думается, ни того, ни другого законодатель в действительности обеспечить не может.

Пробелы в уголовном праве неизбежны – если не первоначальные, то, по крайней мере – последующие. Причин тому немало – как объективного, так и субъективного порядка. Так, неизбежно возникают новые общественные отношения, нуждающиеся в правовом регулировании: особенно это характерно в переломные для общества и государства периоды (один из которых переживает в настоящее время Россия) – происходят быстрые перемены, появляются “нажитки”, в т.ч. и негативного свойства, которые необходимо осмыслить и урегулировать, а для этого требуется время. Законодательство “обречено” на изменения и дополнения в будущем, в том числе ввиду принятия новых законов, которые могут диктовать внесение коррективов в уголовный закон. Таковы ситуации с принятием федеральных законов “О несостоя-

⁸⁰ Наумов А.В. Форма уголовного закона и ее социальная обусловленность. С. 22.

тельности (банкротстве)”, “О банкротстве (несостоятельности) кредитных организаций”, “Об акцизах”, “О наркотических средствах и психотропных веществах”, “Об оружии” и т.д. К субъективным причинам относятся, в частности, недосмотры, упущения, небрежность нормотворческого органа.

В качестве иллюстрации можно сослаться на прежнее уголовное законодательство, которое также придерживалось позиции недопущения аналогии и которое предоставило обильный материал для опровержения тезиса о беспробельности. Так, насильственное удовлетворение мужчиной половой страсти в извращенной форме с женщиной в качестве вида полового преступления в УК 1960 г. не называлось. Практика пошла по пути применения в этом случае состава изнасилования (ст. 117 УК), хотя такого рода поведение не является половым сношением. Эта практика продолжалась до появления в новом УК 1996 г. ст. 132. Напомним также, что в первоначальной редакции УК 1960 г. не оказалось нормы об ответственности за угон транспортных средств. Это приводило к применению аналогии. “В одних случаях действия виновных квалифицировались как хулиганство, в других – как кража или самоуправство”⁸¹. Такое положение сохранялось до 1965 г., когда в УК была введена ст. 212¹.

Известно также, сколь широко трактовалось практикой понятие должностного лица, в результате чего в период действия УК 1960 г. почти каждый третий осужденный по статьям главы 7 был привлечен незаконно. В течение ряда лет в качестве должностных лиц – субъектов преступлений гл.7 практика признавала граждан, выполнявших управленческие функции в коммерческих и иных организациях, не являвшихся государственным или муниципальным органом, учреждением: коммерческий агент кооператива, руководитель арендного предприятия, директор ТОО и т.д.

Еще более недостатки закона проявились в сфере применения нормы об ответственности за получение взятки (ст. 173 УК 1960 г.): законодатель связал получение взятки с должностными *полномочиями* виновного, к тому же с обязательством совершения за

⁸¹ Курс советского уголовного права. Т. 5. Л., 1981. С. 103.

взятку *конкретного* действия. В этой связи возник ряд вопросов: как быть, если лицо получает вознаграждение 1) за поведение, выражающееся в *превышении* его должностных полномочий, 2) за использование своего должностного *авторитета*, 3) за *общее* покровительство или попустительство по службе? Практика пошла по пути самого широкого понимания текста закона, применяя ст. 173 УК и к случаям взятки за совершение незаконных действий (бездействия), использование должностного авторитета, за общее покровительство или попустительство по службе, хотя такого смысла в норме заложено не было. Дефект закона был ликвидирован лишь с принятием УК 1996 г. (ст. 290).

Пробелы были характерны не только для Особенной, но и для Общей части УК 1960 г. Так, среди обстоятельств, исключающих преступность деяния, отсутствовало упоминание о вынужденном причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление. Практика пошла по пути *приравнивания* этого обстоятельства к необходимой обороне. По сходству (с назначением наказания по нескольким приговорам) решался судами вопрос и о сложении назначенных по совокупности преступлений разнородных наказаний. В УК 1996 г. этот пробел ликвидирован посредством установления правил сложения разнородных наказаний (ст. 71), общих для совокупности и преступлений, и приговоров.

Не свободно от пробелов и ныне действующее уголовное законодательство. В пользу этого вывода свидетельствуют прежде всего многочисленные изменения и дополнения, уже внесенные в УК 1996 г. Так, дополнительно в качестве признаков основного состава названы страховая взнос в государственные внебюджетные фонды (ст. 198, 199), основные части оружия (ст. 222), органы, уполномоченные на принятие мер по устранению опасности для жизни или здоровья людей (ст. 237), а в п. “в” ч. 2 ст. 126 в качестве квалифицирующего признака состава наряду с насилием, опасным для жизни или здоровья, названа угроза применения такого насилия⁸².

⁸² См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 26. Ст. 3012; 1999. № 7. Ст. 871, № 12. Ст. 1407.

Ждут своего часа изменения и дополнения, вытекающие из ряда вступивших в силу федеральных законов: “Об оружии”, “О наркотических средствах и психотропных веществах”, “О борьбе с терроризмом”, “О несостоятельности (банкротстве)”, “О банкротстве (несостоятельности) кредитных организаций” и т.д. В частности, как выше уже упоминалось, первый из этих законов оперирует – как самостоятельными – понятиями метательного оружия и патронов, в то время как действующий УК либо их не упоминает (патроны), либо считает разновидностью оружия. До сих пор не нашли своего отражения такие предметы незаконного оборота, наказуемого по ст. 228-233 УК, как прекурсоры и аналоги наркотических средств и психотропных веществ, о которых говорится в соответствующем Федеральном законе. Разумеется, рано или поздно эти пробелы придется законодателю в УК РФ устранять.

Наиболее показательным примером пробела (уже применительно к Общей части) может служить изначальный дефект ст. 69 УК РФ, в силу которого стало подчас невозможным с позиции принципа законности вынесение решения по существу. Практика оказалась на полтора года в тупике, ибо не была урегулирована ситуация, когда в уголовном деле сочетались деяния небольшой и иной тяжести.

Отсюда очевидна ошибочность утверждений о беспробельности уголовного законодательства, которая якобы должна наступить вслед за установлением запрета на применение аналогии. Аналогия – это в определенном смысле последствие пробела, а не его причина, поэтому наличие последнего вызывается не допустимостью аналогии в законе, а иными обстоятельствами. Любое, даже самое совершенное законодательство, “обречено” на пробелы – хотя бы в последующем, и требуется определенное время для их устранения. Именно в этот период у практики возникает потребность в применении аналогии.

Поскольку пробелы и аналогия – неизбежные явления в праве (в т.ч. уголовном), им должно уделяться необходимое внимание в теории юридической техники. В этом плане заслуживает поддержки выделение в разделе 5 “Правореализационная и интер-

претационная техника” Инициативной программы спецкурса “Юридическая техника” самостоятельной темы: о пробелах в праве, способах их восполнения в практике применения юридических норм и применении права по аналогии⁸³.

Заметим, что, когда заходит речь о минусах использования аналогии в уголовном праве, все сводится к сфере признания деяний преступными и наказуемыми. Но не надо забывать, что существует аналогия, касающаяся Особенной и Общей части. Когда аналогию пытаются использовать для провозглашения непрерывного поведения преступным, принцип *nullum crimen sine lege* должен оставаться неизблемым, и в этой сфере места аналогии не должно быть. Это вытекает из принципа виновного вменения, осознания (или возможности осознания) лицом в момент совершения деяния общественной опасности и преступного характера последнего.

Иная ситуация – с теми нормами, которые более характерны для Общей части. В условиях, когда состав преступления налицо, а не урегулированы частные вопросы, не должно возникать дилеммы – отказаться от решения дела по существу и ждать, когда законодатель устранит пробел, или действовать. Суду в таких условиях должно быть предоставлено право действовать. При этом необходимо соблюдение следующих правил:

- недопустимо расширение сферы уголовной ответственности;
- применение аналогии не должно противоречить предписанию конкретных норм УК;
- исключается ущемление прав и законных интересов личности, противоречие с основополагающими идеями уголовного закона.

Учитывая изложенное, содержание ч. 2 ст. 3 УК РФ должно быть соответствующим образом скорректировано: законодателю необходимо, на наш взгляд, указать, что применение закона по аналогии в части признания деяния преступным и наказуемым недопустимо; ее использование в процессе правоприменения по

⁸³ См.: Проблемы юридической техники. С. 737-751.

иным вопросам не должно противоречить принципам уголовного права, предписаниям конкретных статей Уголовного кодекса Российской Федерации, приводить к ущемлению прав и законных интересов личности.

Заслуживает внимания и еще один аспект вопроса. И в общей теории права⁸⁴, и в уголовно-правовой науке⁸⁵ выделяют наряду с содержанием права внешнюю и внутреннюю форму права. Если под первой из них понимается форма нормативных актов как источник права, то под второй чаще всего – внутренняя форма правовой нормы (совокупности норм), т.е. система ее строения, способ связей частей, структура, т.е. моменты, имеющие прямое отношение к законодательной технике. “Элементом законодательной техники, – справедливо пишет Ю.А. Тихомиров, – является нормативная структуризация текста закона. Имеется в виду четкая последовательность операций. К ним следует отнести действия по выработке композиции акта, установлению его составных частей (главы и статьи, разделы, части и т.п.)”⁸⁶.

Структура уголовного законодательства (Особенной его части) во многом определяется объектом уголовно-правовой охраны – общественным отношением, которое взято законодателем под защиту и ради защиты которого конструируются соответствующие уголовно-правовые нормы, их совокупность⁸⁷.

2. *Средства законодательной техники.* В юридической литературе не наблюдается единства мнений не только по вопросу о понятии, но также и относительно **круга** средств законодательной техники. Так, В.М. Горшенев, рассматривая средства как разновидности нетипичных нормативных предписаний и выделяя три разновидности, относил средства к двум из них: а) нормативным обобщениям, характеризующимся тем, что “в их норма-

⁸⁴ См., например: Керимов Д.А. Философские проблемы права.

⁸⁵ См., например: Наумов А.В. Форма уголовного закона и ее социальная обусловленность. С. 18.

⁸⁶ Тихомиров Ю.А. Указ. соч. С. 41.

⁸⁷ Иного мнения на этот счет придерживается Г.П. Новосёлов, предлагающий считать объектом не общественные отношения, а людей (см. об этом: Новосёлов Г.П. Учение об объекте преступления. М., 2001).

тивных предписаниях содержится известная доля допущения, относительность состояния"⁸⁸. К этой группе, полагал он, следует относить презумпции и фикции; б) нормативным предписаниям, которые выполняют функции своего рода трафарета и предназначены для того, чтобы с их помощью можно было удостоверить юридическую характеристику определенного фактического обстоятельства, реальность состояния, имеющего юридическое значение. Они как бы "прикладываются" к фактическим обстоятельствам⁸⁹. К этой группе, по его мнению, относятся дефиниции и юридические конструкции. Однако в действительности В.М. Горшенев не ограничивал круг средств названными выше видами, относя к ним также "преюдиции и т.д."⁹⁰

М.К. Юков к средствам юридической техники относит нормативное построение, юридические конструкции и отраслевую типизацию⁹¹. В.К. Бабаев причисляет к ним, в частности, аксиомы, юридические конструкции, правовые символы, презумпции и фикции, отмечая, что именно эти средства "оказались обойдены вниманием правовой и в особенности – учебной литературы", в то время как они "играют важную роль в правовом регулировании общественных отношений"⁹².

В отраслевых дисциплинах, в т.ч. уголовно-правовой литературе, этот вопрос также рассматривался. Так, по мнению Е.В. Ильюк, средства законодательной техники – это юридические конструкции (модели) и терминология⁹³. Более широко толкует средства проф. О.А. Красавчиков – представитель науки гражданского права: к средствам юридической техники он причисляет (помимо упоминаемых Е.В. Ильюк видов – юридических конструкций и терминологии) также презумпции и фикции; сис-

⁸⁸ Горшенев В.М. Указ. соч. С. 116-117.

⁸⁹ Там же. С. 117.

⁹⁰ Там же. С. 113.

⁹¹ См.: Юков М.К. Указ. соч. С. 47.

⁹² Общая теория права: Курс лекций / Под общ. ред. В.К. Бабаева. С. 100.

⁹³ См.: Ильюк Е.В. Указ. соч. С. 8.

тематизацию⁹⁴. Возражая против последнего, С.С. Алексеев обращает внимание на то, что систематизация есть "юридически содержательная деятельность и с этой точки зрения она не может быть поставлена в один ряд с терминологией и юридическими конструкциями"⁹⁵.

Видимо, по мере развития теории будут вычленены и иные средства – как уже фактически используемые законодателем, так и могущие быть использованными для нормативного закрепления, юридического выражения воли законодателя. Применительно же к современному уровню (состоянию) общей теории российского права есть основания оперировать в науке уголовного права понятиями а) юридической конструкции, б) терминологии, в) презумпции, г) юридической фикции, а также д) символов.

Вопросы терминологии в последнее время активно анализируются специалистами в области общей теории и науки уголовного права⁹⁶. Что же касается иных средств законодательной техники, то они практически обойдены вниманием, до недавнего времени вовсе оставались вне поля зрения науки уголовного права. Это ли не свидетельство недооценки значимости упомянутых средств (юридических конструкций, презумпций, фикций и символов) при нормативном и системном построении уголовно-правовых актов? Между тем как правильно подчеркивается в общей теории права, "полное и правильное использование всех средств и приемов на основе отработанных правил юридической техники обеспечивает точное выражение содержания правовых актов, их доходчивость и доступность, возможность наиболее ра-

⁹⁴ См.: Красавчиков О.А. Указ. соч. С. 124 и далее.

⁹⁵ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 275.

⁹⁶ См., например: Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990; Власенко Н.А. Язык права. Иркутск, 1997; Бушуева Т.А. Язык уголовного закона. Язык Общей части УК РСФСР // Учен. зап. ДВГУ. 1973. Т. 66; Кузнецова Н. Эффективность уголовно-правовых норм и язык закона // Соц. законность. 1973. № 9; Ушаков А. Каким должен быть язык уголовного закона // Соц. законность. 1974. № 10.

ционального их использования в практической работе"⁹⁷. Отсюда необходимо осмысление всего круга средств, возможностей их использования в процессе законотворчества. Отрадно, что вопросам законодательной техники в уголовном праве наконец-то стало уделяться заметное место, в последние годы "не избалованные вниманием" виды средств стали предметом кандидатских диссертаций, в т.ч. подготовленных аспирантами и соискателями ярославской юридической школы⁹⁸, представителями этой школы опубликовано немало работ, в их числе и монографического характера⁹⁹.

По мнению некоторых ученых, правовые конструкции находятся где-то на стыке правотворчества и правоприменения, "между техническими приемами разработки и систематизации правовых норм и техническими приемами, способствующими толкованию и применению этих норм"¹⁰⁰. Очевидно, подобная мысль проистекает из понимания конструкции как идеи, опирающейся на искусственные приемы мышления¹⁰¹. В действительности же юридические конструкции – это схемы, модели, типовые образцы, используемые законодателем для формулирования правовых норм и их систематизации. Конструкция (от лат. *constructio*) есть строение (построение), устройство чего-либо, поэтому в уголовно-правовой теории под ней обоснованно понимают характер, тип связей между составными частями, разновидность "набора"

⁹⁷ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 270.

⁹⁸ См.: Панько К.К. Фикции в уголовном праве (в сфере законотворчества и правоприменения): Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 1998; Зуев Ю.Г. Презумпции в уголовном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2000; Спиридонова О.Е. Символ как предмет преступления: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2002; Иванчин А.В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2003.

⁹⁹ См.: Панько К.К. Фикции в уголовном праве. Воронеж, 1998; Кругликов Л.Л., Зуев Ю.Г. Презумпции в уголовном праве (в сфере ответственности за экономические и иные преступления). Ярославль, 2000.

¹⁰⁰ Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника... С. 216.

¹⁰¹ См.: Там же. С. 215.

или сочетания последних¹⁰². В уголовном законодательстве юридические конструкции используются при придании формы как отдельным нормативным предписаниям, так и правовым институтам и уголовному праву в целом.

Пожалуй, наиболее известная сфера их применения в уголовном праве – конструирование основания уголовной ответственности. По подсчетам В.Н. Кудрявцева, теоретически мыслимы 576 различных конструкций состава, в зависимости от комбинаций категорий признаков. В действительности же их число значительно меньше ввиду того, что многих комбинаций в законе не встречается¹⁰³. Действующему уголовному законодательству известны составы простые и сложные (среди последних – с альтернативными признаками; с двумя действиями; с двумя объектами; с двумя последствиями; с двумя формами вины). Выделяют также – исходя из конструкций – составы материальные, формальные и усеченные. Использование законодателем простых и сложных конструкций составов в уголовно-правовой теории серьезных возражений не вызывает, отдельные споры возникают лишь относительно разновидностей упомянутых конструкций: существуют ли бланкетные составы, надо ли выделять, помимо составов с двумя объектами, еще и с двумя последствиями, и т.п.

Что же касается второго выделения (формальных, материальных и усеченных), то до сих пор подвергают критике приверженцев этой "теоретически надуманной и фактически вредной дифференциации"¹⁰⁴. Но так ли это на самом деле? Если отвлечься от упреков чисто терминологического характера (насколько удачно обозначение: усеченный состав; формальный и т.д.), сосредоточив внимание на сути проблемы, то нетрудно видеть зависимость используемой законодателем в конкретном случае конструкции от его намерения так или иначе определить момент

¹⁰² См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 88.

¹⁰³ См.: Там же. С. 92.

¹⁰⁴ Кузнецова Н.Ф. Классификация преступлений в Общей части Уголовного кодекса // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве. Ярославль, 1995. С. 23.

окончания описываемого вида преступления. Когда он принимает решение передвинуть этот момент с наступления последствий на более раннюю стадию развития посягательства (совершение действий либо осуществление акта бездействия), то уместно и по сути неизбежно обращение к конструкции формальных составов. Когда же в целях общей и специальной превенции законодатель склоняется к необходимости, прибегнув к юридической фикции, связать момент окончания преступления с еще более ранней ступенью посягательства – с его началом, а то и с приготовительными действиями, без конструкции усеченного состава ему просто не обойтись.

Отрицание объективного существования анализируемых конструкций наносит ощутимый урон уголовно-правовой науке: вместо назревшей дискуссии об уточнении понятия каждой из трех конструкций, их разновидностей, об унифицировании взглядов на момент окончания преступлений с формальным и усеченным составами и т.д. ведется вялотекущая и малопродуктивная дискуссия по вопросу, существуют в природе такие конструкции либо же нет. Вопрос сам по себе, конечно, важный, но не пора ли делать серьезный шаг вперед?

Так, нетрудно заметить, что простой констатации использования законодателем различных конструкций в зависимости от его решения по определению момента окончания преступления явно недостаточно: в одних нормах этот момент связывается с фактическим наступлением последствий, в других – с угрозой их наступления, в третьих – с совершением действий (бездействия), причем оказавшихся продуктивными, успешными, хотя и не повлекшими преступных последствий, в четвертых – с формальным окончанием деяния, в пятых – с совершением хотя бы части деяния, описанного в законе, в шестых – с приготовительными действиями. Если оставаться в рамках выделяемых трех конструкций, необходимо четче определить разграничительные линии между ними и объем каждого понятия, а затем обрисовать их разновидности. Нуждаются в дополнительном осмыслении и причины, побуждающие законодателя прибегнуть к одной из шести разновидностей состава по его конструкции, и то, насколько обоснованно

Пленум Верховного Суда толкует момент окончания преступления применительно к той или иной конструкции его состава¹⁰⁵.

Еще меньшее внимание уделяется доктриной уголовного права конструкциям (типам) санкций, а общая теория права ограничивается и вовсе выделением лишь отдельных видов последних, называя, как правило, абсолютно-определенные и относительно-определенные, а также альтернативные санкции, что лишь в малой степени отражает реальность. Так, если вести речь о видах, то действующему уголовному законодательству известны (помимо упомянутых выше) санкции единичные (без альтернативы), простые и кумулятивные, непосредственно-определенные и опосредованно-определенные (ссылочные и бланкетные), с чисто уголовно-правовым содержанием и с указанием на меры неуголовно-правового характера. Число возможных комбинаций различных видов санкций (из 4-х групп) дает 16 теоретически мыслимых типов санкций, лишь 10 из которых используются в Уголовном кодексе¹⁰⁶. Ясно, что в зависимости от выбора законодателем того или иного типа (конструкции) санкции у суда появляются различные возможности – большие и меньшие – при избрании наказания лицу в случае совершения им конкретного вида преступления.

Помимо упомянутых сфер (составы преступлений, санкции), заслуживает внимания и ряд других, где законодателем используются те или иные конструкции (вменяемости и невменяемости; форм вины – умысла и неосторожности; соучастия и др.).

Вопрос о существовании презумпций в уголовном праве российская наука ставит под сомнение. Так, не отрицая материально-правового значения и, следовательно, самого факта существования предположений в гражданском праве, некоторые ученые в то же время не допускают мысли о презумпциях в уголовном пра-

¹⁰⁵ См. например: Козаченко И., Курченко В. Определение момента окончания преступления в судебной практике // Сов. юстиция. 1990. № 17.

¹⁰⁶ См. об этом: Кругликов Л.Л. Классификация уголовно-правовых санкций // Сов. государство и право. 1983. № 5. С. 63-67.

ве¹⁰⁷. Очевидно, такой подход объясняется традиционным представлением о связи данного понятия с процессом доказывания. Безусловно, роль презумпций в процессуальной деятельности велика, но только к ней не сводится. Применение презумпции – это законодательный прием, используемый при конструировании правовых норм; он зиждется на предположении о наличии или отсутствии определенных фактов, которое в свою очередь основано на связи предполагаемых фактов с фактами наличными исходя из предшествующего опыта. Характерной особенностью правовых презумпций является их прямое или косвенное закрепление в нормах права¹⁰⁸. Презумпции как средство законодательной техники и применение их как прием присущи не только уголовно-процессуальному, но и уголовному законодательству.

Остается непреложным, например, тот факт, что презумпция знания уголовного закона, уголовно-правовых предписаний имеет прежде всего уголовно-правовое, материальное значение. Согласно ст. 9 УК, "преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния"; это положение отталкивается от того важного для констатации субъективного основания ответственности момента, что лицо знало о наличии запрета и тем не менее пошло на его нарушение, – действующее уголовное законодательство исходит, по сути, из бесспорности знания гражданами уголовно-правовых запретов (неопровержимости презумпции). На самом же деле вполне мыслимы ситуации ошибок в запрете, что непосредственным образом должно сказываться на форме вины и на возможности ответственности в целом. Проект УК РФ эти ситуации предполагал регламентировать, устанавливая правила уголовно-правовой (материальной) оценки ошибок в запрете, однако

¹⁰⁷ См., например: Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М., 1947. С. 172.

¹⁰⁸ См.: Общая теория права: Курс лекций. С. 105; Горшенев В.М. Указ. соч. С. 117.

без должных, на наш взгляд, оснований законодатель в окончательный текст эти положения не включил.

Материальный характер имеет и презумпция, касающаяся возрастных границ субъекта преступления: действует предположение, что лица, не достигшие 14-летнего возраста, не имеют того уровня духовной зрелости, который необходим для осознания социальной значимости своего поведения и возможности предвидения вредного результата. И напротив, все лица, достигшие 16 лет, полагаются имеющими минимальный уровень духовной зрелости. Прежнее уголовное законодательство (УК РСФСР 1960 г.) считало применительно к обеим ситуациям презумпцию неопровержимой, ибо не предусматривало каких-либо изъятий (не считая состояния невменяемости – ст. 11 УК). Первую брешь в этом попытался пробить Пленум Верховного Суда СССР, указав в постановлении № 16 от 3 декабря 1976 г., что с учетом умственной отсталости несовершеннолетнего – субъекта преступления – суд "может ограничиться в отношении его применением принудительных мер воспитательного характера"¹⁰⁹.

Совершенно ясно, что это разъяснение было направлено на ограничение, а не на устранение ответственности. Иным выглядит решение этого вопроса в УК РФ: в ч. 3 ст. 20 указано, что и в случае достижения возраста, предусмотренного частями 1 или 2 ст. 20 УК, субъект "не подлежит уголовной ответственности", если вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния он не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Таким образом, применительно к данной ситуации презумпция становится опровержимой – при сохранении неопровержимости ее применительно к лицам, не достигшим 14-летнего возраста.

Если презумпция зиждется на приравнивании "вероятного (или, по меньшей мере, возможного) к истинному", то фикция

¹⁰⁹ Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1995. С. 149.

"идет по линии сознательного отождествления истинного с не истинным"¹¹⁰. Общее же в них заключается в том, что эти средства используются законодателем для обеспечения формальной определенности права, большей стабильности общественных отношений.

Фикция как средство законодательной техники не столь уж редко применяется в законоположениях. Так, согласно ст. 86 УК РФ лица, фактически судимые, при оговоренных в ч. 2, 3 и 5 условиях, признаются не имеющими судимости, то есть судимость как бы исчезает, хотя фактически она и имеет место. "Погашение или снятие судимости, – обоснованно подчеркивается в одном из Комментариев УК, – означает, что имевшийся в прошлом факт осуждения лица за совершенное им преступление утратил юридическое значение и не может более влечь неблагоприятные последствия, установленные нормами права для лиц, имеющих судимость. Однако этот факт, как и всякий другой, не поддается ни погашению, ни снятию"¹¹¹. Ту же функцию, по сути, выполняет это средство и относительно признака неоднократности: последняя в уголовно-правовом смысле отсутствует, если а) в отношении первого преступления истек срок давности; б) снята или погашена судимость; в) законом устранена наказуемость деяния, которое лицо совершило в прошлом; г) за совершенное ранее преступление лицо было освобождено от уголовной ответственности или от наказания по нереабилитирующим основаниям¹¹².

Невнимание к законодательному средству – фикциям в уголовном праве – не позволяет осмыслить многие возникающие вопросы теоретического и практического плана: каковы предназначение данного средства в этой отрасли законодательства и пределы его использования; насколько удачна сфера приложения его в настоящее время; до конца ли последовательно избранное зако-

¹¹⁰ Нашиц А. Указ. соч. С. 222.

¹¹¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. Л.Л. Кругликова и Э.С. Тенчова. Ярославль, 1994. С. 175.

¹¹² См.: Ст. 16 УК РФ; Сборник постановлений Пленумов... С. 184.

нодателем решение. Скажем, в ст. 57 УК РСФСР умалчивалось, что же дает судимому в прошлом лицу погашение и снятие судимости; ч. 6 ст. 86 УК РФ содержит на этот вопрос четкий ответ: "Погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, связанные с судимостью".

Что же касается приемов законодательной техники, то они – “суть способы построения нормативных предписаний, в том числе соединенные с использованием определенного средства (приемы примечания, дефиниции, непосредственно-определенный и ссылочный приемы). Как прием следует квалифицировать и применение технического средства (например, способы использования языковых единиц)”¹¹³.

Заслуживает внимания высказанное в уголовно-правовой литературе соображение о том, что первичные компоненты законодательной техники – средства, приемы (а также правила, регулирующие использование средств и приемов) – при их сочетании могут образовывать и более крупные единицы – методики как вторичные компоненты: методики построения санкции; языкового выражения нормативных предписаний, структуризации нормативного акта¹¹⁴.

§ 2. Понятие, виды, средства и значение дифференциации ответственности

1. *Понятие и виды.* Дифференциация ответственности лиц, преступивших уголовный закон, представляет собой одно из генеральных направлений уголовно-правовой политики любого цивили-

¹¹³ Иванчин А.В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 11. Следует, однако, уточнить, что помимо ссылочного, законодателем используется и отсылочный прием (не к иной статье уголовного закона, а к другому нормативному правовому акту), а в своей совокупности они могут быть названы опосредованно-определенным приемом в противовес непосредственно-определенному.

¹¹⁴ См.: Иванчин А.В. Уголовно-правовые конструкции ... : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 11.

лизованного общества в сфере борьбы с преступностью. Остается только сожалеть, что до настоящего времени не достигнуто единства среди ученых и практических работников по исходным моментам: что понимать под дифференциацией ответственности, каковы ее виды, основания и цели, и т.д.

Охарактеризованная в самой общей форме, дифференциация (от лат. *differentia* – различие) предстает как разделение, расчленение, расслоение чего-либо на отдельные разнородные элементы¹¹⁵. Если это явление наблюдается в сфере юриспруденции, есть основания говорить о дифференциации общеправовой (юридической), межотраслевой, отраслевой (в частности – в уголовном праве), а также осуществляемой в рамках раздела, главы, института отрасли, отдельных норм и т.д. (например, в рамках раздела о преступлениях в сфере экономики, главы о преступлениях в сфере экономической деятельности, института назначения наказания, норм о краже, фальшивомонетничестве).

Субъектом дифференциации в законе – что общепризнано – выступает *законодатель*. Но если это так, то уже на самой первой ступени (при разделении права на отрасли, компоновке последних) им используется идея дифференциации юридической ответственности. Скажем, решая вопрос об определении вида реагирования на хищение или хулиганство, потребление или сбыт наркотиков, изготовление огнестрельного или пневматического оружия, законодатель неизбежно занимается межотраслевой дифференциацией. Известно, в частности, что в настоящее время за мелкое хищение и мелкое хулиганство, за потребление наркотиков и незаконное изготовление пневматического оружия, а равно за нарушение порядка ценообразования и занятие проституцией уголовная ответственность не предусмотрена – законодатель считает достаточным административно-правового реагирования на эти виды поведения (см. ст. 7.27, 20.1, 6.9, 20.10, 14.6, 6.11 КоАП РФ).

Соответственно дифференциацию **юридической** ответственности можно определить как установление в законе различных ее

¹¹⁵ См.: Краткий словарь иностранных слов / Сост. С.М. Локшина. М., 1978. С. 99.

видов (форм) “в зависимости от наиболее типичных свойств, характеризующих в обобщенном виде различные группы правонарушений”¹¹⁶.

Основанием **межотраслевой** юридической дифференциации, как представляется, выступает *характер вредоносности* соответствующего вида поведения, или – как говорят иначе – характер его общественной опасности, вредности. В этом плане необходимо следование ряду правил.

Во-первых, в процессе межотраслевой дифференциации должна обеспечиваться преемственность в видах юридической ответственности. Скажем, в случае совершения мелкого хищения – когда стоимость похищенного имущества не превышает одного минимального размера оплаты труда (примечание к ст. 7.27 КоАП РФ), следует административная ответственность. При выходе за эти размеры должна предусматриваться уже уголовная ответственность. Или: если в УК РФ ответственность предусмотрена только за такое жестокое обращение с животными, которое совершается либо из хулиганских или корыстных побуждений, либо в присутствии малолетних, либо с применением садистских методов (ст. 245 УК), то иные случаи жестокого обращения с животными должны рассматриваться законодателем в качестве административного правонарушения. Ст. 180 УК незаконное использование предупредительной маркировки, совершенное неоднократно или причинившее крупный ущерб, признает преступлением; равно наказуемо по ст. 173 лжепредпринимательство, причинившее крупный ущерб, а по ст. 181 – нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности. Логичным было бы установить административную

¹¹⁶ Курляндский В.И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975. С. 78. См. также: Мельникова Ю.Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. Красноярск, 1989. С. 17; Ее же. Юридическая ответственность: сущность, понятие, дифференциация // Дифференциация ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 1994. С. 12.

ответственность для случаев, когда такого рода акты поведения совершаются при отсутствии упомянутых криминообразующих обстоятельств: впервые, без причинения крупного ущерба, не на почве личной заинтересованности. Ничего подобного (за исключением ответственности за хищение) в действующем законодательстве не наблюдается.

В этой связи обратим внимание на еще одну несогласованность двух смежных отраслей законодательства. В соответствии с ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса хищение, хотя формально и содержащее признаки определенного преступления (кражи, мошенничества, присвоения или растраты и т.д.), не признается преступлением, если в конкретном случае в силу малозначительности оно не представляет той общественной опасности, которая характерна для преступлений. Естественно, что уголовная ответственность в этом случае не следует. Но исключается также применение мер воздействия, предусмотряемых КоАП, поскольку мелким хищением такое поведение признано быть не может (ввиду превышения допустимого для него стоимостного порога – одного минимального размера оплаты труда). Согласно же ч. 1 ст. 1.6 КоАП РФ, лицо не может быть подвергнуто административному взысканию “иначе как на основаниях и в порядке, установленных законом”.

Описанная ситуация касается не только хищений, но и ряда других актов противоправного поведения, в том числе относящихся к экономическим преступлениям. Скажем, умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества влечет наложение административного взыскания – штрафа, “если эти действия не повлекли причинение значительного ущерба” (ст. 7.17 КоАП). Для обеспечения согласованности двух отраслей законодательства, думается, Административный кодекс необходимо дополнить нормой, которая позволяла бы при отсутствии у правонарушителя, запрещенного уголовным законом, признака общественной опасности применять санкцию сходной нормы админист-

ративного законодательства¹¹⁷. Сейчас же по сути дела деяние, более вредоносное по сравнению с административным правонарушением, не может влечь административно-правового реагирования.

Во-вторых, в законе должны четко определяться разграничительные признаки смежных деяний, включаемых в различные отрасли законодательства. Прежние кодексы в ряде случаев это правило игнорировали. Так, невозможно было отграничить браконьерство как преступление (ст. 163 УК РСФСР 1960 г.) от одноименного административного правонарушения (ст. 85 КоАП РСФСР). Но и ныне такие случаи не единичны. Скажем, не просматриваются четко разграничительные признаки составов незаконного экспорта технологий, научно-технической информации и услуг, используемых при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники, как преступления (ст. 189 УК РФ) и как административного правонарушения (ч.1 ст. 14.20 КоАП РФ). Сказанное касается также составов подделки документа, штампа, печати, бланка или их использования; незаконного воспрепятствования осуществлению права на свободу совести и вероисповедания; отказа в предоставлении гражданину информации; незаконного оборота оружия (ст. 327, 148, 287, 222, 223 УК и ст. 19.23, 5.26, 5.39, 20.8 КоАП).

С другой стороны, должен обсуждаться вопрос об установлении уголовной ответственности за отдельные административные правонарушения (скажем, воспрепятствование осуществлению права на свободу совести, в том числе отказу от религиозных и иных убеждений, выходу из религиозного объединения – ст. 5.26, воспрепятствование кредитной организацией осуществлению функций временной администрации – ст. 14.14, участие служащего биржи в биржевых сделках с использованием служебной ин-

¹¹⁷ Ту же мысль, только применительно к одному составу (ст. 165 УК РФ), проводит Н.В. Перч. См.: Перч Н.В. Неполучение должного как вид имущественного ущерба (на примере ст. 165 УК РФ): понятие, влияние на ответственность и квалификацию: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 16.

формации – ст. 14.24) – при наличии криминообразующих признаков (крупного ущерба, существенного вреда правам и законным интересам граждан, корыстной или иной личной заинтересованности и т.д.).

Спорен вопрос о наличии второго уровня различения – юридической дифференциации **ответственности в уголовном праве**. В период действия прежнего УК 1960 г. он, по сути, не ставился под сомнение¹¹⁸, поскольку предусматривались административная, дисциплинарная, гражданско-правовая и общественная формы реагирования на преступное поведение при наличии определенных условий (ч.3 ст. 50, п. “б” ст. 256 и др.). В УК 1996 г. упоминания об этих формах реагирования не содержится, что дает основание некоторым юристам заявлять не только о том, что “наличие в уголовном законодательстве помимо уголовной и других видов ответственности считаем неправомерным и нецелесообразным”¹¹⁹, но и что с принятием нового УК РФ вопрос о различии в теории уголовного права понятий дифференциации уголовной ответственности и дифференциации ответственности в уголовном праве “утратил актуальность сам по себе”¹²⁰.

На наш взгляд, здесь желаемое выдается за действительное. Не вдаваясь глубоко в полемику относительно понятия уголовной ответственности, ее сущности и содержания, обратим внимание на непоследовательность в цитированных выше утверждениях. Так, их автор (Т.А. Лесниевски-Костарева) не отрицает наличие в действующем УК “иных мер уголовно-правового характера” (ст. 2, 6, 7, 90 и др.), но вместе с тем утверждает, что они – в частности принудительные меры воспитательного воздействия – “не являются... дифференциацией уголовной ответственности, поскольку применяются вне рамок уголовной ответственности и

¹¹⁸ См., например: Лумпова И.А. Виды ответственности в советском уголовном законодательстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1991; Тарбагаев А.Н. Ответственность в уголовном праве. Красноярск, 1994.

¹¹⁹ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 21.

¹²⁰ Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 69.

не носят репрессивного характера”¹²¹. Но даже если бы все было так, нельзя отрицать, что о данных мерах идет речь именно в *уголовном* законодательстве (см., например, ст. 90-92 УК) и что эти меры используются *взамен* уголовной ответственности при освобождении от нее (или от наказания) лиц по нереабилитирующим основаниям. Если, следуя взгляду автора, не относить принудительные меры к содержанию уголовной ответственности, необходимо их признать *иным видом ответственности*, которому, исходя из позиции автора, не должно бы быть места в уголовном праве¹²².

Вместе с тем, бесспорно, что узловое, центральное место занимает **дифференциация** именно **уголовной ответственности**, представляющая собой градацию, разделение, расслоение последней в уголовном законе, результатом чего являются различные уголовно-правовые последствия¹²³. Можно ли ею считать отнесение вида преступления к определенным разделу, главе, группе внутри главы УК либо, скажем, градацию посягательств исходя из формы вины?

Некоторые ученые считают, что в таком случае можно вести речь о дифференциации, но не уголовной ответственности, а чего-то иного. В качестве главного довода приводится тот, что основанием дифференциации выступает типовая степень общественной опасности деяния и личности, здесь же основанием слу-

¹²¹ Там же. С. 78.

¹²² См. об этом: Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Рец. на кн. Лесниевски-Костаревой Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. М., 1998. 287 с. // Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве. Ярославль, 2000. С. 171.

¹²³ См.: Кругликов Л.Л., Костарева Т.А. Дифференциация ответственности как уголовно-правовая категория // Категориальный аппарат уголовного права и процесса. Ярославль, 1993. С. 110-111. А.В. Васильевский трактует ее как “изменение предусмотренного уголовным законом вида, размера и характера меры ответственности...” (Васильевский А.В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 4).

жит характер общественной опасности (вредоносности). По нашему мнению, данный спор – более терминологического, чем сущностного, свойства.

Действительно, если считать, что в основе разграничения преступления и иного правонарушения лежит *характер* общественной опасности деяния (характер его вредоносности), то, казалось бы, несомненен тот вывод, что одно преступление отличается от другого уже не по характеру, а по типовой степени общественной опасности, ибо один и тот же критерий не может лежать в основе разграничения и преступного – не преступного, и преступных деяний между собой.

Между тем, классификация преступлений проводится законодателем в зависимости от характера и степени их общественной опасности (ч.1 ст. 15 УК); при назначении наказания по уголовному делу также учитываются и характер, и степень общественной опасности преступления (ч.3 ст. 60 УК). Происходит как бы “удвоение” характера общественной опасности, вредоносности, его роли – он отличает и преступное от не преступного, и один вид преступления от другого. Эта двусмысленность термина “характер” и порождает разнобой в теории уголовного права. Сказанным, видимо, объясняется и то, почему применительно к другим отраслям права законодатель избегает использования категории “общественная опасность”, а в соответствии с ч. 2 ст. 14 УК деяние, формально содержащее признаки какого-либо преступления, якобы не представляет *никакой* общественной опасности.

По нашему мнению, классифицируя деяния в рамках Особенной части уголовного права, располагая их в определенной последовательности (в том числе относительно друг друга), законодатель преследует цель не просто упорядочить нормативный материал, но и осуществить в пределах возможного дифференциацию ответственности. Это касается не только “глобальной” дифференциации – исходя из приоритетов в триаде “личность – общество – государство”, но и конструирования отдельных разделов, глав, вычленения в пределах каждой главы конкретных групп преступлений и – далее – расположения составов преступ-

лений одной классификационной группы относительно друг друга по мере убывания или возрастания уровня общественной опасности деяний.

Установление в законе различных санкций для преступлений с совпадающими объективными признаками (например, уничтожения или повреждения чужого имущества, противоправного лишения жизни другого человека), исходя из различий субъективной стороны (формы вины) – тоже суть проявление дифференциации уголовной ответственности. Так, хотя и умышленное, и неосторожное уничтожение или повреждение имущества – преступления небольшой тяжести, однако при умысле возможно наказание в виде лишения свободы на срок до 2 лет, а при неосторожности – лишь исправительные работы на срок до 1 года¹²⁴ (см. ч. 1 ст. 167, 168 УК). Умышленное причинение смерти (убийство) наказывается лишением свободы на срок от 6 до 15 лет, а неосторожное – на срок до 3 лет (см. ч. 1 ст. 105, 109 УК). Одной из трех линий дифференциации ответственности за нанесение вреда здоровью является форма вины¹²⁵: в разной мере наказуемо причинение умышленного и неосторожного тяжкого и средней тяжести вреда. Наказуемо причинение легкого вреда здоровью лишь при наличии умысла¹²⁶.

Таким образом, “по вертикали” возможно вычленение следующих видов дифференциации ответственности: а) юридической общеправовой, б) межотраслевой, в) отраслевой (в уголовном праве; уголовной ответственности), г) уголовно-правового института, д) в пределах группы норм, е) в пределах отдельной нормы.

¹²⁴ Ст. 168 УК предусматривает возможность применения и ограничения свободы – наказания более строгого, нежели исправительные работы, однако этот вид наказания судами пока не применяется.

¹²⁵ См. об этом: Уголовное право России. Часть Особенная / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 1999. С. 53-56.

¹²⁶ Уместно заметить, что, поскольку неосторожное нанесение легкого вреда не достигает уровня вредоносности, характерного для преступлений, следовало бы подумать об установлении за этот вид поведения административной ответственности.

Применительно к юридической ответственности можно говорить о дифференциации в законодательстве (федерального уровня, субъектов Федерации), а также в нормативно-правовых актах органов местного самоуправления, иных субъектов нормотворческой деятельности.

Внутри отрасли права допустимо вести речь о дифференциации 1) оснований уголовной ответственности; 2) формы (вида) ответственности; 3) объема уголовной ответственности и уголовного наказания.

По месту ее осуществления можно выделить дифференциацию ответственности а) в Общей и б) в Особенной части УК.

Когда речь идет о дифференциации юридической ответственности, то законодатель оперирует чаще всего такими показателями особенностей правонарушения, как форма вины, мотивы и цели деятельности, предмет преступления, содержание объекта посягательства, наличие (отсутствие) повторения деяния, размер вреда, способ и черты субъекта преступления и т.п. Так, в гл. 22 УК РФ криминализирующими деяние признаками выступают: а) крупный размер, крупный ущерб (ст. 171 - 173, 176, 177, 180, 183, 185, 185¹, 188, 192 - 199 УК); б) иные тяжкие последствия (ст. 196); в) существенный вред, значительный ущерб, значительный размер (ст. 179, 182, 200); г) использование должностным лицом своего служебного положения (ст. 169); д) корыстная, иная личная заинтересованность (ст. 170, 181, 182); е) неоднократность (ст. 180); ж) цель разглашения либо незаконного использования сведений, оказания влияния на конечные результаты (ст. 183, 184).

Подчас дифференциацию ответственности связывают с процессом не только правотворчества, но и правоприменения. Так, утверждается, что она “предполагает необходимость учета на всех уровнях – и законотворческом, и правоприменительном – степени общественной опасности как деяний, так и деятеля”¹²⁷.

¹²⁷ Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. Красноярск, 1991. С. 91.

Приведенное суждение, на наш взгляд, страдает по меньшей мере двумя неточностями.

Во-первых, критерием дифференциации выступает *не только степень*, но и характер общественной опасности деяния и деятеля. Действительно, дифференциация – это разделение, расчленение целого (в нашем случае – ответственности) на различные части, формы и ступени¹²⁸. Естественным первым шагом законодателя при формировании системы санкций за различные преступления (кражу, вымогательство, незаконное предпринимательство, обман потребителей, фальшивомонетничество и т.д.) является определение вида, форм ответственности, и в первую очередь в зависимости от *характера общественной опасности* соответствующего вида преступления. На этом этапе происходит сопоставление деяний по их качественным, а не количественным особенностям, параметрам.

Пленум Верховного Суда РФ в абз.3 п. 1 постановления № 40 “О практике назначения судами уголовного наказания” от 11 июня 1999 г. указал, что “характер общественной опасности преступления зависит от установленных судом объекта посягательства, формы вины и отнесения Уголовным кодексом преступного деяния к соответствующей категории преступлений (ст. 15 УК РФ)”¹²⁹. На дифференциацию оказывает влияние наряду с характером и *типовая степень* общественной опасности деяния, определяемая признаками состава преступления.

Во-вторых, вряд ли может быть продуктивным такое толкование дифференциации ответственности, при котором она объемлет и индивидуализацию ответственности, наказания, относящуюся к сфере правоприменительной деятельности. Такое смешение не содействует четкому разграничению функций законодателя и правоприменительного органа.

Дифференциация – это инструмент законодательной деятельности и в то же время принцип поведения последнего. В соответ-

¹²⁸ См.: Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1987. С. 398.

¹²⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 8. С. 2-3.

ствии с данным принципом, криминализируя деяние, законодатель обязан решить комплекс возникающих проблем, касающихся диспозиции и санкции соответствующей уголовно-правовой нормы. В числе их – необходимо ли за это деяние только уголовное наказание, либо достаточно иных мер уголовно-правового характера, или мыслимо также освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям; какие виды наказания следует включить в санкции статьи Особенной части Кодекса; каким должен быть размер каждого из предусматриваемых в санкции видов наказания; должно ли дополнительное наказание в случае его включения в санкцию статьи носить обязательный характер; надо ли предусматривать квалифицированные виды преступления, а если “да”, то с учетом каких квалифицирующих признаков; как будет выглядеть каждая из санкций таких составов и каковыми окажутся возможности суда в выборе меры уголовно-правового воздействия и т.д.

В отличие от дифференциации – необходимого и весомого инструмента осуществления уголовной политики в руках *законодателя* – индивидуализация ответственности и наказания представляет собой деятельность по воплощению *воли* законодателя, в том числе и выраженной посредством осуществленной им дифференциации ответственности и наказания. Суд или иной орган в пределах предоставленной компетенции, квалифицируя содеянное, решают вопросы о виде и мере ответственности в рамках, определенных Кодексом, и исходя уже из *степени* общественной опасности содеянного и лица, его совершившего. По мнению Пленума Верховного Суда РФ, высказанному в п. 1 упомянутого выше постановления, “степень общественной опасности преступления определяется обстоятельствами содеянного (например, степенью осуществления преступного намерения, способом совершения преступления, размером вреда или тяжестью наступивших последствий, ролью подсудимого при совершении преступления в соучастии)”¹³⁰.

¹³⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 8. С. 3.

Вопросы, решаемые в процессе индивидуализации, также необходимы и весомы, но они лежат в несколько иной плоскости, нежели дифференциация ответственности; к тому же они предусматривают их разрешение другим лицом (не законодателем, а правоприменителем), в ином порядке (путем не нормотворчества, а правоприменения), иным актом, констатирующим итоги (не уголовным законом, а индивидуальным актом поднормативного регулирования), и т.д.

Обособление понятий дифференциации и индивидуализации ответственности (наказания) важно не столько в теоретическом, сколько в практическом (нормотворческом) плане: уголовный закон должен содержать достаточно полные и конкретные предписания, касающиеся каждой из двух упомянутых сфер – и индивидуализации, и дифференциации, не допуская их смешения¹³¹.

Процессом, противоположным дифференциации ответственности, выступает *унификация* ответственности в уголовном праве. В разумных пределах она также необходима и осуществляется законодателем. В частности, в первоначальной редакции УК РСФСР 1960 г. содержал две самостоятельные главы – вторую “Преступления против социалистической собственности” и пятую “Преступления против личной собственности граждан”. Федеральным законом РФ от 1 июля 1994 г. эти главы были объединены в одну – “Преступления против собственности”. В таком виде эта глава сохранена и в УК РФ 1996 г. (гл.21). Проявляется стремление к унификации в законодательстве и квалифицирующих признаков. В итоге а priori можно, например, каждому юристу предугадать в основном круг усиливающих наказание признаков, которыми законодатель оперирует в составах хищений: это неоднократность, совершение преступления группой лиц определенной разновидности, крупный размер хищения и т.п. Практика законодательства свидетельствует о том, что оба означен-

¹³¹ Подробнее об этом см.: Кругликов Л.Л. Вопросы дифференциации ответственности в уголовном законодательстве // Реализация принципа справедливости в правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции. Ярославль, 1992. С. 58-66.

ных процесса развиваются как бы параллельно – в одних случаях вначале идет процесс унификации (например, объединение значительной массы деяний в главу о хозяйственных преступлениях в УК 1922, 1926 и 1960 гг. с последовавшим затем выделением из них группы экологических преступлений по УК 1996 г.), а в других случаях – наоборот (движение от использования разнообразных, “разношерстных” квалифицирующих обстоятельств – к “блоковому” принципу формирования круга квалифицирующих признаков).

2. *Средства дифференциации.* В широком (философском) смысле слова средство – всё то, что способствует достижению цели¹³², а применительно к дифференциации уголовной ответственности (ответственности в уголовном праве) – все, что служит разделению, расслоению, градации последней. В теории уголовного права предложено различать *средства* и *обстоятельства* дифференциации. К первым из них, – пишет А.В. Васильевский, – следует отнести “все нормы и положения, в которых законодатель однозначно отразил направление изменения типовой ответственности, то есть ответственности за преступление с основным составом для типового субъекта”¹³³. По его мнению, “если средства касаются воздействия на санкцию, например путем кратного изменения ее границы, то обстоятельства содержатся в диспозиции и являются условием применения дифференцирующей нормы”¹³⁴. Так, к средствам дифференциации, например, он относит квалифицированные и привилегированные составы, а к дифференцирующим обстоятельствам – квалифицирующие (привилегирующие) обстоятельства¹³⁵.

Такое деление имеет определенные плюсы, поскольку оно позволяет ставить вопрос о необходимости конкретизации диф-

¹³² См.: Даль В. Толковый словарь. Т. 4. М., 1955. С. 177; Трубников Н.Н. О категориях “цель”, “средство”, “результат”. М., 1968. С. 80-81.

¹³³ Васильевский А.В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2000. С. 88.

¹³⁴ Там же. С. 95.

¹³⁵ Там же.

ференцирующей нормы, вычленения в ее составе каждый раз обстоятельств, с наличием которых законодатель связывает осуществляемую им дифференциацию ответственности. Вместе с тем, вряд ли в основу различения средств и обстоятельств можно класть такой критерий, как воздействие (отсутствие воздействия) на санкцию. И квалифицирующие обстоятельства, и квалифицированные составы сказываются на санкциях, именно с их существованием законодатель связывает изменение пределов наказуемости. С другой стороны, и те, и другие “содержатся в диспозиции”, так что и этот критерий для разграничения не пригоден. Очевидно, нормы и положения сами средствами дифференциации не выступают, они лишь закрепляют итог проведенной законодателем дифференциации.

Поскольку дифференциация – это сфера действия законодателя, ее средства должны быть обозначены непосредственно в уголовном законе. Равно должны быть продуманы и сферы (институты) приложения этих средств. По нашему мнению, в действующем УК 1996 г. дифференциация коснулась практически всех разделов и институтов уголовного права, хотя мы далеки от вывода, что разработчикам Кодекса “удалось ... достичь максимальной дифференциации ответственности в уголовном законе...”¹³⁶. На примере использования квалифицирующих обстоятельств и квалифицированных составов в разделе VIII в дальнейшем будет продемонстрировано, что в приведенной цитате желаемое выдается за действительное. Да и практика текущего законотворчества опровергает приведенное утверждение. Так, за время действия Уголовного кодекса РФ серьезной трансформации подверглись с позиции дифференциации ответственности многие нормы об экономических преступлениях (гл. 21, 22 УК).

Можно выделить средства дифференциации в Общей и в Особенной части уголовного законодательства. Учитывая определенную условность такого деления (например, обстоятельство “совершение преступления лицом, не достигшим 18-летнего возраста” – см. главу 14 – серьезно корректирует и санкции статей

¹³⁶ См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 27.

Особенной части УК), все же признаем его разумность. Так, для Общей части, где преобладают обязывающие и упрощающие нормы, а не нормы-запреты, и адресатом выступают преимущественно органы и должностные лица, уполномоченные на применение этих норм, характерны свои средства дифференциации: это категории преступлений, освобождение от уголовной ответственности и наказания по нереабилитирующим основаниям, обстоятельства “буферной” группы – особо смягчающие (ст. 62 УК) и особо отягчающие наказание (ст. 68 УК) и т.п.¹³⁷. Дифференциация уголовной ответственности в Особенной части УК осуществляется законодателем преимущественно посредством а) квалифицированных составов (квалифицирующих признаков) и соответствующих им новых рамок наказуемости; б) использования специальных видов освобождения от уголовной ответственности; в) относительно-определенных, альтернативных и кумулятивных санкций; г) допущения возможности (факультативности) применения дополнительных наказаний¹³⁸.

Рассмотрим некоторые вопросы дифференциации ответственности за экономические преступления с помощью средств Общей части Кодекса.

2.1. Согласно ч. 2 ст. 30 УК, уголовная ответственность наступает за *приготовление* только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям. Анализ норм раздела VIII показывает, что в подавляющем числе случаев совершения деяний, содержащих признаки *основного* состава преступления в сфере экономики, ответственность за приготовление исключается, поскольку наказание по санкции не превышает пяти лет лишения свободы. Так, мыслима уголовная ответственность за приготовительные действия:

¹³⁷ См. об этом: Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб, 2003. С. 77-164; Кругликов Л.Л. О средствах дифференциации ответственности в Общей части Уголовного кодекса РФ // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Ярославль, 1995. С. 54-57.

¹³⁸ См.: Российское уголовное право: Курс лекций / Под ред. А.И. Коробеева. Т. 2. Владивосток, 1999. С. 145-146.

применительно к гл. 21 – только в двух случаях (из 11), к гл.22 – в пяти (из 40), к гл. 23 – ни в одном случае (из 5), т.е., можно сказать, более в порядке исключения: в 7 из 56 преступлений с основным составом.

Иная ситуация с *квалифицированными и особо квалифицированными* видами преступлений: санкции за них предусматривают нередко наказание более строгое, нежели пять лет лишения свободы. А отсюда более чем в половине случаев (60%) законодатель допускает уголовную ответственность за приготовление к квалифицированным (особо квалифицированным) видам экономических преступлений.

В целом же получается, что лишь в 40 случаях из 106 (37,7%) мыслима квалификация по совокупности соответствующей статьи из раздела VIII и ч. 1 ст. 30 УК. Не свидетельствует ли это о заниженной законодательной оценке уровня общественной опасности части экономических преступлений?

2.2. Дифференциация ответственности осуществляется в статьях данного раздела и по признакам субъекта преступления. Во-первых, из 106 основных и квалифицированных (особо квалифицированных) составов в 17 (16,0%) установлен пониженный возраст уголовной ответственности – она наступает с 14 лет за хищения в форме кражи, грабежа и разбоя, за вымогательство и угон транспортного средства, а также за квалифицированный вид уничтожения и повреждения имущества – общеопасным способом либо с причинением тяжких последствий (см. ч. 2 ст. 20 УК). Спорен вопрос о минимальном возрасте лица при хищении предметов, имеющих особую ценность, “независимо от способа хищения” (ст. 164 УК). Учитывая особенности предмета преступления (предметы или документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность) в составе ст. 164 и поскольку эта статья в перечне ч. 2 ст. 20 УК не фигурирует, есть достаточные основания утверждать, что независимо от способа хищения ответственность возможна только для лиц, достигших 16 лет.

Во-вторых, в ряде составов экономических преступлений речь идет о специальных субъектах – материально ответственных (ст. 160), должностных лицах (ст. 169, 170 и др.), руководителях организации, а также лицах, выполняющих управленческие функции (ст. 176, 177 и др.), организаторах профессиональных и спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст. 184), частных нотариусах и аудиторах (ст. 202). Следовательно, предполагается повышенный возраст наступления уголовной ответственности.

2.3. В Общей части Уголовного кодекса регламентирован вопрос об ответственности *соучастника* в преступлении, совершаемом специальными субъектами. Согласно ч. 4 ст. 34 УК, такое лицо “несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника”. В ст. 67 УК заложено дифференцирующее наказание правило, по которому, в частности, подлежит учету *характер* участия лица в совершении преступления, т.е. выполнявшаяся им в совместном со специальным субъектом посягательстве роль организатора, подстрекателя либо пособника.

По делам о преступлениях, совершаемых специальными субъектами, целесообразно применение судами такого дополнительного вида наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Закон (ч. 3 ст. 47 УК) предоставляет возможность назначать это наказание “и в случаях, когда оно не предусмотрено соответствующей статьей Особенной части..., если с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного суд признает невозможным сохранение за ним права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью”. Принимая в такой ситуации положительное решение о данном дополнительном наказании, суд обязан в описательной части приговора привести мотивы такого ре-

шения¹³⁹ и сослаться на ч. 3 ст. 47 УК в качестве правового основания применения “лишения права”.

Однако, как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 40 от 11 июня 1999 г. “О практике назначения судами дополнительного наказания” (п. 25), это наказание не может быть применено в качестве дополнительного, если оно предусмотрено санкцией статьи Особенной части УК как один из основных видов наказания¹⁴⁰.

2.4. Определенная дифференциация осуществляется и по признакам субъективной стороны состава преступления – формам вины, мотиву и цели. Так, ответственность за противоправное уничтожение или повреждение имущества предусмотрена в самостоятельных составах (ст. 167, 168 УК), исходя в первую очередь из различий в формах вины. Небесспорен вопрос о форме вины относительно деяний, описанных в главах 22 и 23. Мнение по нему складывалось не без влияния первоначальной редакции ч. 2 ст. 24 УК, гласившей, что уголовная ответственность за неосторожно совершенное деяние наступает только в случае, когда это специально оговорено в соответствующей статье Особенной части Кодекса.

Поскольку ни в одной статье глав 22 и 23 не упоминалось о неосторожной форме вины, в том числе и при описании квалифицированных и особо квалифицированных видов преступлений, вывод мог быть лишь один: все посяательства в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях предполагают лишь умышленную форму вины.

В настоящее время действует иная редакция ч. 2 ст. 24, из которой следует, что, если в статье Особенной части не говорится о совершении описанного в ней преступления *только по неосторожности*, следует исходить из возможности его совершения а)

¹³⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 8. С. 7.

¹⁴⁰ Там же.

как умышленно, так и по неосторожности либо б) только умышленно.

Во многих статьях глав 22 и 23 либо прямо указано на форму вины (например: “умышленное занижение размеров платежей за землю”), либо используемые для описания объективной стороны термины подчеркивают умышленный характер совершаемого деяния. И в том случае, когда речь в статье идет о “формальном” составе, субъективная сторона преступления не вызывает сомнений – допустимо виновное отношение лишь в форме прямого умысла. Например, воспрепятствование законной предпринимательской деятельности в любом из названных в диспозиции ст. 169 УК вариантов поведения само по себе преступно, а по смыслу термина “воспрепятствование” оно может быть осуществлено лишь намеренно, сознательно, умышленно. Тот же вывод можно сделать относительно составов приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175), злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности (ст. 177) – указание на заведомость и злостность не оставляет сомнения относительно умышленной формы вины.

Сложнее определиться с обязательным признаком субъективной стороны применительно к тем преступлениям (как основного, так квалифицированного и особо квалифицированного видов), которые содержат “материальный” состав (деяния, “причинившие крупный ущерб”, иные тяжкие последствия, когда “деяние совершено в крупном размере” и т.п.). Отталкиваясь от действующей редакции ч. 2 ст. 24 и ст. 27 УК, можно допустить в этих случаях, как представляется, не только умышленное, но и неосторожное отношение виновного лица к наступлению такого результата, причем в виде и легкомыслия, и небрежности. Если законодатель считает, что при *неосторожном* отношении лица а) деяние не достигает уровня общественной опасности, характерной для преступлений, и следовало бы ограничиться иным видом правовой ответственности, либо б) не происходит резкого повышения опасности от причинения квалифицированного вида последствий – например, тяжкого вреда, он должен указать в соответствующей статье (части статьи) УК на умысел как обязатель-

ный признак состава описанного в ней вида преступления. Пока же, скажем, в отличие от ч. 2 ст. 219, 249 УК и др., где использована формула: “повлекшее по неосторожности тяжкие последствия”, в ч. 2 ст. 201 и 203 УК сказано: “повлекшее тяжкие последствия”.

В свете сказанного спорным представляется вопрос о субъективной стороне преступлений, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 176 УК, что подтверждается и обзором взглядов, приводимых в уголовно-правовой литературе. Одни допускают виновное отношение субъекта только в виде прямого умысла, вторые – как прямого, так и косвенного умысла, третьи добавляют сюда и неосторожность. Третью точку зрения отдельные юристы считают небесспорной, никак, впрочем, ее не опровергая¹⁴¹. Между тем, на наш взгляд, она нуждается в серьезном осмыслении, так как имеет достаточно веские основания.

Действительно, форма вины в ст. 176 УК законодателем вообще не обозначена. Состав преступления – материальный. Следовательно, форма вины в конечном счете определяется психическим отношением лица к возможности наступления общественно опасных последствий. Последствия в диспозиции ст. 176 УК – крупный ущерб: по единодушному признанию юристов, признак на данный момент оценочный. Он, во-первых, включает в себя как реальный ущерб, так и упущенную выгоду, а поскольку он должен быть еще и крупным, виновный при умысле обязан не только просчитывать (предвидеть) причинение и реального ущерба, и упущенной выгоды, но и то, что в итоге вред может быть крупным. Во-вторых, размер ущерба как крупный определяется “в каждом случае отдельно, с учетом хозяйственного положения и финансового состояния кредитора, степени отрицательного влияния на них данного ущерба”¹⁴². Но известны ли каждый раз недобросовестному должнику эти обстоятельства: хозяйст-

¹⁴¹ См., например: Маркизов Р.В. Ответственность за преступления в сфере кредитных отношений по уголовному праву России: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 128-130.

¹⁴² Маркизов Р.В. Указ. соч. С. 133.

венное положение, финансовое состояние, степень влияния несвоевременного возвращения кредита на положение, состояние кредитора? Может, субъект потому и не спешит возратить долг, что считает сумму своей задолженности жизненно важной лишь для себя, а для кредитора – слабо ощутимой (как говорят, “слону дробиной”), хотя на скамье подсудимых он и узнаёт, что заблуждался?

Думается, сторонники умышленной формы вины в составе, описанном в ст. 176 УК, смешивают два вопроса: 1) какая форма вины предполагается в анализируемом составе, исходя из текста диспозиции статьи, и 2) насколько разумно было законодателю допускать уголовную ответственность при неосторожном отношении к результату. Нынешняя редакция ч. 2 ст. 24 УК действительно позволяет говорить о неосторожности (наряду с умыслом) в ст. 176 УК; другое дело, что с позиции экономии мер уголовно-правового воздействия вряд ли целесообразно оставлять возможность наказуемости при небрежности или легкомыслии должника.

Корыстная, иная личная заинтересованность обуславливают применение не любой правовой, а именно уголовной ответственности за регистрацию незаконных сделок с землей, заведомо ложную рекламу, незаконное разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну, преднамеренное банкротство (ст. 170, 182, 196, ч. 2 ст. 183 и др.). Для достижения целей исправления и специальной превенции в отношении лиц с корыстной ориентацией целесообразно применение наказаний имущественного характера (штрафа, конфискации имущества). Анализ санкций статей главы 21, устанавливающих наказуемость корыстных посягательств, показывает, что законодатель в достаточной степени это учёл. Так, лишь в одной (ч.1 ст. 161 УК) из 23 санкций групп корыстных преступлений против собственности – хищений и корыстных посягательств, не являющихся хищениями, – не указано на имущественные наказания. В 11 санкциях в качестве одного из наказаний (основного или – реже – дополнительного) фигурирует штраф и еще в 11 – преимущественно в частях статей, описывающих квалифициро-

ванные и особо квалифицированные виды преступлений, – называется возможная или обязательная конфискация имущества. Та же картина – в тех статьях гл.22, где указано на корыстную цель или корыстную заинтересованность: санкция непременно включает в себя наказание в виде штрафа. В санкциях статей гл. 23, указывающих на извлечение лицом материальной (или иной) выгоды, также в качестве альтернативного наказания фигурирует штраф.

2.5. Важным средством дифференциации и индивидуализации наказания выступают смягчающие и отягчающие обстоятельства. Можно выделить те из них (названные в перечнях ст. 61 и 63 УК), которые наиболее соответствуют “духу” экономических преступлений. Из смягчающих – это *совершение впервые преступления небольшой тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств* (27 из 106 диспозиций раздела VIII содержат описание преступлений небольшой тяжести, причем подавляющая их часть – 21 – приходится на гл. 22). Сюда же относятся смягчающие обстоятельства, указанные в п. “и” и “к” ч. 1 ст. 61 УК, характеризующие позитивное посткриминальное поведение виновного: явка с повинной, активное содействие раскрытию преступления, изобличению других соучастников и розыску имущества, добытого в результате преступления; добровольное возмещение имущественного ущерба и иные действия по заглаживанию вреда, причиненного потерпевшему. Именно применительно к этим обстоятельствам, которые нередко именуется *деятельным раскаянием* (см., например, ч. 1 ст. 75 УК), законодатель произвел конкретизацию их правового значения. Согласно ст. 62, при наличии обстоятельств, названных в этих пунктах (хотя бы одного¹⁴³), и в отсутствие отягчающих обстоятельств, срок или размер наказания не могут превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК.

¹⁴³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 8. С. 3.

Заметим, что эти обстоятельства могут послужить также основанием для применения судом ст. 64 и назначения более мягкого наказания (либо отказа от обязательного дополнительного наказания).

Из отягчающих обстоятельств, включенных в исчерпывающий перечень ч. 1 ст. 63 УК, к наиболее мыслимым по делам об экономических преступлениях следует отнести: *неоднократность и рецидив* (п. “а”), *наступление тяжких последствий в результате совершения преступления* (п. “б”), *совершение преступления в составе группы лиц* – простой, действовавшей по предварительному сговору, организованной, преступным сообществом (п. “в”). В силу ч. 2 ст. 63, если эти обстоятельства предусмотрены в соответствующей статье Особенной части УК в качестве признака преступления, они сами по себе не могут повторно учитываться при индивидуализации наказания.

Анализ диспозиций статей гл. 21 - 23 Кодекса показывает, что большинство упомянутых обстоятельств с большей или меньшей частотой используются в основных или квалифицированных составах экономических преступлений как их признаки. Так, тяжкие последствия фигурируют в 5 составах – в четырех случаях в качестве квалифицирующих обстоятельств. Неоднократность упоминается в этих главах в общей сложности 25 раз, преимущественно (23 раза) в роли квалифицирующего признака. Две разновидности группы лиц – а) действующая по предварительному сговору и б) организованная – также нередко выступают квалифицирующими признаками (соответственно 17 и 25 раз).

В итоге по делам о преступлениях, предусмотренных гл. 21, например, последние три обстоятельства (неоднократность, две разновидности группы лиц) могут использоваться в качестве отягчающих лишь применительно к составам ст. 167 и 168 УК. Напротив, тяжкие последствия – по другим 9 статьям главы (о хищениях; корыстных преступлениях, не являющихся хищениями; угоне транспортного средства). К учету при назначении наказания таких отягчающих обстоятельств, как совершение преступления простой группой лиц (без предварительного сговора), а также преступным сообществом (преступной организацией), по

делам об экономических преступлениях нет препятствий, поскольку они не названы в качестве признаков состава этих преступлений¹⁴⁴.

Сложнее определиться с рецидивом как отягчающим обстоятельством. В статьях раздела VIII Кодекса вместо рецидива фигурирует признак судимости, как-то: ранее судим (9 раз), ранее два или более раза судим (7). Казалось бы, вывод прост: использование в качестве отягчающего обстоятельства рецидива возможно при осуждении по тем статьям, где о судимости вовсе не упоминается (например, умышленное уничтожение чужого имущества, лжепредпринимательство, коммерческий подкуп). Однако в этом случае, ввиду формализации в законе значимости рецидива при наказании, последний используется не просто как общеотягчающее обстоятельство (ст. 63 УК). В соответствии со ст. 68 УК устанавливаются новые (повышенные нижние) пределы назначения наказания в зависимости от вида рецидива – простой, опасный, особо опасный. Срок наказания не может быть ниже: при простом рецидиве – половины, при опасном рецидиве – двух третей, а при особо опасном рецидиве – трех четвертей максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление (ч. 2 ст. 68 УК).

В случаях, когда основанием для квалификации действий лица по признаку неоднократности явилась судимость, надлежит решить вопрос о наличии рецидива преступлений и его вида. Суд, назначая наказание, опять же обязан руководствоваться правилами, предусмотренными ч. 2 ст. 68.

В силу ч. 3 ст. 68, если статья (часть статьи) Особенной части УК содержит указание на квалифицирующий признак – судимость лица, совершившего преступление, наказание при любом виде рецидива назначается без учета правил ст. 68 УК. Но при этом, очевидно, недопустима ссылка и на перечень отягчающих обстоятельств (п. “а” ч. 1 ст. 63), поскольку за судимостью как признаком состава стоит рецидив, и был бы допущен повторный учет судом одного и того же обстоятельства. А если судимостями

¹⁴⁴ Исключение составляет ч. 2 ст. 158 УК в новой редакции.

рецидив не образуется (скажем, ввиду несовершеннолетия осужденного), то опять же нет оснований для ссылки на п. “а” ч. 1 ст. 63, т.к. нет соответствующего вида отягчающего обстоятельства.

Рецидив (простой, опасный или особо опасный), даже если он обнаруживается в деле, не подлежит учету при назначении наказания также в случае вынесения судом присяжных вердикта “виновен, но заслуживает особого снисхождения” (ч.4 ст. 65 УК).

Таким образом, сфера применения рецидива как общеотягчающего обстоятельства весьма ограничена. По существу его учет сводится к ситуации, когда обнаруживаются исключительные обстоятельства, предусмотренные ст. 64. Тогда правила, предусмотренные ч. 2 ст. 68 о градированном усилении минимального предела наказания, не действуют (см. ч. 3 ст. 68), а ст. 64 не исключает учета – в качестве отягчающих – обстоятельств, названных в перечне ст. 63 УК.

По достаточно широкому кругу преступлений глав 21 - 23 законом допускается *освобождение* от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием или ввиду примирения с потерпевшим (ст. 75, 76) либо в связи с изменением обстановки (ст. 77 УК). Так, поскольку более чем в 20 случаях санкции статей гл. 22 предусматривают наказание не свыше двух лет лишения свободы, при наличии в конкретном деле оснований лицо может быть освобождено от уголовной ответственности со ссылкой на ст. 75 или 76; поскольку более чем в 40 санкциях максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы, существует возможность освобождения от ответственности по основаниям ст. 77 (а равно и по ст. 75, 76 УК в силу положений нового Уголовно-процессуального кодекса – см. об этом в гл. 1 работы). Все это расширяет правомочия органов предварительного расследования и суда в индивидуализации ответственности лиц, совершивших посягательства в сфере экономической деятельности¹⁴⁵.

¹⁴⁵ Кроме того, в 1998 г. к ст. 198 УК было введено примечание 2, распространяющее свое действие на ст. 194, 198 и 199, которым предусмотрен специальный вид освобождения от уголовной ответственности по

В двух других главах возможности освобождения от ответственности по нереабилитирующим основаниям несколько сужены уже ввиду того, что в них описано лишь 5 преступлений небольшой тяжести. Преступлений средней тяжести заметно больше – 17, следовательно, и по делам об этих деяниях возможно также освобождение лица от уголовной ответственности вследствие изменения обстановки (ст. 77), в силу ст. 75 и 76, а также несовершеннолетнего по основаниям, предусмотренным ст. 90 УК.

нереабилитирующим основаниям: когда лицо, *впервые* совершившее названное в этих статьях деяние, способствовало раскрытию преступления и полностью возместило причиненный ущерб. Данная новелла вызвала немало вопросов и сложностей на практике, хотя она и выполняет важную роль в заглаживании нанесенного вреда, выполнении уголовным правом компенсационной функции (см. подробнее § 2 гл. 4).

**Технико-юридические аспекты
описания объективных
и субъективных признаков составов
преступлений
в сфере налогообложения**

**§ 1. Особенности описания признаков
объективной стороны**

Основное содержание правовой нормы излагается при описании *объективной стороны* состава преступления. Объективная сторона является стержневым элементом преступления и одним из главных показателей его общественной опасности. По меткому выражению К. Маркса, человек становится подвластен законодателю лишь тогда, когда проявляет себя, вступает в сферу действительности. Помимо своих действий человек совершенно не существует для закона, совершенно не является его объектом¹.

Объективные признаки, общие для всех составов преступлений, изучаются в Общей части уголовного права. Объективная же

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 14.

сторона каждого конкретного состава преступления анализируется в Особенной части. Поэтому для того, чтобы во всём многообразии человеческих поступков точно определить, какие из них представляют общественную опасность и должны быть запрещены уголовным законом, необходимо полно и точно описать их объективную сторону в статьях Уголовного кодекса. При этом чем она сложнее, тем детальнее и в то же время рациональнее должно быть её описание. Анализ объективных признаков поведения людей даёт возможность выявить повторяющиеся вредные для общества формы поведения и на этой основе признать их преступлениями. Правильный, соответствующий закономерностям и особенностям развития общества, принципам уголовного права и тенденциям его развития отбор таких деяний, чёткое системное и последовательное закрепление их в законе является важнейшим требованием законодательной техники, а следовательно, предпосылкой создания и функционирования эффективного уголовного законодательства.

При конструировании той или иной запрещающей уголовно-правовой нормы всегда возникает противоречие между необходимостью достаточно полного описания состава преступления в диспозиции и требованием лаконичности изложения, “экономии” закона. Отсюда возникает вопрос: насколько подробно должны быть прописаны в законе признаки элемента состава преступления, и в том числе способы совершения деяния?

Важное значение для качества законодательной техники изложения элементов состава преступления имеют приёмы, связанные со степенью изложения конкретных показателей нормы, а именно абстрактный (оценочный) и казуистический (формальный).

Казуистический, или формальный, приём заключается в том, что в диспозиции статьи даётся полный (по мнению законодателя) перечень видов возможного преступного поведения либо фактические обстоятельства даются путём указания на конкретные, индивидуальные признаки. Абстрактный, или оценочный, приём прямо противоположен казуистическому и состоит в том, что законодатель, для того чтобы описать все вероятные формы пре-

ступных посягательств, применяет абстрактные, обобщающие формулы. Это позволяет достигнуть большей полноты закона и сократить объём нормативного материала.

М.Д. Шаргородский указывал, что выбор приёма конструирования диспозиций зависит от решения задачи, непосредственно связанной с широтой, которую законодатель хочет предоставить судейскому усмотрению². Аналогичную точку зрения ранее высказывал известный русский правовед Л.Е. Владимиров, который отмечал, что уголовный закон, дающий широкий предел судебной власти в применении законов, является весьма опасным оружием, могущим причинить много бед³. Отсюда, на первый взгляд, представляется, что в законодательной технике более приемлемым является казуистический приём, так как формализованное изложение диспозиций статей уголовного закона практически исключает возможность судейского усмотрения.

Именно казуистическая форма построения уголовно-правовых норм наиболее широко применялась в законодательстве рабовладельческого, феодального и раннего буржуазного общества. Развитие общества, усложнение форм криминального поведения человека объективно привело к отказу от использования в законотворческой деятельности исключительно казуистических диспозиций⁴.

Абсолютно ясно, что применение в законотворческой деятельности только казуистического приёма не соответствует современным требованиям, предъявляемым к форме и содержанию закона. Во-первых, такой приём законодательной техники ведёт к значительному увеличению объёма нормативного материала, что противоречит принципу экономии законодательного материала. Во-вторых, даже тщательная формализация диспозиции не даёт полной уверенности, что все виды криминального поведения закреплены в законе. В-третьих, постоянная динамика и трансфор-

² См.: Шаргородский М.Д. Советский уголовный закон. М., 1948. С. 61.

³ См.: Владимиров Л.Е. Правовое творчество. М., 1905. С. 29.

⁴ См. об этом подробнее: Семёнов И.А. Указ. соч. С. 121-122.

мация общественных отношений, неизбежно ведущие к появлению новых видов общественно опасных посягательств, не запрещённых законом, потребует регулярного внесения в уголовное законодательство различных изменений и дополнений.

Абстрактному приёму также присущи некоторые недостатки. Диспозиции, выраженные только в оценочных, абстрактных формулах, дают значительный простор для следственного и судебного усмотрения, что, несомненно, может привести к нарушению конституционных принципов охраны прав личности. В этой связи справедливо указывает М.И. Ковалёв, что “излишне оценочная норма не менее вредна, чем излишне формализованная, так как она практически очерчивает лишь контур преступного деяния, оставляя на совести судьи определение его действительного содержания... “Оценочность”, если она понимается однобоко, может привести к преобладанию изменчивости, к свободе случая и игре обстоятельств над личностью”⁵.

Отсюда очевидно, что и формальный, и абстрактный метод в отдельности имеют наряду с положительными моментами и определённые изъяны, которые необходимо учитывать при конструировании уголовно-правовой нормы. Следует также согласиться с предложениями учёных-правоведов о том, что искать оптимальный механизм нормативного конструирования в некоторых случаях необходимо посередине, на стыке двух отмеченных приёмов, в русле использования *формально-оценочного* приёма. Так, М.И. Ковалёв указывает, что “норма уголовного права только тогда является полной, когда в ней правильно сочетаются элементы формализма и оценки”⁶. П.И. Люблинский называет формально-оценочный приём наиболее конструктивным, определяющим все существенные признаки преступления⁷.

⁵ Ковалёв М.И. Советское уголовное право: Курс лекций. Свердловск, 1974. Вып. 2. С. 62-63.

⁶ Ковалёв М.И. Советское уголовное право. С. 62-63.

⁷ См.: Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного закона // Записки юрид. факультета Петроградского ун-та. Вып. 5. СПб., 1917. С. 23.

Соотношение формальных и оценочных признаков либо использование одного из рассматриваемых приёмов при законодательном конструировании уголовно-правовой нормы, прежде всего, зависит от характера объективной стороны состава преступления и должно подчиняться определённым правилам. К сожалению, эти обстоятельства не в должной мере учитывались законодателем и в худшую сторону повлияли на качество описания объективной стороны в диспозициях ст. 198 и 199 УК. Тогда как при конструировании ст. 194 УК подобные промахи не были допущены.

Так, в статьях с диспозицией, предусматривающей многообразные и сложные действия, объективная сторона, как правило, выражается либо открытым примерным перечнем действий, который заканчивается словами – “или иные действия”, “или иным способом” и т.п., либо оценочным, абстрактным понятием, вбирающим в себя все варианты преступного поведения лица – “незаконное использование”, “уклонение”, “неправомерное завладение”. Особенно это характерно для бланкетных диспозиций, которые корреспондируют с объёмным, массивным законодательством (налоговым, таможенным и т.п.), предусматривающим юридическую ответственность за десятки или даже сотни видов умышленных противоправных действий или бездействия субъекта. При этом преступное поведение от неправомерного отграничивается, во многих случаях, лишь криминообразующим порогом, который формируется в зависимости от количества МРОТ, предусмотренных конкретной статьёй УК.

Наиболее удачно этот принцип конструирования диспозиции был реализован законодателем при “рождении” первоначальной редакции ст. 194 УК, в которой лаконично указано, что преступным является *уклонение от уплаты таможенных платежей в крупном размере*. При этом отказ от закрепления в статье каких-либо способов уклонения, на наш взгляд, ничуть не повлиял на технико-юридическое качество описания объективной стороны данного состава преступления. Законодатель справедливо отсылает правоприменителя к таможенному законодательству, в котором определяется, каким способом и в каких случаях лицо укло-

няется от уплаты таможенных платежей. Проблемы, возникающие на практике при квалификации деяния лица, уклоняющегося от уплаты таможенных платежей, имеют место не по поводу законодательного использования в диспозиции статьи абстрактных формулировок, а, во-первых, в связи с пробелами в таможенном законодательстве и, во-вторых, при конкуренции ст. 194 и 188 УК⁸.

Некоторые авторы, тем не менее, высказывают мнение о том, что отсутствие в диспозиции ст. 194 УК законодательного закрепления способов совершения преступления вызывает определённые трудности в правоприменительной практике. Характерно, что в основном такую позицию высказывают практические работники. В этой связи заметим, что руководители различных рангов, представляющие правоохранительные органы, часто по поводу и без повода сетуют на “некачественные законы”. Так, А.А. Максимов (начальник Челябинской таможни) указывал на несовершенство редакций ст. 162⁶ УК РСФСР и ст. 194 УК РФ, в которых состав преступного уклонения от уплаты таможенных платежей излагался без раскрытия его признаков, что, по его мнению, вызывало в правоприменительной практике сложности при квалификации таких преступлений⁹. Какие трудности имеет в виду автор – совершенно не ясно. “Вместе с тем, – пишет далее А.А. Максимов, – из анализа таможенного законодательства следует, что умышленное уклонение от уплаты таможенных платежей – это совершение действий, направленных на неправомерное освобождение от таможенных платежей или их занижение либо направленных на необоснованный возврат уплаченных таможен-

⁸ См., например: Гильмутдинова Н.С. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 58-60; Красиков Ю. Контрабанда и уклонение от уплаты таможенных платежей // Российская юстиция. 2000. № 12. С. 39; Кузнецов А.П. Ответственность за таможенные преступления: Учеб. пособие. Н. Новгород, 2000. С. 76; Расследование контрабанды: Практич. пособие / Под ред. К.Ф. Скворцова. М., 1999. С. 14-41.

⁹ См.: Максимов А.А. Уклонение от уплаты таможенных платежей // Южно-Уральский юридический вестник. 1999. № 4. С. 14.

ных платежей, а равно неуплата таможенных платежей в установленные сроки при реальной возможности их уплаты, либо обращение в таможенные органы о предоставлении отсрочки или рассрочки уплаты таможенных платежей без намерений исполнить взятые на себя обязательства к установленным срокам, или заведомое представление ложных гарантий третьих лиц об обеспечении уплаты таможенных платежей”¹⁰. В чём, спрашивается, проблема? Далеко тянуться за Таможенным кодексом? Тогда, конечно, надо в УК на половину страницы подробно описать все возможные способы уклонения от уплаты таможенных платежей. Хорошо, если вместятся, поскольку некоторые авторы выделяют до нескольких десятков таких способов. Так, исследовав достаточно большой объём практического материала, Е.А. Жегалов полагает, что только наиболее часто встречающихся способов уклонения от уплаты таможенных платежей можно насчитать около тридцати¹¹.

С. Душкин (помощник Краснодарского транспортного прокурора), С. Русов (начальник отдела таможенных расследований Краснодарской таможни) также пишут о том, что, поскольку “в диспозиции ст. 194 Уголовного кодекса России не раскрыты признаки этого преступления, в правоприменительной практике возникают сложности при квалификации”¹². Далее в работе действительно анализируются проблемы правоприменения, но они вряд ли относятся к степени полноты формализации признаков в диспозиции данной статьи. Коротко указав на то, что рассматриваемое посягательство может осуществляться как путём действия, так и бездействия, авторы основное внимание уделяют опять же вопросам разграничения уклонения от уплаты таможенных пла-

¹⁰ Там же.

¹¹ См: Жегалов Е.А. Расследование уклонений от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. С. 13-14.

¹² Душкин С., Русов С. Ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей // <http://jurqa.hut.ru/all.docs/u/a/ocdt0tmc.html>.

тежей, взимаемых с организации или физического лица (ст. 194 УК РФ), и контрабанды (ч. 1 ст. 188 УК РФ)¹³.

К сожалению, подобные не очень корректные выводы специалистов-практиков иногда слепо копируются в теории уголовного права. Так, Н.С. Гильмутдинова в своём диссертационном исследовании пишет о том, что “противоправное деяние – уклонение от уплаты таможенных платежей – дано в диспозиции ст. 194 УК РФ без достаточного раскрытия его признаков... В связи с этим в правоприменительной практике возникают значительные трудности при квалификации такого рода противоправных действий”¹⁴. Однако автор не говорит, о каких трудностях идёт речь, какие признаки надо закрепить в диспозиции статьи для облегчения тяжёлой правоприменительной ноши. Далее в работе представлен чёткий анализ таможенного законодательства и на его основе дано описание возможных способов уклонения от уплаты таможенных платежей¹⁵. Для чего же тогда сетовать на технические погрешности закона – непонятно. К сожалению, в последнее время очень часто можно наблюдать ситуацию, когда бездарная и беззубая правоприменительная практика становится чем-то вроде “священной коровы” для теории уголовного права.

В большей степени страдало техническими пробелами законодательное описание объективной стороны преступлений, предусмотренных ст. 198 и 199 УК. И это несмотря на то, что правоприменительная практика содержала достаточный опыт в работе с “налоговыми” статьями УК 1960 года. В период подготовки ныне действующего УК специалисты налоговой полиции настоятельно предлагали не “привязывать” уклонение от уплаты налогов к конкретным способам, так как это значительно суживало бы возможности пресечения преступных посягательств в налоговой сфере¹⁶. Тем более, что формализация в ст. 162¹, 162² УК РСФСР

¹³ См.: Там же.

¹⁴ Гильмутдинова Н.С. Указ. соч. С. 94.

¹⁵ См.: Там же. С. 94 и след.

¹⁶ См.: Кот А.Г. Об ответственности за налоговые преступления по уголовному законодательству // Вопросы уголовной ответственности и ее

определённых способов уклонения позволяла преступникам уходить от ответственности, используя иные способы (практика насчитывала в этот период по разным данным от шестидесяти до ста способов сокрытия налогов) невыполнения своих налоговых обязательств¹⁷. Аналогичную точку зрения в литературе высказывали ряд исследователей. Так, С.В. Сорокин отмечал, что описание объективной стороны налоговых преступлений, предлагаемое в проекте УК (например, в ст. 202 “Уклонение от уплаты налогов путём включения в бухгалтерские документы заведомо искажённых данных о доходах или расходах либо путём сокрытия других объектов налогообложения”¹⁸), необоснованно сужает объективную сторону данных преступлений, а законодательная регламентация рассматриваемых посягательств должна сделать наказуемым уклонение от уплаты налогов любым способом¹⁹. Признать преступной умышленную неуплату любого налога в крупном размере без указания в законе способов совершения преступления предлагал и А.В. Сальников²⁰.

Тем не менее законодатель не прислушался к мнению учёных и специалистов-практиков и закрепил в первоначальной редакции ст. 198 и 199 УК закрытый перечень способов уклонения от уплаты налогов. Для физических лиц такими способами были: непредставление декларации о доходах в случаях, когда подача

дифференциации. Ярославль, 1994. С. 90; Криминологическая характеристика налоговых преступлений. Челябинск, 1997. С. 31.

¹⁷ См., например: Кузнецов А.П. Политика государства в налоговой сфере: уголовно-правовые средства и организационно-тактические методы. Н. Новгород, 1995. С. 199-203; Криминологическая характеристика налоговых преступлений. С. 30-31.

¹⁸ Напомним, что именно такой вариант был законодательно закреплён в первоначальной редакции ст. 199 УК 1996 года.

¹⁹ См.: Сорокин С.В. Уклонение от уплаты налогов по проекту Уголовного кодекса // Вопросы уголовной ответственности и её дифференциации (в проекте Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации). Ярославль, 1994. С. 192-193.

²⁰ См.: Сальников А.В. Об уголовной ответственности за налоговые преступления в проекте Уголовного кодекса // Вопросы уголовной ответственности и её дифференциации. С. 190-191.

декларации является обязательной; либо включение в декларацию заведомо искажённых данных о доходах или расходах. Как видно, законодатель по аналогии со ст. 162¹ УК РСФСР “привязал” действия лица, уклоняющегося от уплаты налогов, исключительно к декларированию. Хотя на практике палитра криминальных проявлений налогоплательщиков – физических лиц была намного шире и разнообразней. Уклонение от уплаты налогов с организаций предусматривалось путём включения в бухгалтерские документы заведомо искажённых данных о доходах или расходах либо путём сокрытия других объектов налогообложения, что также не охватывало всех видов преступного поведения руководителей предприятий.

Подобные технико-юридические недостатки незамедлительно отразились на правоприменительной практике и подверглись критике в юридической литературе²¹. По этой причине через год с небольшим после вступления в силу нового УК в Федеральном законе от 20 мая 1998 года № 92-ФЗ ст. 198 и 199 УК были изложены в новой редакции, предусматривающей открытый перечень способов преступного уклонения налогоплательщиков от уплаты налогов.

Резонанс вопрос: по какой причине законодатель не прислушался к предложениям научных и практических работников и сразу не включил рекомендуемый ими вариант редакции “налоговых” статей в принятый в 1996 году Уголовный кодекс? Ведь именно законодательная регламентация открытого перечня способов совершения налоговых преступлений позволила следственным подразделениям ФСНП существенно расширить следственную практику, более эффективно реагировать на различные варианты преступного поведения субъектов, уклоняющихся от уплаты налогов. Особенно это касается уголовного преследования физических лиц и руководителей организаций, умышленно не уплачивающих платежи в бюджет и внебюджетные фонды и

²¹ См., например: Рекомендации по расследованию налоговых преступлений. М., 1997. С. 11; Кучеров И.И. Налоги и криминал. М., 2000. С. 6, 47.

при этом вносящих достоверные данные в бухгалтерские и налоговые отчёты. Прежде такие действия налогоплательщика не влекли уголовной ответственности. Хотя на деле рост недоимки по налогам и страховым взносам принял угрожающие размеры. При этом больше всего страдали платежи в федеральный бюджет и пенсионный фонд. На памяти свежа имевшая место в 1994 – 1997 гг. тяжелейшая ситуация с выплатой пенсий и бюджетной зарплаты. Анализируя следственную практику, А.Р. Сиюхов указывает, что по большому количеству изученных уголовных дел уклонение от уплаты налогов “иным” способом по ст. 199 УК встречалось в 22%, а по ст. 198 УК в 63% случаев²².

Иной способ уклонения от уплаты налогов с организаций может быть любым. Представляется, что с учётом анализа практики его условно можно разделить на два вида: *общий* и *специальный*.

Общий вид, как правило, связан с нарушением тех или иных норм налогового законодательства и может заключаться в *непредставлении налоговым органам бухгалтерской отчётности*, либо в нарушении руководителем организации своей *обязанности по уплате налогов* при существовании реальной возможности ее выполнения, либо в *уклонении налогоплательщика от постановки на налоговый учёт* и т.д.

Руководитель ООО “Дельта” О. закупал за наличный расчёт сантехническое оборудование, которое поставлял на предприятия Челябинской области. В зачёт поставленного оборудования О. получал продукцию указанных предприятий и реализовывал её через розничную торговлю. При этом, осуществляя хозяйственные операции и используя реквизиты ООО “Дельта”, О. не ставил в известность бухгалтера предприятия и отчётность в налоговые органы не представлял. В результате этих действий в

²² См. подробнее: Сиюхов А.Р. Налоговые преступления: проблемы квалификации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 15.

бюджет не были уплачены налоги в крупном размере. Приговором Озёрского городского суда О. осужден по ч. 1 ст. 199 УК²³.

Специальный вид заключается в умышленном нарушении руководителем организации *норм неналогового законодательства*, влекущем совершение преступления, предусмотренного ст. 199 УК. Одним из примеров специального вида иного способа уклонения от уплаты налогов с организаций может послужить неправомерное применение руководителем организации целевых налоговых льгот, предоставленных администрацией закрытого административно-территориального образования (ЗАТО) РФ²⁴.

В проекте нового постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации предлагается определить “иные способы” уклонения от уплаты налога как любые умышленные действия (бездействие), направленные на неуплату налога и не связанные с обманом налоговых органов относительно размера или наличия налогового обязательства²⁵. Практика знает большое количество способов уклонения от уплаты налогов, не связанных с искажениями в бухгалтерских документах или налоговой отчётности. Налоговые “уклонисты” находят новые и всё более изощрённые пути незаконной “экономии” на налоговых платежах. В этой связи справедливо указывается на то, что преступной должна стать умышленная неуплата налога в крупном размере, вне зависимости от способа, который использует виновное лицо. Поэтому попытки некоторых депутатов Государственной Думы (Е.Б. Мизулина) исключить из соответствующих статей указание на “иной способ” совершения налоговых преступлений внесут серьёзные трудности в деятельность органов налоговой полиции

²³ См.: Архив Озёрского городского суда Челябинской области за 1999 год. Уголовное дело № 2-112/99.

²⁴ См. об этом подробнее: Лапшин В.Ф. Вопросы уголовно-правового реагирования на неправомерное пользование целевыми налоговыми льготами, предоставленными администрациями ЗАТО // Юридические записки Ярославского университета им. П.Г. Демидова. Вып. 5. Ярославль, 2001. С. 220-226.

²⁵ См. об этом: Кикин А.Ю., Яни П.С. Неуплата налогов преступна //Налоговый вестник. 2000. № 10. С. 150.

и выведут из зоны уголовной ответственности многих субъектов, преступно не уплачивающих налоги²⁶.

Таким образом, в настоящее время диспозиции ст. 198 и 199 УК в существующей редакции включают в себя, наряду с определёнными формами уклонения субъектов от уплаты налогов, иные, не раскрытые в законе способы преступного поведения налогоплательщиков. Напротив, формы уклонения от уплаты единого социального налога (страховых взносов) в государственные внебюджетные фонды в законе не конкретизированы. Уголовно наказуемым признаётся уклонение от уплаты данных платежей в государственные внебюджетные фонды в крупном размере, совершенное *любым способом*. И, несмотря на то, что упоминание о страховых взносах как о предмете налоговых преступлений уже является законодательным анахронизмом, это обстоятельство тоже говорит о “дифференцированном” подходе законодателя к использованию приёмов законодательной техники в равнозначных ситуациях. Представляется, что в законодательной регламентации объективной стороны налоговых преступлений необходимо *отказаться от упоминания конкретных способов* их совершения и ориентироваться, в этом смысле, на экономичную конструкцию диспозиции ст. 194 УК. Указание в диспозициях ст. 198 и 199 УК определённых способов уклонения от уплаты налогов, при наличии открытого перечня таких способов, выглядит не вполне оправданно, если не сказать бессмысленно²⁷. Особенно в такое время, когда экономическая и социальная ситуация в стране порождает всё новые и новые формы преступного поведения хозяйствующих субъектов, в том числе и в сфере налогообложения. Отметим, что в гл. 22 УК законодатель в иных (помимо ст. 194 УК) случаях установления уголовной ответственности за уклонение

²⁶ См.: Там же. С. 149-150.

²⁷ См. об этом также: Лопашенко Н.А. Уголовная ответственность за налоговые преступления // Налоговые и иные экономические преступления. Вып. 2. С. 43-44; Козлов В.А. Криминалистическая характеристика налоговых преступлений и её значение для правоприменительной деятельности федеральных органов налоговой полиции России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 16-17.

от какой-либо обязанности (от погашения кредиторской задолженности, от обязательной сдачи на аффинаж или обязательной продажи государству драгоценных металлов или драгоценных камней) не включает в описание объективной стороны преступления конкретный способ такого уклонения. Аналогичные конструкции диспозиций статей применяются и в других главах УК (например, в ст. 157, 287, 314, 328 и др.).

Напомним, что в качестве элемента состава преступления способ может осуществлять следующие функции:

1) служить конструктивным элементом состава, отграничивающим преступное поведение от непроступного; например, принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации становится преступлением, предусмотренным ч. 1 ст. 120 УК, только если указанное деяние совершено с применением насилия либо угрозой его применения;

2) выполнять роль признака, по которому одно преступление по характеру и степени общественной опасности отличается от другого; например, тайный способ хищения отличает кражу (ст. 158 УК) от грабежа (ст. 161 УК);

3) служить квалифицирующим признаком состава²⁸.

В нашем случае способы, включённые в объективную сторону налоговых преступлений, такими назначениями не обладают.

В юридической литературе встречаются иные точки зрения на указанную проблему. Так, С.В. Козлов считает, что в рассматриваемых составах не случайно конкретизируются несколько способов совершения преступления. Смысл подобного изложения законодательного материала он видит в том, что указанные в законе способы преступления предназначены выполнять роль ориентира в определении других криминальных способов уклонения от уплаты налогов, а их признаки должны способствовать выяснению существенных признаков тех способов, которые прямо не

²⁸ См.: Уголовное право России. Часть Общая / Под ред. Л.Л. Кругликова. М., 1999. С. 166.

указаны в законе, но обозначены при помощи обобщающего термина “иным способом”²⁹.

И.И. Кучеров в этой связи отмечает, что указание в тексте ст. 198 УК на конкретные способы совершения преступления, вероятно, вызвано необходимостью хотя бы частично раскрыть содержание термина “уклонение”, так как соответствующее определение в налоговом законодательстве отсутствует³⁰. На наш взгляд, подобные выводы учёных связаны с очередной попыткой найти логику законодателя в “нелогичном” конструировании анализируемых уголовно-правовых норм.

Похожую позицию занимают некоторые учёные-юристы стран СНГ. Так, А.К. Айкимбаев указывает, что в диспозициях ст. 221 и 222 УК Казахстана, предусматривающих ответственность за уклонение от уплаты налогов с физических лиц и организаций, целесообразно изложение по возможности полного перечня *типичных* форм налогового преступления³¹. Думаем, что и в Казахстане предпринимательские структуры обслуживают достаточно подготовленные юристы, экономисты и финансисты, которые в огромном массиве налогового, гражданского, финансового и иного законодательства найдут несколько “нетипичных” способов. И когда в эти “чёрные дыры” будут утекать огромные суммы налоговых платежей, налоговые и правоохранительные органы будут лишь наблюдать за этим и сетовать на пробелы уголовного закона.

В отечественной юридической литературе иногда указывается и на *обязательность* закрепления в диспозициях с открытым перечнем некоторых формальных признаков для ориентации правоприменителя в толковании и применении уголовно-правовой

²⁹ См.: Козлов С.В. Уголовно-правовая охрана налоговой системы Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 15.

³⁰ См.: Кучеров И.И. Преступления в сфере налогообложения: Научно-практический комментарий к УК РФ. М., 1999. С. 27.

³¹ См.: Айкимбаев А.К. Проблемы борьбы с уклонением от уплаты налогов в Республике Казахстан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Караганда, 2000. С. 10.

нормы³². Согласимся, что такой вариант приемлем: 1) в ситуации, когда диспозиция статьи не является бланкетной (отсылочной) и не связана с иной нормативной базой, 2) в случае, если иные способы (действия) связаны с уже описанными в законе деяниями каким-либо общим ориентирующим признаком, позволяющим ограничить и конкретизировать возможный объём таких действий: “иные *насильственные* действия” – ст. 117 УК, “иные действия *сексуального характера*” – ст. 132 УК.

Дефекты описания объективной стороны налоговых преступлений стали причиной противоречивого восприятия элементов рассматриваемых преступлений на практике и в теории.

Так, анализируя сложившуюся практику применения законодательства о налоговых преступлениях, В.С. Минская приходит к выводу, что уголовно-наказуемым для физического лица является уклонение от уплаты исключительно подоходного налога, хотя в тексте ст. 198 УК не конкретизирован вид налога³³.

Действительно, описание объективной стороны преступления путем конкретизации двух, связанных с декларированием видов поведения способствует восприятию этих способов как обязательных для наличия состава преступления и автоматически, инерционно связывает “иной способ” уклонения с нарушениями порядка уплаты подоходного налога. Хотя, как уже указывалось, указание на “иной способ” нивелирует значение раскрытых в статье способов и ставит под сомнение необходимость их нахождения в диспозиции этой нормы.

Указание в диспозиции ст. 199 УК на такой способ совершения преступления, как *включение в бухгалтерские документы заведомо искажённых данных о доходах или расходах*, вносит осложнения в толкование указанной нормы как со стороны учёных,

³² См.: Семёнов И.А. Указ. соч. С. 123-124.

³³ См.: Минская В.С. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов или страховых взносов и практика ее реализации // Проблемы теории уголовного права и практики применения УК. М., 2000. С. 120-121.

так и со стороны практических работников и высших судебных инстанций.

Для уяснения данного способа, указанного в диспозиции рассматриваемой нормы, прежде всего необходимо определить содержание использованного в её тексте термина “бухгалтерские документы”.

Принято считать, что документы бухгалтерского учёта – это письменные акты, фиксирующие совершённые хозяйственные операции в соответствии с требованиями правил, закреплённых в нормативных актах³⁴.

Характеристику документов в бухгалтерском учёте и порядок их оформления определяет Федеральный закон от 23 февраля 1996 года “О бухгалтерском учёте”³⁵ (далее – Закон “О бухгалтерском учёте”). Данный законодательный акт устанавливает порядок создания, принятия и отражения в бухгалтерском учёте документов организации.

Согласно ст. 9 этого Закона все хозяйственные операции, проводимые организацией, должны оформляться оправдательными документами, на основании которых ведётся учёт. Эти документы служат *первичными учётными документами*, на основании которых ведётся бухгалтерский учёт. Первичные учётные документы принимаются к учёту, если они составлены по форме, содержащейся в альбомах унифицированных форм первичной учётной документации, а документы, форма которых не предусмотрена в этих альбомах, должны содержать все необходимые реквизиты. Перечень лиц, имеющих право подписи первичных учётных документов, утверждает руководитель организации по согласованию с главным бухгалтером. Первичный учётный документ должен быть составлен в момент совершения операции, а если это не представляется возможным – непосредственно после её окончания.

³⁴ См.: Судебно-бухгалтерская экспертиза: Справочник / Сост. Н.К. Болдова, А.А. Голубева. М., 1993. С. 34.

³⁵ См.: Собрание законодательства РФ. 1996. № 48. Ст. 5369.

В свою очередь, содержащаяся в принятых к учёту первичных документах информация, необходимая для отражения в бухгалтерском учёте, накапливается и систематизируется в *учётных регистрах*. Информация о хозяйственных операциях, произведённых организацией за определённый период времени (месяц, квартал, полугодие, год), из учётных регистров переносится в сгруппированном виде в *бухгалтерские отчёты*, которые подписываются руководителем и главным бухгалтером (бухгалтером) организации. Следовательно, общее понятие – бухгалтерские документы, делится на три разноуровневые группы: первичные документы; учётные регистры; бухгалтерские отчёты.

Таким образом, объективная сторона уклонения от уплаты налогов с организаций, по логике законодателя, начинает выполняться уже в момент внесения искаженных (или невнесения достоверных) данных в первичные документы бухгалтерского учёта. Именно такой позиции придерживается Пленум Верховного Суда РФ при определении субъектов и иных элементов налоговых преступлений³⁶. Такой вывод следует из толкования диспозиции статьи, указывающей на конкретный способ преступного поведения: “*включение в бухгалтерские документы заведомо искаженных данных о доходах или расходах*”. Закон в данном случае не указывает уровень бухгалтерских документов, в которые субъект вносит искажённые данные о доходах или расходах. А отсюда, на наш взгляд, даётся неоднозначная оценка стадий и субъектов налоговых преступлений³⁷. Законодательная конструкция в данном случае противоречит обоснованной позиции исследователей, считающих, что объективная сторона рассматриваемого преступления начинает выполняться только с момента внесения искажённых данных в отчётность, которая представляется в налоговые органы³⁸.

³⁶ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 9. С. 4.

³⁷ См. об этом подробнее: Лопашенко Н.А. Уголовная ответственность за налоговые преступления. С. 46.

³⁸ См. напр.: Волженкин Б.В. Экономические преступления. С. 235.

Особенности конструкции диспозиции рассматриваемых преступлений породили и другие вопросы, на которые нет однозначных ответов в теории. Прежде всего это относится к определению “формальности” либо “материальности” составов указанных деяний, а отсюда и установлению момента их окончания. Действительно, конструкции данных составов преступлений, предусмотренных ст. 194, 198 и 199 УК, не позволяют однозначно отнести их к формальным или к материальным. Дело в том, что в данных статьях для описания преступного поведения законодатель использовал понятие “уклонение”. Толковый словарь русского языка разъясняет его следующим образом: “Уклоняться – значит избежать чего-либо, устранившись, отказаться от чего-нибудь”³⁹. Следовательно, создаётся впечатление, что закон объявляет преступными исключительно *действия (бездействие)* лица, *предшествующие моменту* фактической неуплаты налогов и таможенных платежей в необходимые сроки, и сам факт такой неуплаты не имеет значения для квалификации оконченного преступления. В подтверждение такого вывода в юридической литературе проводится аналогия с иными статьями, предусматривающими уклонение от исполнения какой-либо обязанности и считающимися “формальными”: ст. 157 УК “Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей”, ст. 328 “Уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы”⁴⁰.

Так, характеризуя момент окончания налоговых преступлений, И.И. Кучеров указывал, что уклонение от уплаты налога путём непредставления декларации о доходах следует считать оконченным по истечении срока, установленного для представления декларации в налоговый орган. Если преступление было совершено путём включения в декларацию заведомо ложных, искажённых данных о доходах или расходах, оно полагалось окон-

³⁹ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 830.

⁴⁰ См.: Сабитов Р.А., Пищулин В.Г. Налоговые преступления: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Челябинск, 2001. С. 35.

ченным по истечении установленного законодательством месяца для внесения изменений и уточнений в декларацию. В случае, когда преступление выразилось в уклонении от уплаты налогов с организаций, его считали оконченным с момента передачи в соответствующие налоговые инспекции отчетной документации, содержащей ложные сведения о налогооблагаемых объектах, или со дня, установленного для передачи отчетности, если она не была своевременно представлена⁴¹.

На тот период такой позиции придерживалась и правоприменительная практика⁴² и большинство ученых-правоведов (В.Д. Ларичев, Б.В. Волженкин, П.С. Яни и др.)⁴³.

Директор АОЗТ “Пасьянс” систематически осуществлял торгово-закупочные сделки и иные операции, направленные на извлечение прибыли. При этом он представлял в налоговую инспекцию сведения (нулевые балансы) о том, что его предприятие финансово-хозяйственную деятельность не осуществляет, поэтому объекты налогообложения отсутствуют. В приговоре районного суда в этой связи отмечается, что данное преступление следует считать оконченным с момента, когда подсудимым были поданы указанные ложные сведения⁴⁴.

Однако не всё было так просто и ясно. Законодатель указал в диспозиции ст. 198 и 199 УК в качестве обязательного признака уклонения “крупный размер”, количественные параметры которого раскрыты в примечаниях к этим статьям. Так, в примечании к

⁴¹ Цит. по кн.: Кучеров И.И. Налоговые преступления. М., 1997. С. 65, 71.

⁴² См.: Обзор следственно-судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 198 и 199 УК РФ (декабрь 1997 г.) // Архив Управления ФСНП по Челябинской области; Методические рекомендации по расследованию налоговых преступлений. С. 21.

⁴³ См., например: Ларичев В. Уклонение от уплаты налогов с организаций: квалификация составов // Российская юстиция. 1997. № 6. С. 8; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.И. Радченко. М., 1996. С. 333, 335; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 1998. С. 446, 468.

⁴⁴ См.: Кучеров И.И. Налоговые преступления. С. 72.

ст. 198 УК говорится о *неуплаченном налоге*, а в примечании к ст. 199 УК – о *неуплаченных налогах*. Следовательно, можно предположить, что неуплаченные в крупном размере налоги и есть преступные последствия уклонения и что уклонение в этом случае означает “действие-результат”. В УК встречаются статьи, в которых предусмотрены последствия как результат преступного уклонения от исполнения тех или иных обязанностей. Но “материальность” состава таких преступлений не вызывает сомнений в силу качественного технического закрепления признаков, указывающих на наступление таких последствий. Например, в ч. 1 ст. 124 УК говорится о неоказании помощи больному, *повлекшем по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью*; в ч. 1 ст. 195 УК закреплено, что сокрытие имущества или имущественных обязательств при банкротстве или в предвидении банкротства будет преступным в случае *причинения крупного ущерба*, в ст. 332 УК указывается на неисполнение приказа, *причинившее существенный вред службе*. В случае же с анализируемыми преступлениями законодатель, по неведомым причинам, применил “хитрую” конструкцию, в которой наделил деяние количественной характеристикой, при этом прямо не указав на обязательность наступления последствий для квалификации оконченного посягательства. В гл. 22 УК, помимо ст. 194, 198, 199, такая сомнительная конструкция применена и в других нормах – ст. 177, 192, 193 и др.

Тем не менее окончательное заключение в пользу “материальности” составов преступлений, предусмотренных ст. 198 и 199 УК, было сделано на Научно-консультативном совете при Верховном Суде РФ и во время дискуссий на Пленуме Верховного Суда РФ, в работе которых приняли участие как видные учёные-юристы (Г.Н. Борзенков, Н.Ф. Кузнецова, Б.В. Волженкин и др.), так и практические работники⁴⁵. С учётом мнения большинства участников дискуссии, Пленум Верховного Суда от 4 июля 1997 года в п. 5 принятого постановления № 8 разъяснил, что “преступления, предусмотренные ст. 198, 199 УК

⁴⁵ См.: Пастухов И., Яни П. Квалификация налоговых преступлений // Законность. 1998. № 1. С. 13-14.

РФ, считаются оконченными с момента фактической неуплаты налога за соответствующий облагаемый период в срок, установленный налоговым законодательством”⁴⁶.

Однако даже официальные разъяснения названного Пленума не прекратили теоретических дискуссий, связанных с определением момента окончания налоговых преступлений. В литературе по-прежнему отсутствует единство точек зрения в вопросах отнесения составов рассматриваемых преступлений к “материальным” или “формальным”⁴⁷.

Так, в настоящий момент Б.В. Яценко, А.П. Кузнецов, А.М. Яковлев, Б.В. Волженкин поддерживают позицию Пленума Верховного Суда и полагают, что преступления, предусмотренные ст. 198, 199 УК, считаются оконченными с момента фактической неуплаты конкретного налога в срок, установленный законодательством⁴⁸. Такой же позиции придерживается и правоприменительная практика, что, на наш взгляд, вполне оправданно.

Напротив, А.Г. Корчагин, И.И. Кучеров, А.Э. Жалинский, Н.В. Побединская, И.Н. Соловьёв и др. по-прежнему относят рассматриваемые составы к формальным⁴⁹. Так, Р.А. Сабитов и

⁴⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 9. С. 4.

⁴⁷ См. подробнее: Тюнин В.И. О “длящихся” и “продолжаемых” преступлениях в сфере экономической деятельности // Журнал Российского права. 2001. № 1. С. 44, 45.

⁴⁸ См.: Российское уголовное право. Особенная часть / Под. ред. М.П. Журавлева и С.И. Никулина. С. 202; Кузнецов А.П. Государственная политика противодействия налоговым преступлениям в Российской Федерации (проблемы формирования, законодательной регламентации и практического осуществления): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 38, 42; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.В. Наумов. М., 1999. С. 503, 505, 506. Уголовное право России. Часть Особенная / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. С. 352.

⁴⁹ См.: Корчагин А.Г. Преступления в сфере экономики и экономическая преступность. Владивосток, 2001. С. 85; Кучеров И.И. Преступления в сфере налогообложения. С. 45; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 2 т. / Под ред. О.Ф. Шишова. Т. 2. М., 1998. С. 150, 153, 156; Побединская Н.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы налоговых преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук.

В.Г. Пищулин считают, что указанное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ не даёт основания считать составы налоговых преступлений материальными, поскольку понятие “уклонение от уплаты налогов” означает совершение действия (бездействия), направленного на неисполнение обязанности лица по уплате налогов, и не включает в себя последствия в виде причинения имущественного ущерба. Указание же в диспозиции статьи и примечании на крупный размер уклонения является количественной расшифровкой деяния, а не его последствий⁵⁰.

Естественно, что в юридической литературе нет единства и по вопросу, каким по конструкции является состав преступления, предусмотренного ст. 194 УК, – материальным или формальным. Одни исследователи (А. Чучаев, С. Иванова) считают, что состав уклонения от уплаты таможенных платежей сконструирован по типу формального и соответственно посягательство окончено в момент совершения деяния⁵¹.

Другие авторы (А.П. Кузнецов, С.И. Улезько, А.А. Витвицкий) обоснованно, на наш взгляд, указывают на “материальность” состава преступления, предусмотренного ст. 194 УК, а отсюда момент его окончания, по их мнению, связан исключительно с истечением предусмотренного законом срока уплаты таможенных платежей⁵².

Противоречивую позицию по указанной проблеме занимает Н.С. Гильмутдинова, которая относит конструкцию исследуемого состава к *формально-материальным* и указывает, что исследуе-

М., 1999. С. 16; Соловьёв И.Н. Налоговые преступления в торговле: Комментарий к проверкам и уголовным делам. М., 2001. С. 29. Промежуточную позицию по этому вопросу занимает В.П. Верин, который определяет уклонение от уплаты налогов по ст. 198 УК как материальный состав, а по ст. 199 УК как формальный (См.: Верин В.П. Преступления в сфере экономики. М., 1999. С. 101, 102).

⁵⁰ См.: Сабитов Р.А., Пищулин В.Г. Указ. соч. С. 35.

⁵¹ См.: Чучаев А., Иванова С. Уклонение от уплаты таможенных платежей // Российская юстиция. 1999. № 10. С. 41;

⁵² См.: Кузнецов А.П. Указ. соч. С. 44-45; Уголовное право. Особенная часть / Под ред. В.Н. Петрашева. М., 1999. С. 272.

мое преступление считается оконченным в момент: 1) когда виновный обманным путём получил полное или частичное освобождение от уплаты таможенных платежей; 2) неправомерного возврата таможенных платежей; 3) неуплаты таможенных платежей в установленные сроки. Однако далее автор делает не совсем последовательный вывод о том, что момент окончания преступления, предусмотренного ст. 194 УК, будет связан с наступлением конкретных вредных последствий – неполучением федеральным бюджетом таможенных платежей в крупном размере и в установленный законом срок. Это обстоятельство, по мнению Н.С. Гильмутдиновой, основано на позиции упомянутого Пленума Верховного Суда по вопросу определения момента окончания налоговых преступлений⁵³.

Представляется, что ситуация, когда формулировка закона не даёт ясного и чёткого представления об объективной стороне преступления, требует законодательного исправления. В полной мере это касается коррекции диспозиций ст. 194, 198 и 199 УК. На наш взгляд, “реконструкция” этих уголовно-правовых норм может осуществляться по одному из двух вариантов. Первый вариант предусматривает прямое указание в диспозициях статей на наступление общественно опасных последствий как результата уклонения от уплаты налоговых и таможенных платежей. При этом необходимо сохранить в тексте статей понятие “уклонение”, сосредоточив, тем самым, внимание правоприменителя и на действиях (бездействии), предшествующих неуплате необходимых платежей. Для описания признаков, указывающих на последствия, можно применить формулировки: *“Уклонение от уплаты налогов ... причинившее крупный ущерб”* либо *“... причинившее ущерб в крупном размере”*⁵⁴.

⁵³ См.: Гильмутдинова Н.С. Указ. соч. С. 96-97.

⁵⁴ Аналогичные предложения по регламентации последствий налоговых преступлений в литературе высказывали С.В. Козлов, В.Г. Истомин и др. авторы (см.: Козлов С.В. Указ. соч. С. 17-18; Истомин В.Г. Проблемы уголовной ответственности за нарушения налогового законодательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 2000. С. 24-27).

Второй вариант приемлем в том случае, если законодатель сочтёт нужным сконцентрировать внимание исключительно на моменте умышленной неуплаты налогов и таможенных платежей. Отражающие такой подход формулировки типа: *“Неуплата налога, взимаемого с физического лица (либо с организации)...”* (А.П. Кузнецов, А.Н. Караханов) или *“Умышленная неуплата налогов...”* (А.В. Иванчин) уже предлагались в юридической литературе⁵⁵.

Характерно, что в первых советских УК можно встретить аналогичные примеры регламентации налоговых преступлений. Так, в ст. 79 УК 1922 г. говорилось о неплатеже отдельными гражданами в срок или отказе от платежа налогов, денежных или натуральных. По УК 1922 г. были наказуемы неплатёж в установленный срок налогов и сборов по обязательному окладному страхованию (ст. 60) и неуплата в срок специального военного налога (ст. 60¹).

Предлагая свой окончательный вариант обновлённых редакций ст. 198 и 199 УК, своеобразную конструкцию составов налоговых преступлений моделирует А.В. Иванчин. По его мнению, при описании рассматриваемых деяний необходимо сосредоточить внимание правоприменителя как на самой неуплате необходимых платежей, так и на действиях, ей предшествующих. Он же считает целесообразным вынести из примечаний количественную расшифровку неуплаченных платежей в диспозиции исследуемых статей. К примеру, диспозиция ст. 198 УК сформулирована им следующим образом: *“Совершённая в результате умышленных действий (бездействия) неуплата в установленный срок взимаемых с физического лица налогов и (или) страховых взносов в го-*

⁵⁵ См.: Кузнецов А.П. Государственная политика противодействия налоговым преступлениям. С. 40; Караханов А.Н. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов или страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с организации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 18; Иванчин А.В. Вопросы конструирования составов налоговых преступлений // Налоговые и иные экономические преступления. Вып. 1. Ярославль. 2000. С. 95-97.

сударственные внебюджетные фонды в сумме, превышающей двести минимальных размеров оплаты труда”⁵⁶.

Представляется, что подобная конструкция выглядит громоздкой и устаревшей. Вопросы же перенесения количественных признаков налоговых преступлений из примечаний в диспозиции составов необходимо рассматривать в комплексе с подобной “реконструкцией” и иных норм УК. Эту проблему мы намерены осветить в гл.4 настоящего исследования.

§ 2. Особенности описания признаков субъективной стороны

Преступления, являющиеся предметом нашего исследования, как и любое другое, представляют собой единство объективных и субъективных признаков. Все элементы состава преступления органически взаимосвязаны и взаимодействуют между собой. Но наиболее сложная и закрытая от внешнего мира связь имеет место между субъективными признаками преступления, т.к. именно в психике субъекта происходят скрытые и порой необъяснимые процессы формирования вины, мотивов и целей совершения общественно опасного деяния, эмоционального состояния лица.

Субъективная сторона исследуемых преступлений является одной из наиболее острых и актуальных проблем правоприменительной практики и поэтому в последнее время активно привлекает внимание российских ученых-правоведов и специалистов-практиков.

Во-первых, она имеет важное юридическое значение, которое состоит в том, что четкое установление всех признаков, ее характеризующих, является необходимым условием для правильной квалификации конкретного общественно опасного деяния. Это позволяет, к примеру, отграничить налоговое преступление, влекущее уголовную ответственность, от налогового правонаруше-

⁵⁶ См.: Иванчин А.В. Вопросы конструирования составов налоговых преступлений. С. 103-104.

ния, влекущего ответственность административную и финансовую, избежать определенных ошибок в правоприменительной практике. Как показали выборочные исследования, до 30% отмененных и измененных приговоров было обусловлено ошибками, связанными с неустановлением или неправильным установлением признаков субъективной стороны⁵⁷. А.И. Рарог отмечает, что количество судебных ошибок, происшедших по причине неоднозначного решения различных аспектов вины, колеблется от 20 до 50%⁵⁸.

Во-вторых, это связано с желанием специалистов более глубоко проникнуть в сферу формирования преступных намерений, исследовать психологию преступника, понять мотивы и цели его поведения, выявить особенности данной преступной деятельности и на этой основе предложить новые приемы и методы для повышения эффективности борьбы с посягательствами в сфере налогообложения.

Одной из причин неэффективного применения норм об ответственности за преступления, предусмотренные ст. 198, 199 УК, являются сложности, возникающие при формировании доказательственной базы. К примеру, учёные-юристы и специалисты ФСНП, анализирующие состояние следственной практики, отмечают, что при осуществлении процессуальной деятельности следователи сталкиваются, прежде всего, с проблемой доказывания умысла. Как правило, у следственных работников возникает меньше сомнений по субъекту, объекту и объективной стороне налогового преступления, тогда как по субъективной стороне их возникает немало⁵⁹.

⁵⁷ Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ю.М. Ткачевского, Г.Н. Борзенкова. М., 1993. С. 154.

⁵⁸ См.: Рарог А.И. Вина в советском уголовном праве. Саратов. 1987. С. 7.

⁵⁹ См.: Соловьёв И.Н. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика налоговых преступлений: (ст. ст. 198 и 199 Уголовного кодекса Российской Федерации): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 133; Информационный бюллетень следственной службы УФСНП РФ по Челябинской области. 2000. № 1 (5) С. 27.

Вина является обязательным признаком субъективной стороны любого состава преступления и, в соответствии с ч. 1 ст. 24 УК РФ, может выражаться в форме умысла или неосторожности. В настоящее время действует новая редакция ч. 2 ст. 24 (введена Федеральным законом от 25 июня 1998 года № 92-ФЗ), из которой следует, что деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК.

Положения, закрепленные в указанной норме, несколько по-иному расставляют акценты в определении формы субъективного отношения в преступлениях гл. 22 УК. Справедливым и обоснованным является в этом свете вывод о том, что, основываясь на действующей редакции ч. 2 ст. 24 и ст. 27 УК, можно допустить применительно к преступлениям, которые содержат материальные составы (деяния, “причинившие крупный ущерб”, иные тяжкие последствия, когда “деяние совершено в крупном размере” и т.п.), не только умышленное, но и неосторожное отношение виновного лица к наступлению преступного результата⁶⁰. А.В. Иванчин также полагает, что действующая редакция ст. 194, 198, 199 УК даёт возможность квалификации по данным статьям и неосторожных деяний⁶¹. На наш взгляд, последняя точка зрения является сомнительной, так как термин “уклонение” свидетельствует об умышленных действиях лица.

Субъективная сторона преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов и таможенных платежей, характеризуется большинством авторов виной в форме прямого умысла. В настоящее время в юридической литературе, рекомендациях практики преобладает подобное мнение⁶². Лицо, не уплачивающее тот

⁶⁰ См.: Кругликов Л.Л. Экономические преступления: понятие, виды, вопросы дифференциации ответственности // Налоговые и иные экономические преступления. Вып. 1. С. 16-17.

⁶¹ См.: Иванчин А.В. Использование уголовно-правовых конструкций и приёма примечания при регламентации экономических преступлений // Налоговые и иные экономические преступления. Вып. 2. С. 90.

⁶² См., например: Чучаев А., Иванова С. Указ. соч. С. 41; Уголовное право России. Особенная часть / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. С. 230, 231;

или иной налог или таможенный платёж, взимаемый с физического лица или организации, сознаёт общественную опасность своего поведения, ибо знает о наличии обязанности уплаты налога (таможенного платежа) и, соответственно, понимает, что нарушает возложенную на него законом обязанность⁶³.

Мотивы и цели не являются признаками данного состава преступления и на квалификацию содеянного не влияют. Несмотря на то, что последнее обстоятельство почти общепризнано⁶⁴, выскажем некоторые соображения по этому поводу. Анализируя характер мотивов и целей, присущих налоговым преступлениям, И.И. Кучеров справедливо отмечает, что, вопреки устоявшемуся мнению, эти мотивы не всегда являются корыстными: «По ряду уголовных дел и очень не малому их числу мотивы таких действий как раз не были корыстными. Часто сокрытые средства шли на зарплату, на ремонт помещения, оборудования, благотворительные цели... При этом суд может это учесть как смягчающее

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.В. Наумов. С. 496, 503, 505; Кучеров И.И. Налоговые преступления. С. 66, 74; Соловьёв И.Н. О налоговых правонарушениях и преступлениях, совершаемых индивидуальными предпринимателями без образования юридического лица // Налоговый вестник. 1999. № 9; Сотов А.И. Уголовная ответственность за нарушения налогового законодательства // Финансовые и бухгалтерские консультации. 1997. № 9; Материалы первого Всероссийского семинара-совещания следственных работников федеральных органов налоговой полиции. М., 1997. С. 72, 75.

⁶³ См.: Волженкин Б.В. О некоторых спорных вопросах ответственности за преступления в сфере налогообложения (налоговые преступления) // Актуальные проблемы юридической ответственности за нарушения в сфере экономической деятельности и налогообложения: Материалы науч.-практ. конф. Ярославль, 2001. С. 13, 14.

⁶⁴ См., например: Уголовное право России. Часть Особенная / Под ред. Л.Л. Кругликова. С. 353, 357; Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная / Под ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина, С.В. Максимова. М., 1999. С. 441, 443; Цыганков Э.М. Уголовная ответственность за налоговые преступления // Экономика и жизнь. 1997. № 6.

обстоятельство, не предусмотренное в законе, но никак не более того”⁶⁵.

1. Директор завода пивобезалкогольных напитков “Полевской” П., объясняя мотивы совершения налогового преступления, сообщил, что его действия были вызваны тяжёлым финансовым положением предприятия. В целях стимулирования производства он распорядился по ряду совершаемых сделок не оприходовать наличные денежные средства, на которые затем приобретались сырьё и оборудование, производилось финансирование необходимых для завода мероприятий. Работники предприятия стабильно и своевременно получали заработную плату и социальную помощь⁶⁶.

2. Директор и собственник предприятия-экспортёра “Вестмет” Л., используя схемы “псевдоэкспорта” (“лжеэкспорта”) и подложные документы, осуществлял незаконный возврат НДС, а якобы экспортируемую металлопродукцию реализовывал на внутреннем рынке. При этом “сэкономленные” на налоговых платежах финансовые средства Л. расходовал исключительно в личных целях – на приобретение недвижимости, автомобилей, поездки за границу и т.п. В ходе предварительного следствия действия Л. были квалифицированы по ч. 1 ст. 199 УК⁶⁷.

Следовательно, действия руководителя производственного предприятия, который израсходовал финансовые средства на выплату заработной платы рабочим, закупку сырья и т.д. и по этой причине не уплатил в установленный срок необходимые налоги в сумме, превышающей крупный размер, и, например, действия директора коммерческой фирмы, который преступно уклонился от налоговых платежей в таком же объеме, но использовал средства исключительно в корыстных целях, будут квалифицированы

⁶⁵ Материалы первого Всероссийского семинара-совещания следственных работников федеральных органов налоговой полиции. С. 75.

⁶⁶ Информационный бюллетень следственной службы УФСНП РФ по Челябинской области. С. 12.

⁶⁷ Архив ФСНП РФ по Челябинской области. Уголовное дело № 2-243/99.

правоприменителем одинаково (ст. 199 УК). При этом затраты государства, направленные на выявление и расследование преступной деятельности руководителя коммерческой фирмы, как правило, оказываются на порядок выше.

Согласимся, что и характер преступных действий, и характер наступивших последствий в этих двух случаях сильно разнятся. На это обстоятельство обращают внимание и специалисты ФСНП РФ. Так, Д.Г. Макаров (зам. начальника аналитического управления ФСНП РФ) отмечает, что, во-первых, “совмещение различных по общественной опасности деяний приводит к серьезному недовольству в обществе и потере ориентиров к воздействию на общественно опасное деяние”, а, во-вторых, при конструировании составов налоговых преступлений необходимо учитывать такие обстоятельства, как корыстные цели и мотивы, а также сложность (“затратность”. – *авторы.*) расследования⁶⁸.

Ранее было отмечено, что субъективная сторона уклонения физического лица от уплаты налога характеризуется виной в форме прямого умысла. Позицию о прямоумышленности преступления, описанного в ст. 198 УК, поддерживает большинство учёных-правоведов (Н.А. Лопашенко, А.М. Яковлев, И.И. Кучеров, Л.Д. Гаухман и др.)⁶⁹.

⁶⁸ Макаров Д.Г. Уголовный кодекс в борьбе с теневой экономикой. Проблемы и перспективы // Налоговый вестник. 2000. № 1. С. 156. Говоря о затратности и сложности преследования налоговой преступности, нужно отметить, что расходы при расследовании сложных межрегиональных уголовных дел иногда превышают сумму всего ущерба. Так, в ходе расследования уголовного дела по обвинению В. по ч. 1 ст. 199 УК, находящегося в производстве следственных работников УФСНП РФ по Тюменской области, была осуществлена проверка более 800 предприятий, по уголовному делу в отношении руководителей ООО “Прод–опт” выемка бухгалтерских документов производилась на 4000 предприятиях (См.: Информационный бюллетень следственной службы УФСНП РФ по Челябинской области. С. 22).

⁶⁹ См.: Лопашенко Н.А. Уголовная ответственность за налоговые преступления. С. 47; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.В. Наумов. С. 503; Кучеров И.И. Налоговые преступ-

Тем не менее в некоторых источниках высказывается мысль о возможности совершения рассматриваемого деяния с косвенным умыслом. К примеру, в случае непредставления декларации и последующей неуплаты подоходного налога не исключается, по их мнению, ситуация, когда лицо “может действовать и с косвенным умыслом. Гражданин может быть не уверен в том, что его действия повлекут неуплату налога, который он должен уплатить. При этом он допускает с высокой степенью вероятности, что налог всё-таки заплатит обязан”⁷⁰.

Достаточно спорный и не очень логичный вывод. Трудно на практике представить ситуацию, когда при непредставлении декларации гражданин “может быть не уверен в том, что его действия повлекут неуплату налога, который он должен уплатить”.

Полагаем, что в рассматриваемом случае *любое вменяемое* лицо, умышленно не представляя декларацию, абсолютно чётко понимает, что делает это с целью не платить налог и что именно в результате этих действий налог не будет уплачен.

Иные исследователи, допускающие в данном случае возможность обеих форм умысла, отмечают, что понятие косвенного умысла сформулировано в ст. 25 УК таким образом, что его практически невозможно разграничить с прямым, если речь идёт об умысле неопределённом⁷¹. Однако гипотез возможного в таких ситуациях поведения они не выдвигают⁷². В этой связи И.И. Кучеров отмечает, что вывод об исключительной прямоумышленности налоговых преступлений в значительной степени подтверждается практикой, ведь в достаточно большом массиве

ления. С. 66; Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная / Под ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина, С.В. Максимова. С. 438.

⁷⁰ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 1998. С. 468.

⁷¹ См.: Пастухов И., Яни П. Указ. соч. С. 13.

⁷² См. например: Ботвинкин М.Ю. Уголовная ответственность за преступления в сфере налогообложения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 16-17; Успенский А.В. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов по новому УК РФ // Финансовые и бухгалтерские консультации. 1997. С. 89.

изученных им уголовных дел ни разу не было зафиксировано деяние, совершённое с косвенным умыслом⁷³.

Некоторые авторы допускают наличие косвенного умысла по отношению к уклонению от уплаты налога и при наличии идеальной совокупности ст. 171 и 198 УК⁷⁴. Полагаем, что данный вывод носит небесспорный характер, так как в большинстве случаев желание лица извлечь крупный доход напрямую связано с его попытками “минимизировать” затраты в виде налогов или вовсе избежать их уплаты. Субъект осознаёт, что извлечь максимально возможный доход от незаконной деятельности он сможет, если избежит уплаты необходимых налоговых платежей, которые могут превышать в некоторых случаях половину от полученной прибыли.

Тем не менее мы не признаём неоспоримым вывод о наличии у субъекта, совершившего описанное в ст. 198 УК преступление, только прямого умысла. Расширение круга предметов и субъектов указанного преступления привнесёт в правоприменительную практику и новые особенности, характеризующие психическое отношение “налогового” преступника к содеянному. Для индивидуального предпринимателя уплата “производственных” налогов и знание налоговой системы и её элементов (хотя бы в общих чертах) является обязательной составляющей его профессиональной деятельности. Уклонение от уплаты налогов, совершаемое такими лицами, носит, как правило, прямоумышленный характер.

Между тем возможна ситуация, когда обязанность выполнить необходимые действия для уплаты налога будет возлагаться на субъекта в исключительных, а может, и в единичных случаях. В таких условиях “новоиспечённый” налогоплательщик-нарушитель, в точности не представляющий действие механизмов налогообложения, лишь приблизительно предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, а от-

⁷³ См.: Кучеров И.И. Налоги и криминал. С. 243.

⁷⁴ См.: Иванчин А.В. Вопросы конструирования составов налоговых преступлений. С. 97.

сюда относится к ним безразлично. Поэтому уклонение от уплаты, скажем, налога с имущества, переходящего в порядке наследования и дарения, может характеризоваться и виной в форме косвенного умысла. Тем более, что, говоря языком уголовного права, ст. 110 НК РФ признаёт возможность совершения умышленного налогового правонарушения как с прямым, так и с косвенным умыслом.

Некоторые авторы допускают возможность совершения с косвенным умыслом и преступления, предусмотренного ст. 199 УК. Например, в ситуации, когда руководитель предприятия выплачивает в первую очередь долги по зарплате, не уплачивая налоги. При этом, возможно, он, руководствуясь благой целью, сознательно допускает наступление таких последствий, как неуплата налогов⁷⁵.

Напомним, что при косвенном умысле наступление последствий не является ни целью субъекта, ни средством (этапом) для её достижения, а выступает побочным результатом содеянного. Но в рассматриваемом случае именно незаконное удержание финансовых ресурсов и последующая неуплата налога является средством (этапом) для обеспечения персонала зарплатой. Руководитель осознаёт неизбежность наступления последствий в результате своих действий: если налоги не уплачены, то денежные средства в бюджет не попадут. Следовательно, нет и оснований усматривать в его деянии наличие косвенного умысла.

Высказываются предложения отдельных авторов о необходимости законодательно дифференцировать в Особенной части УК ответственность за уклонение от уплаты налогов, совершённое как умышленно, так и неосторожно. Действительно, одной из проблем, возникающих на практике, является установление в действиях субъектов *умышленности* уклонения от уплаты налогов. Несомненно, что очевидность умысла, характерная для иных экономических преступлений (к примеру, ст. 171, 172, 186 и др.), в налоговых преступлениях порой “спрятана” за бланкетными

⁷⁵ См., например: Иванчин А.В. Вопросы конструирования составов налоговых преступлений. С. 97.

диспозициями, в огромном массиве противоречащих друг другу нормативных документов. Как правило, налогоплательщик объясняет наличие искаженных данных невнимательностью, небрежностью или неопытностью бухгалтера, запутанностью и непоследовательностью налогового законодательства. Принцип презумпции невиновности в уголовном процессе обязывает толковать все сомнения в пользу налогоплательщика и потому, как показывает практика, случаи, когда удается доказать умышленную деятельность в “неочевидных” нарушениях (к примеру, при неправомерном завышении расходов), достаточно редки. Исключения составляют ситуации, когда на предприятии находятся работники из числа руководящего состава, которые дают изобличающие показания.

К примеру, такие показания были даны главным бухгалтером ТОО ТКП “Негоциант” В. в ходе расследования уголовного дела, возбуждённого УФСНП РФ по Свердловской области в отношении директора этого же предприятия Ф. по ч. 1 ст. 199 УК. Именно показания В. стали решающими в ходе установления вины Ф. в уклонении от уплаты налогов с организации в крупном размере и позволили суду вынести обвинительный приговор⁷⁶.

В этих условиях практические работники ФСНП считают, что в целях повышения эффективности борьбы с налоговыми преступлениями целесообразным будет введение в УК РФ статьи, предусматривающей ответственность за уклонение, совершенное по неосторожности после наложения административного взыскания за совершенное в течение года аналогичное правонарушение. По мнению многих специалистов ФСНП, “по крайней мере, в переходный период экономических преобразований, в период роста организованной и экономической преступности эта мера выглядела бы оправданной, так как угроза наказания позволила бы существенно повысить собираемость налогов и заставила бы нало-

⁷⁶ См.: Информационный бюллетень следственной службы УФСНП по Челябинской области. С. 28.

гоплательщика переосмыслить свое отношение к этой проблеме⁷⁷.

Подобные предложения редко, но всё же высказывались и в теории. Так, А.Г. Кот, ещё в период обсуждения проекта УК РФ, предлагал дифференцировать ответственность за умышленные налоговые преступления и за аналогичные действия, совершённые по неосторожности. При этом он ссылаясь на опыт законодательной регламентации налоговых преступлений в таких странах, как Франция и Польша⁷⁸.

Несомненно, введение такой нормы облегчит органам налоговой полиции выполнение их задач по выявлению, пресечению и предотвращению налоговых преступлений и правонарушений. Но, с другой стороны, это серьезно и неоправданно ухудшит положение налогоплательщиков, т.к. возможность осознания ими противоправности своих действий и предвидения общественно опасных последствий значительно осложнена в силу объемности и противоречивости нормативной базы налоговых правоотношений.

В юридической литературе справедливо указывается на несовершенство и нестабильность налогового законодательства в России и отмечается, что «отечественное налоговое право отличается излишней объемностью и сложностью. В настоящее время нормативная база по вопросам налогообложения включает в себя огромное число законов, указов, постановлений, инструкций и разъяснений. Иногда нормы, ухудшающие положение налогоплательщика, вводятся задним числом или подвергаются расширительному толкованию»⁷⁹.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ См.: Кот А.Г. Указ. соч. С. 62.

⁷⁹ Кучеров И.И. Налоговые преступления. С. 40-42. См. об этом также: Кучеров И.И. Уклонение, сокрытие, неуплата // Ваше право. 1995. № 22. С. 12; Брызгалин А.В. Сокрытие или неучёт: к вопросу о квалификации составов уголовных преступлений в сфере налогообложения // Налоговый вестник. 1997. № 11. С. 41.

Многие специалисты отмечают, что принятие Налогового кодекса (НК) серьезным образом не улучшило ситуацию с законодательной базой в сфере налоговых правоотношений. Часть 1 НК, подвергшаяся многочисленным изменениям, которые создали значительные проблемы для правоприменительной практики, уже нуждается в новой редакции. Аналогичное положение складывается и с недавно принятыми главами части 2 НК. Многие ее положения изменялись еще до введения в действие⁸⁰.

Думаем, что вышесказанное в полной мере относится и к уклонению от уплаты таможенных платежей. В сегодняшних условиях криминализация неосторожных деяний в налоговой и таможенной сфере может стать препятствием для формирования равноправных рыночных правил хозяйствования и улучшения инвестиционного климата в стране, необоснованно повысить элементы субъективизма в правоприменительной практике, позволить руководителям различных уровней использовать порой Уголовный кодекс как “дубинку” в личных, политических, экономических и иных целях. А.А. Витвицкий, в этом смысле, указывая на необходимость экономии уголовной репрессии, отмечает, что налоговые правонарушения, совершённые по неосторожности, вполне могут быть наказаны санкциями, предусмотренными налоговым правом⁸¹.

Не случайно законодатель так “осторожно” обращается с “неосторожностью” применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности: в гл. 22 УК РФ нет ни одного состава, в котором было бы прямое указание на неосторожную форму вины⁸². Возможно, в скором времени практика и реальная

⁸⁰ См.: Слом В.М. Сказать по совести // ЭЖ – Юрист. 2000. № 44. С. 1

⁸¹ См.: Витвицкий А.А. Уголовно-правовые аспекты ответственности за уклонение от уплаты налогов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 16-17.

⁸² Отметим, что дореволюционное российское уголовное законодательство допускало неосторожную форму вины в некоторых экономических преступлениях. (См.: Волженкин Б.В. Экономические преступления. С. 10, 12, 14).

криминогенная ситуация внесут коррективы в эту ситуацию, но оправданы они будут лишь при наличии следующих обстоятельств:

- 1) дальнейшая либерализация и упорядочение налогового, таможенного, финансового законодательства;
- 2) стабилизация социально-экономической и политической обстановки в стране;
- 3) реформирование и укрепление судебной и правоохранительной системы.

**Проблемы законодательной
регламентации квалифицированных
составов и примечаний в статьях
о налоговых и иных экономических
преступлениях**

**§ 1. Особенности конструирования
квалифицированных составов**

В последние годы в современном российском уголовном праве устойчиво сохраняется тенденция к расширению сферы дифференциации уголовной ответственности. Особенно заметно это проявилось при разработке нового Уголовного кодекса Российской Федерации. Средства дифференциации ответственности широко использованы в обновленном уголовном законодательстве России. Тем не менее, в действующем УК этот процесс носит не всегда последовательный характер. Значительное количество противоречий наблюдается, прежде всего, в сфере дифференциации ответственности посредством квалифицирующих признаков.

Как известно, квалифицирующие обстоятельства являются основным средством дифференциации наказания в статьях Особенной части УК, и недостаточное внимание к их законодатель-

ной регламентации имеет серьезные негативные последствия, прежде всего для правоприменительной практики. Напомним, что важнейшей чертой квалифицирующих признаков является их влияние на квалификацию содеянного. Придавая совершённое преступному деянию новое качество, они изменяют законодательную оценку поведения виновного ввиду резкого изменения степени общественной опасности в сторону её повышения или снижения. Своё внешнее выражение эта черта получает в иной квалификации, отличной от той, которая имеет место при отсутствии данного признака. Таким образом, квалифицирующие признаки выполняют двуединую функцию: фундаментальную (в качестве одного из компонентов основания ответственности) и в то же время дифференцирующую – с учётом данных признаков конструируется более опасная, по сравнению с отражённой в основном составе, разновидность посягательства.

В юридической литературе уже неоднократно обращалось внимание на допущенные законодателем нарушения правил конструирования квалифицированных составов деяний главы 22 УК (Преступления в сфере экономической деятельности), в том числе и налоговых¹. В частности, указывается на непродуманное использование в пределах одной группы преступлений блоков (“наборов”) квалифицирующих признаков², на сомнительность законодательных решений относительно указания в одном пункте соответствующей части статьи и на группу лиц по предварительному сговору, и на организованную группу или установления в ряде статей повышенной уголовной ответственности только при совершении преступления организованной группой³.

¹ См. об этом: Иванчин А.В. Вопросы конструирования составов налоговых преступлений. С.101-102; Истомин В.Г. Указ. соч. С. 24-25; Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч.; и др.

² См.: Кругликов Л.Л. Экономические преступления: понятие, виды, вопросы дифференциации ответственности. С. 16.

³ См.: Благов Е.В. Квалификация соучастия в экономических преступлениях (закон и практика) // Налоговые и иные экономические преступления. Вып. 3. Ярославль, 2001. С. 56; Талан М.В. Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории, законодательного регули-

Слабо продуманная дифференциация в нормах главы 22 объясняется во многом следующим: в период разработки нового УК 1996 г. внимание законодателя было сосредоточено на формулировании многочисленных новых норм анализируемой главы. В этих условиях вопросы дифференциации наказания отошли как бы на задний план, оказались второстепенными, что и сказалось, в конечном счете, на качестве закона, повлекло недостаточно продуманную дифференциацию⁴.

В этой связи заметим, что составы преступлений в сфере налогообложения (ст. 198, 199, 194) не были для законодателя абсолютно новыми. В УК РСФСР 1960 года имелись аналогичные “нормы-предшественницы” – ст. 162¹ “Уклонение от подачи декларации о доходах, несвоевременная подача декларации или включение в неё заведомо искажённых данных”, 162² “Соккрытие доходов (прибыли) или иных объектов налогообложения”, 162⁶ “Уклонение от уплаты таможенных платежей”.

Тем не менее, многие вопросы, в том числе криминологическая обоснованность и техника законодательной регламентации квалифицирующих признаков составов преступлений в сфере налогообложения как в первой, так и в последующих редакциях УК 1996 года были проработаны не в должной мере.

В первоначальной редакции ч. 2 ст. 198 УК содержала два квалифицирующих признака: “в особо крупном размере” и “лицом, ранее судимым за уклонение от уплаты налога”, а ч. 2 ст. 199 и ст. 194 УК – лишь один признак: “неоднократно”, там же по непонятным причинам отсутствовал квалифицирующий признак “в особо крупном размере”. Как минимум три обстоятельства говорили о необходимости его включения в квалифицированные составы ст. 199 и 194 УК. Во-первых, аналогичные статьи в УК 1960 г. – ст. 162² и ст. 162⁶, предусматривали дифферен-

рования и судебной практики: Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2002. С. 72.

⁴ См. об этом: Кругликов Л.Л. Квалифицированные виды посягательств в сфере экономики (сравнительный анализ) // Налоговые и иные экономические преступления. Вып. 2.

циацию наказания по вертикали “крупный размер – особо крупный размер”. Во-вторых, в преступлениях в сфере экономической деятельности именно количественная характеристика преступных последствий (в нашем случае размер ущерба для бюджета) является фактором, существенно влияющим на степень общественной опасности содеянного. В-третьих, в ч. 2 ст. 198 УК “особо крупный размер” был предусмотрен в качестве квалифицирующего признака, что обоснованно вызывало вопрос, почему этот признак отсутствует в ст. 194 УК и тем более в ст. 199 УК. Что заставило законодателя избирательно относиться к однородным и близким по охраняемому объекту составам?

В юридической литературе достаточно широко распространено правило, согласно которому при конструировании квалифицированных составов преступлений с единым родовым и очень сходным групповым (видовым) объектом квалифицирующие признаки должны быть унифицированы⁵. Указанное правило применено при законодательной регламентации квалифицирующих обстоятельств во многих статьях Особенной части УК (например: ст. 126, 127, 206, 158-162, 171, 172). Оно не носит универсального характера, но к построению квалифицированных составов ст. 194, 198, 199 УК вполне применимо.

Значение квалифицирующих признаков состоит и в том, что они свидетельствуют о серьезном перепаде в уровне общественной опасности по сравнению с той, которая выражена признаками основного состава⁶. Не включив “особо крупный размер” в качестве квалифицирующего признака в ч. 2 ст. 199 УК, законодатель, можно думать, полагал, что увеличение суммы преступно неуплаченных налогов физическим лицом до 500 минимальных размеров оплаты труда *характеризует резкое повышение общественной опасности* содеянного и, напротив, увеличение преступно

⁵ См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 256-258; Волженкин Б.В. О дифференциации ответственности за коррупционные правонарушения // Дифференциация ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 1994. С. 165.

⁶ См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 253-255.

неуплаченных налогов с организации до любого возможного размера *не свидетельствует о серьезном повышении общественной опасности* указанного деяния. Если это так, то логика выглядит несколько странной.

В то же время следует отметить, что в некоторых случаях можно говорить о резком перепаде уровня общественной опасности при переходе от основного состава к квалифицированному лишь условно. Дифференцирующие обстоятельства и средства их закрепления в законе должны соответствовать определённым требованиям для реализации принципа равенства граждан перед законом. Наличие определённых границ применения дифференцирующего обстоятельства предполагает необходимость сглаживания этих границ в крайних пределах для исключения резких скачков при дифференциации⁷. Такой “плавности” дифференциации сложно добиться при конструировании составов, в которых квалифицирующие признаки носят исчисляемый характер и законодательно конкретизированы, например, в виде точной экономической величины (“особо крупный размер” в прим. к ст. 171 УК, “крупный размер” в прим. к ст. 191 УК и т.д.). Применительно к налоговым преступлениям вполне вероятна “пограничная ситуация”, когда, скажем, гражданин “А” уклонился от уплаты налога в размере 499 МРОТ, а гражданин “Б” совершил аналогичные действия в размере 500 МРОТ. В такой ситуации сумма в 50-100 рублей сможет кардинально повлиять на квалификацию и, соответственно, на изменение рамок санкций. На практике тот или иной предприниматель, уклоняясь от уплаты налогов “вообще”, вряд ли соотносит сумму неуплаченных платежей с количеством МРОТ, указанных в Уголовном кодексе.

Таким образом, конкретизация квалифицирующих признаков путем законодательной привязки к строго определенному количеству МРОТ имеет и свои издержки. В связи с этим отдельные авторы (Г.Л. Кригер, Т.В. Кленова) для обеспечения пропорцио-

⁷ См. об этом: Васильевский А.В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: Дис. ... канд. юрид. наук. С. 101-102.

нальности изменения уровня дифференциации изменению степени общественной опасности содеянного предлагают описывать квалифицирующие признаки с помощью оценочных понятий. Они полагают, что оценочные признаки не должны широко использоваться в области установления уголовной ответственности и считают, что сфера их использования – дифференциация и индивидуализация ответственности⁸. Напротив, другая группа авторов (Б.В. Волженкин, Т.А. Лесниевски-Костарева, Н.И. Панов и др.) полагают, что специфика квалифицирующих признаков требует максимально осторожного использования в УК, и особенно в главе 22, неконкретизированных оценочных понятий для обозначения этих признаков⁹. Отметим, что законодатель не всегда последовательно выдерживает линию на уточнение содержания оценочных признаков состава преступления. В главе 22 УК имеются нормы, в которых квалифицирующие обстоятельства, носящие количественный характер, не конкретизированы (например, “крупный размер” в ч. 2 ст. 186). Итогом такой ситуации “является отсутствие чёткого ориентира для практики, разноречивое понимание оценочных признаков, произвольные рекомендации в теории”¹⁰.

Избежать вовсе использования оценочных признаков при конструировании статей УК вряд ли возможно. Но применять их для описания материальных последствий в составах экономических (предпринимательских) преступлений нецелесообразно, и даже опасно. Необоснованно широкое усмотрение правоприме-

⁸ См.: Кригер Г.Л. Некоторые вопросы построения Особенной части Уголовного кодекса // Проблемы совершенствования уголовного закона. М., 1984. С. 133; Кленова Т.В. Объективное и субъективное в процессе квалификации преступлений // Уголовная ответственность: основание и порядок реализации. Самара, 1990. С. 23.

⁹ См.: Уголовное право России. Часть Особенная / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. С. 314; Панов Н.И. О точности норм уголовного права и совершенствовании законодательной техники // Правоведение. 1987. № 4. С. 81, 82; Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 302-307.

¹⁰ Кругликов Л.Л. Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи. (1982-1999 гг.). Ярославль, 1999. С. 174.

нителем оснований уголовной ответственности за противоправное поведение субъектов предпринимательской деятельности (а именно так в последнее время государство, достаточно часто, использует уголовное и иное законодательство для усиления политического и экономического влияния на представителей отечественного бизнеса) может привести к нарушению основополагающих принципов уголовного права.

Предпринимательская среда очень настороженно относится к любым попыткам государства усилить “уголовно-правовое давление” на экономическую деятельность, именно в этой деятельности государство должно предложить хозяйствующим субъектам чёткие “правила игры”. Предпринимательская деятельность, в условиях рыночной системы, осуществляется на свой страх и риск и поэтому находится порой в трудных, а иногда непредсказуемых условиях. Она является более опасной для ее участников, которые рискуют своим имуществом, финансами и социальным статусом. Поэтому “размытость” и нечёткость уголовного закона является для субъектов экономической деятельности серьёзным дестабилизирующим фактором, способствующим расшатыванию экономического и социального равновесия в условиях развёртывания и укрепления рыночных отношений в стране¹¹.

В этой связи заслуживает одобрения тот факт, что в проекте Федерального закона “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации” 2003 г. № 304898-3, предлагается формализовать все оценочные количественные признаки в главе 22 УК, дополнив ст. 169 примечанием следующего содержания: “В статьях настоящей главы, за исключением статей 174, 174¹, 185, 185¹, 193, 194, 198, 199 и 199¹, крупным размером, крупным ущербом, доходом либо задолженностью в крупном размере признается стоимость, ущерб, доход либо задолженность

¹¹ См. об этом подробнее: Кругликов Л.Л., Соловьёв О.Г. Правонарушения в сфере предпринимательской деятельности: вопросы ответственности // Предпринимательство: пределы государственно-правового вмешательства: Материалы конференции. М., 2001. С. 51.

в сумме, превышающей двести пятьдесят тысяч рублей, особо крупным – один миллион рублей”.

Что касается обеспечения справедливости в процессе дифференциации посредством количественно формализованных в законе квалифицирующих признаков, необходимо эффективно использовать возможности индивидуализации ответственности и оптимального конструирования санкций. В этой связи следует поддержать сложившуюся законодательную практику, когда санкции основного и квалифицированного составов частично пересекаются, т.е. нижний предел санкции квалифицированного состава несколько ниже верхнего предела санкции основного состава¹².

Как мы уже упоминали, часть 2 ст. 198 УК (первая редакция) в качестве одного из квалифицирующих признаков предусматривала предшествующую судимость лица за уклонение от уплаты налога, причем нечеткость и неясность изложения указанного признака в законе позволяла толковать его двояко: непонятно было, какой вид специального рецидива имел в виду законодатель – тождественный или однородный. В одних случаях действие этого признака распространяли на лиц, осужденных по ст. 198 УК, а в других – на лиц, осужденных за иные налоговые преступления¹³.

Индивидуальный предприниматель без образования юридического лица Р., осуществлявший в 1997 году поставки горючесмазочных материалов в районы Крайнего Севера, представлял в налоговый орган фиктивные затратные документы от несуществующих фирм. При подаче налоговой декларации в 1998 году Р., таким образом, уклонился от уплаты подоходного налога в крупном размере. Ранее Р., будучи директором АОЗТ “Паритет”, был осужден за сокрытие доходов и иных объектов

¹² См. об этом подробнее: Васильевский А.В. Указ. соч. С. 102.

¹³ См. об этом: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.И. Радченко. С. 333.; Ларичев В.Д., Решетняк Н.С. Налоговые преступления и правонарушения. Кто и как их выявляет. М., 1998. С. 42; Рекомендации по расследованию налоговых преступлений. С. 17.

налогообложения по ст. 162² УК РСФСР и судимость не была погашена. В ходе предварительного следствия действия Р. были квалифицированы по ч. 2 ст. 198 УК, как уклонение от уплаты подоходного налога в крупном размере, совершенное лицом ранее судимым за уклонение от уплаты налога¹⁴.

Необходимо отметить, что в первоначальной (и последующей) редакции УК 1996 года законодатель для обозначения рецидива как квалифицирующего (особо квалифицирующего) обстоятельства в статьях Особенной части использовал следующие приемы:

1. Объединял преступные деяния в специальные понятия: “лицо, ранее два или более раза судимое” за хищение либо вымогательство, которые дополнительно раскрывались в законе (п. “в” ч. 4 ст. 158 и примечание 4 к ст. 158).

2. Указывал название статьи или статей УК, например: “лицо, ранее судимое за обман потребителей” (п. “а” ч. 2 ст. 200), “лицо, ранее судимое за незаконное предпринимательство или незаконную банковскую деятельность” (п. “в” ч. 2 ст. 171).

3. Использовал формулировку: “лицо, ранее судимое за преступления, предусмотренные настоящей статьей” (п. “б” ч. 3 ст. 126).

4. В некоторых случаях эти приемы совмещались (п. “в” ч. 2 ст. 175).

Применительно к ч. 2 ст. 198 УК законодатель ни один из этих приёмов не использовал, нарушив, таким образом, правила о необходимости единообразного употребления понятий, терминов, унифицированных конструкций в рамках института квалифицирующих признаков и создав ситуацию неопределённости.

Указанный просчет устранил Пленум Верховного Суда, в постановлении от 4 июля 1997 года, указав, что ранее судимым за уклонение от уплаты налога, применительно к ч. 2 ст. 198, следует считать лицо, которое в прошлом было осуждено по ст. 198 УК или по ст. 199 УК, либо по части 1 ст. 162² УК РСФСР, если при-

¹⁴ См. Архив следственной службы УФСНП РФ по Челябинской области. Уголовное дело 23-41/98.

говором по этому делу установлено сокрытие полученных доходов, подоходный налог с которых превышает 200 минимальных размеров оплаты труда, либо по ч. 2 ст. 162² УК РСФСР по признаку “сокрытие полученных доходов (прибыли) или иных объектов налогообложения в особо крупных размерах”, при условии, что прошлая судимость не снята или не погашена в установленном законом порядке¹⁵.

Недостаточно продуманным, на наш взгляд, выглядит подход законодателя и к регламентации однородных разноуровневых квалифицирующих обстоятельств. Трудно объяснить, если вообще возможно, почему при конструировании квалифицированных составов отдельных статей главы 22 УК (в том числе и близких по охраняемому объекту) в одних случаях используется признак “неоднократно”, а в других – “лицом, ранее судимым”. Например, ч. 2 ст. 186 “Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг” предусматривает в качестве квалифицирующего обстоятельства тождественный специальный рецидив, а в ч. 2 ст. 187 “Изготовление или сбыт поддельных либо расчетных карт и иных платежных документов” содержится квалифицирующий признак – “неоднократно”.

Аналогичный подход мы видим и при конструировании квалифицированных составов преступлений в сфере налогообложения.

Специальный рецидив, как правило, свидетельствует о повышенной опасности личности по сравнению с общим рецидивом и тем более по сравнению с неоднократностью, служит показателем более устойчивой антиобщественной направленности лица, совершающего преступления одного и того же вида уже после применения к нему мер уголовно-правового воздействия. Следовательно, в соответствии с правилами осуществления дифференциации “по вертикали”¹⁶, цепочка квалифицирующих обстоя-

¹⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 9. С. 4.

¹⁶ Подробнее о дифференциации “по вертикали” и “по горизонтали” см.: Кругликов Л.Л., Зуев Ю.Г. Указ. соч. С. 149; Кругликов Л.Л. Квалифицированные виды посягательств в сфере экономики (сравнительный

тельств, связанных со множественностью преступлений, должна выглядеть следующим образом: “неоднократно”, “лицом, ранее судимым”, “лицом, два или более раза судимым”.

“Неоднократность”, как первое звено в указанной цепочке, позволяет охватить большое число случаев преступного поведения налогоплательщиков и, следовательно, имеет гораздо более широкое превентивное значение. Возможно, предусмотрев указанный признак в ч. 2 ст. 199 и 194 УК, законодатель презюмирует, что преступления, связанные с уклонением от уплаты налогов с организации и таможенных платежей с организации или физического лица, имеют большую распространенность, а отсюда и более высокую общественную опасность, по сравнению с квалифицированными преступлениями налогоплательщиков – физических лиц. Но эта презумпция не согласуется с установленными в ст. 194, 198 и 199 УК квалифицированными порогами криминализации противоправного поведения субъектов налоговых правоотношений. Порог, обозначенный в законе как “крупный размер”, составляет для налогоплательщиков-физических лиц – более 200 МРОТ (прим. 1 к ст. 198 УК), для налогоплательщиков-организаций и лиц, уклоняющихся от уплаты таможенных платежей – более 1000 МРОТ (прим. к ст. 199, 194 УК), что явно ставит субъекта преступления, предусмотренного ст. 194 и ст. 199 УК, в более выгодное положение¹⁷.

В поисках определенной логики в законодательной регламентации квалифицированных составов налоговых преступлений отдельные специалисты приходят к неоднозначному выводу: отсутствие в диспозиции ч. 2 ст. 198 УК такого квалифицирующего признака, как неоднократность, позволяет считать, что данное преступление по смыслу закона носит *продолжаемый* характер.

анализ) // Налоговые и иные экономические преступления. Вып. 2. С. 15-18.

¹⁷ Некоторые специалисты отмечают, что в связи с таким “привилегированным” положением руководителей организаций, преступно нарушающих налоговое законодательство, необходимо поднять “планку” размеров уклонения физических лиц до уровня, установленного для организаций. (См.: Козлов С.В. Указ. соч. С. 17)

А отсюда сумма неуплаченного подоходного налога за несколько налоговых периодов может складываться¹⁸, поэтому в зависимости от размера неуплаченного налога действия виновного следует квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 198 УК¹⁹.

Справедливости ради отметим, что неравнозначный подход законодателя к регламентации квалифицирующих обстоятельств, характеризующих множественность преступлений в налоговой сфере, имел место и в УК 1960 года. Так, ст. 162¹ УК РСФСР “Уклонение от подачи декларации о доходах” квалифицирующих признаков вообще не имела; ч. 2 ст. 162² УК РСФСР “Соккрытие доходов (прибыли) или иных объектов налогообложения” содержала два квалифицирующих признака – совершение преступления “в особо крупных размерах либо лицом, ранее совершившим преступление, предусмотренное данной статьёй”; ст. 162⁶ УК РСФСР “Уклонение от уплаты таможенных платежей” выделяла простой, квалифицированный и особо квалифицированный состав, и в качестве квалифицирующего признака был предусмотрен особо крупный размер, а особо квалифицирующего – тождественный рецидив. Причём санкция и в ч. 2, и в ч. 3 названной статьи предусматривала максимальный срок лишения свободы до пяти лет. Как видно, законодатель, не закрепив в ч. 2 ст. 162⁶ РСФСР признак *неоднократности*, в ч. 3 указанной статьи сразу перешёл к использованию в качестве средства дифференциации *предшествующей судимости* за уклонение от уплаты таможенных платежей. В квалифицированном составе ст. 162² по непонятным причинам вместо лаконичной формулировки (используемой, к примеру, в родственных составах – ст. 162⁷, 162⁸ УК

¹⁸ Отметим, что на практике вполне допустимо неоднократное совершение преступления, предусмотренного ст. 198 УК. Если деяния в различных налоговых периодах будут охватываться различным умыслом, разорваны по времени и месту и т.д., необходимо квалифицировать каждое деяние как самостоятельное оконченное преступление.

¹⁹ См. об этом: Михалев В.В., Даньков А.П. Налоги и налоговая преступность. М., 1999. С. 53-54; Михалев В.В., Даньков А.П., Касютина Р.В. О квалификации налоговых преступлений и правонарушений // Налоговый вестник. 2000. № 9. С. 175.

РСФСР: “те же действия, совершённые повторно”), применена довольно громоздкая конструкция – “Соккрытие полученных доходов (прибыли) или иных объектов налогообложения в особо крупных размерах либо лицом, ранее совершившим преступление, предусмотренное данной статьей”.

Мы уже говорили о том, что искать логику в своеобразном подходе законодателя к закреплению квалифицирующих признаков в анализируемых нормах достаточно тяжело. Очевидно, что в процессе “рождения закона” при отборе обстоятельств, “претендующих” на роль квалифицирующих, были допущены криминологические и логические просчёты. И, по всей видимости, эти просчёты были допущены, прежде всего, на стадиях подготовки текста законопроекта, его апробации и экспертизы. Заметно, что качество конструирования квалифицированных составов (как и качество законодательной техники в целом) разнится не только между главами УК, но и порой внутри главы. Так, при обсуждении проекта нового УК обращалось внимание на нелогичное и неоправданное (с точки зрения криминологической обоснованности) техническое решение вопроса квалифицирующих признаков в преступлениях с единым родовым и очень сходным групповым (видовым) объектом – например, в составах похищения человека, незаконного лишения свободы, захвата заложников²⁰. Думается, в том числе благодаря этой критике в окончательных редакциях ст. 126, 127, 206 УК закреплены унифицированные блоки квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков. Хотя в иных случаях, как уже отмечалось выше, качество (техника) регламентации основных и дифференцирующих признаков в нормах УК оставляет желать лучшего. Поэтому ещё одной причиной слабо продуманной дифференциации в нормах главы 22, на наш взгляд, являются издержки “разноэффективного” взаимодействия между различными группами разработчиков законопроекта и рекомендациями теории и практики уголовного права. Иначе почему уже в процессе осуществляемых изменений и дополнений в действующий УК законо-

²⁰ См. об этом: Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 122.

дательное оформление квалифицирующих обстоятельств носило непоследовательный характер?

Так, Федеральный закон от 20 мая 1998 года № 92-ФЗ изложил статьи 194, 198 и 199 УК в новой редакции. В ч. 2 ст. 198 был конкретизирован и уточнён квалифицирующий признак, предусматривавший наличие в содеянном уже однородного рецидива, причём подобная конструкция квалифицирующего признака, характеризующего однородный рецидив – “лицом, ранее судимым за совершение преступлений, предусмотренных настоящей статьёй, а также статьями 194 и 199 настоящего Кодекса”, – была применена в главе 22 УК впервые.

Более существенные изменения в регламентации квалифицирующих обстоятельств имели место в ст. 199 и 194 УК. Часть 2 ст. 199 и 194 была дополнена тремя квалифицирующими признаками: п. “а” – группой лиц по предварительному сговору; п. “б” – лицом, ранее судимым за совершение преступлений, предусмотренных настоящей статьёй, а также статьями 194 и 198 настоящего Кодекса; п. “г” – в особо крупном размере. При этом квалифицированный состав уклонения от уплаты налогов с организаций по-прежнему содержал квалифицирующий признак – “неоднократно”. Отсюда можно заключить, что законодатель лишь частично воспринял правило, в соответствии с которым применительно к однородным преступлениям должны использоваться унифицированные устойчивые сочетания признаков, “свой” круг квалифицирующих обстоятельств²¹.

Конечно же, включение в ч. 2 ст. 199 УК разноуровневых однородных признаков: “лицом, ранее судимым” и “неоднократно” нельзя признать удачным. Это явное отступление от логического правила законодательного закрепления квалифицирующих обстоятельств, несмотря на то, что указанные квалифицирующие признаки находятся в относительной соподчинённости – при тождественных преступлениях. Для устранения отмеченного несоответствия необходимо либо исключить признак неоднократно-

²¹ См. подробнее: Кругликов Л.Л. Квалифицированные виды посягательств в сфере экономики (сравнительный анализ). С. 14-18.

сти из ч. 2 ст. 199 и 194 УК, либо предусмотреть в ст. 194, 198, 199 УК вместо однородного рецидива – однородную неоднократность (по подобию гл. 21 УК). В юридической литературе предпочтение отдаётся второму варианту.

Так, А.В. Иванчин считает необходимым заменить в ч. 2 ст. 199 УК п. “б” и “в” одним квалифицирующим признаком, выразив его следующим образом: “неоднократно, либо лицом, ранее совершившим деяния, предусмотренные статьями 194 и 198 настоящего Кодекса”. Одновременно он предлагает исключить из ч. 2 ст. 198 УК признак предшествующей судимости, заменив его признаком неоднократности²².

Несколько иное по форме, но сходное по содержанию предложение выдвигается В.Г. Истоминым. Он также предлагает вместо признака предшествующей судимости указать в ч. 2 ст. 194, 198, 199 УК такой квалифицирующий признак, как неоднократность, изложив его содержание в Примечании к ст. 194 УК следующим образом: “Неоднократным в статьях 194, 198, 199 настоящего Кодекса признаётся совершение преступления, если ему предшествовало совершение одного или более преступлений, предусмотренных этими статьями, независимо от того, было ли лицо осуждено за указанные преступления”²³.

Следует отметить, что некоторые исследователи поддерживают упомянутую выше позицию законодателя по совмещению соподчинённых квалифицирующих признаков в рамках одного состава. Так, К.В. Мамилов предлагает предусмотреть в качестве квалифицирующего обстоятельства налоговых преступлений *“уклонение, совершенное неоднократно либо лицами, ранее судимыми за аналогичные преступления”*²⁴.

Учитывая то, что в проекте федерального закона “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Феде-

²² См.: Иванчин А.В. Вопросы конструирования составов налоговых преступлений. С. 103.

²³ См.: Истомин В.Г. Указ. соч. С. 24, 25.

²⁴ См.: Мамилов К.В. Уголовно-правовое основание уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2001. С. 17.

рации” № 304898-3 предлагается вообще исключить из всех статей Особенной части квалифицирующие признаки, касающиеся неоднократности и рецидива преступлений, проблемы законодательной регламентации этих дифференцирующих обстоятельств могут переместиться в исключительно теоретическую плоскость.

Как уже было отмечено, идея о применении единых унифицированных блоков признаков при конструировании квалифицированных составов в однородных преступлениях не носит универсального характера. Можно ли отнести сказанное к законодательной регламентации отдельных квалифицирующих обстоятельств в составах рассматриваемых преступлений? Разумеется, да. Ибо в определённых случаях унифицированное (“блоковое”) использование квалифицирующих признаков может вступать в противоречие с правилами конструирования квалифицированных составов, относящимися к их содержанию²⁵.

Так, *первое* из этих правил – реальная или гипотетическая *относительная распространённость (типичность)* на практике более опасного варианта преступного поведения. С учётом данного правила в некоторых источниках указывается, что применительно к ст. 198 УК, например, нецелесообразно использование квалифицирующих обстоятельств, характеризующих совершение группового преступления, поскольку действующее уголовное и налоговое законодательство позволяет представить уклонение от уплаты налогов физическим лицом, совершённое групповым способом, в исключительных, единичных случаях²⁶. В такой ситуации не имеет смысла закреплять в законе в качестве признака состава преступления единичные обстоятельства даже в том случае, если они существенным образом влияют на степень общественной опасности содеянного²⁷. Иные авторы, напротив, высказыва-

²⁵ См. подробнее: Кругликов Л.Л., Дулатбеков Н.О. Экономические преступления (вопросы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания). Ярославль, 2001. С. 45-49.

²⁶ См.: Кругликов Л.Л., Дулатбеков Н.О. Указ. соч. С. 46.

²⁷ См.: Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. С. 88; Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1976. С. 88.

ют мнение о целесообразности указания в ч. 2 ст. 198 УК квалифицирующих признаков – “группой лиц по предварительному сговору” и “организованной группой”²⁸. В опровержение таких аргументов в литературе указывается, что криминологическая характеристика деяний по имеющемуся массиву дел о налоговых преступлениях не даёт оснований говорить о *типичности* предлагаемых для усиления наказуемости обстоятельств (группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой)²⁹.

Представляется, что дело здесь не только в криминологической характеристике – она вещь непостоянная. Налоговая преступность для российской криминальной действительности – явление относительно молодое, с большим “будущим”: какие новые формы преступного поведения она ещё произведёт, остаётся только догадываться. Основная проблема, на наш взгляд, лежит в русле доктринальной дискуссии по одному из вопросов, связанных с определением группового преступления. А именно: возникает ли группа лиц по предварительному сговору только при соисполнении, либо она возможна и при соучастии в узком смысле слова, с распределением ролей (сложном соучастии).

Не вдаваясь глубоко в дискуссию по этому вопросу, отметим, что в первом случае (при соисполнительстве) группа лиц по предварительному сговору при уклонении физического лица от уплаты налогов невозможна по определению. Обязанность налогоплательщика – физического лица уплачивать необходимые налоги является исключительно персонифицированной обязанностью. Налоговое законодательство достаточно подробно регламентирует персонификацию этой обязанности, да и в целом весь процесс исчисления и уплаты налогов физическими лицами. “Включить” в этот процесс какого-либо соисполнителя не представляется возможным даже гипотетически. Все иные лица, каким-либо образом участвующие в подобном преступном деянии, могут рассматриваться только как соучастники – пособники, под-

²⁸ См., например: Иванчин А.В. Вопросы конструирования составов налоговых преступлений. С. 103-104.

²⁹ См.: Кругликов Л.Л., Дулатбеков Н.О. Указ. соч. С. 46.

стрекатели и даже организаторы. Следственная и арбитражная практика при исчислении налогов придерживается обязательного персонального и точного разделения доходов, полученных группой лиц в результате той или иной деятельности.

Так, Высший Арбитражный Суд РФ удовлетворил иск банка “Развитие” о признании недействительным решения налоговой инспекции, указав при этом в п. 8 информационного письма от 21 июня 1999 года № 42 на то, что вмененный налоговым органом физическому лицу доход в виде материального блага подлежит включению в совокупный доход этого лица в случае, если размер дохода мог быть определен применительно к данному физическому лицу³⁰.

Из материалов дела следовало, что налоговая инспекция включила в совокупный годовой доход работников банка сумму денежных средств, выделенных руководством банка на проведение коллективного новогоднего мероприятия, и применила к банку ответственность за неудержание подоходного налога с дохода, полученного физическими лицами в натуральной форме.

При этом налоговая инспекция рассчитала сумму доначисленного налога обезличенно из всей суммы затрат на это разовое мероприятие. Доказательств, позволяющих определить размер материального блага, полученного каждым конкретным физическим лицом, и подтверждающих использование этих благ всеми сотрудниками банка, налоговым органом суду не представлено.

В данном случае отсутствовало персонифицированное определение размера дохода в натуральной форме, полученного каждым физическим лицом, принявшим участие в новогоднем вечере и получившим доход в натуральной форме в виде материального блага³¹.

Другой пример. В ходе расследования уголовного дела по факту уклонения от уплаты налогов индивидуальными предпринимателями М. и С. было установлено, что они, прикрываясь ре-

³⁰ См.: Налоговые споры: Сб. нормативных документов / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 1999. С. 31.

³¹ См.: Налоговые споры: Сб. нормативных документов. С. 31.

квизитами фиктивного юридического лица, в 1999 году участвовали в проведении взаимозачётов между предприятиями Тверской, Волгоградской и Челябинской областей. В результате ими были сокрыты от налогообложения доходы в размере 950 тыс. рублей. При этом для исчисления суммы неуплаченных налогов полученный доход был арифметически поровну разделён между М. и С., без подтверждения в материалах дела получения такого дохода каждым лицом. Возвращая данное уголовное дело на дополнительное расследование, суд первой инстанции справедливо указал на то, что при включении какого-либо дохода в совокупный годовой доход физического лица, размер включаемого дохода должен быть персонифицирован и начислен применительно к каждому конкретному лицу³².

Второй, “широкий” подход (сторонниками которого мы являемся) к определению группового посягательства позволяет допустить совершение преступления, предусмотренного ст. 198 УК, группой лиц по предварительному сговору. Но и в этом случае доходы, полученные группой лиц и подлежащие налогообложению, необходимо распределить на каждого участника этой группы. С учётом того, что напряжённость криминогенной обстановки в налоговой сфере медленно, но верно смещается в сторону противоправной деятельности именно физических лиц, нельзя исключать в недалёком будущем необходимости в подобной регламентации второй части указанной статьи.

Что касается включения в ч. 2 ст. 194, 198, 199 УК квалифицирующего признака “организованной группой”, следует отметить следующее. В соответствии с ч. 3 ст. 35 УК “преступление признаётся совершённым организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений”. От предварительно сговорившейся группы она отличается присущим ей оценочным признаком устойчивости.

³² См.: Информационный бюллетень следственной службы УФСНП РФ по Челябинской области. 2000. № 1 (5). С. 35.

Несомненно, что наиболее сложные, изощрённые и весомые по размерам формы уклонения от уплаты налогов и таможенных платежей осуществляются при наличии признаков организованной группы. В таких схемах, как правило, “завязаны” крупные предприятия, банки, зарубежные и отечественные офшорные фирмы, государственные организации (различные министерства и ведомства, правоохранительные и контрольные органы, администрации и т.п.). Такие сочетания отличаются высокой степенью сплочённости и устойчивости, обязательным наличием одного или нескольких организаторов, и даже “политическим и правовым” прикрытием со стороны высших должностных лиц федерального и регионального уровня. Несомненно, что материальный ущерб, причиняемый преступной деятельностью таких группировок, в большинстве случаев несопоставимо выше ущерба, который несёт финансовая система государства в результате уклонения от уплаты налоговых или таможенных платежей со стороны “слабо организованных” преступных групп или преступников-одиночек. Однако если и говорить о закреплении такого квалифицирующего обстоятельства, как “организованная группа”, в исследуемых статьях, то только в рамках особо квалифицированных составов, не совмещая этот признак с признаком группы лиц по предварительному сговору.

Второе правило говорит о том, что квалифицированный вид поведения *не должен быть нормой* для большинства деяний, зафиксированных в основном составе. На наш взгляд, фактическая или вероятностная распространённость квалифицированных деяний по отношению к “основным” не должна превышать порога в 60%. Добавим только, что указанное правило эффективно при конструировании квалифицированных составов преступлений, имеющих достаточную распространённость. При технической регламентации редких, “штучных” преступлений (например: ст. 356 УК “Применение запрещённых средств и методов ведения войны”) оно может и не применяться. В связи с этим в юридической литературе отмечается неоправданность законодательного решения о расширении круга квалифицирующих обстоятельств в составе уклонения от уплаты налогов с организации (ч. 2 ст. 199

УК) признаком “группой лиц по предварительному сговору”. Так, по мнению К.В. Парфенова, данное обстоятельство сопровождает (может сопровождать) абсолютное большинство деяний, за которые наступает ответственность по ст. 199 УК, ибо в соответствии с обычным порядком представляемая в налоговые органы документация составляется и подписывается двумя лицами – руководителем организации и главным (старшим) бухгалтером. Если же при этом преследуют цель уклонения от уплаты налогов, то в большинстве случаев это делается по договорённости и взаимной осведомлённости указанных лиц³³.

На наш взгляд, данный вывод является небесспорным по следующим основаниям. В случае, если какое-то квалифицирующее обстоятельство сопровождает большинство преступлений, то это естественно сводит к минимуму применение основного состава. Такая ситуация характерна, например, для преступлений против собственности. Так, по данным Г.Н. Борзенкова, в период действия УК РСФСР 70 – 80% преступлений против личной собственности совершались при квалифицирующих обстоятельствах³⁴. Современные криминологические исследования показывают, что с проникновением в хранилище совершается подавляющее большинство (до 90 %) краж государственной, общественной и иной (не личной) собственности³⁵. Отсюда следует, что вопрос об исключении проникновения в хранилище из числа квалифицирующих признаков кражи (п. “в” ч. 2 ст. 158 УК) справедливо поднимался и поднимается в уголовно-правовой литературе³⁶. По этой же причине УК Республики Беларусь не предусматривает в каче-

³³ См.: Парфенов К.В. Налоговые преступления в сфере торговли: проблемы квалификации // Налоговый вестник. 1998. № 6. С. 67.

³⁴ См.: Борзенков Г.Н. Уголовно-правовые проблемы охраны имущества граждан от корыстных посягательств: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. С. 41.

³⁵ См.: Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 264.

³⁶ См., например: Устинов В.С., Арефьев А.Ю. Об имущественных преступлениях // Вопросы уголовной ответственности и её дифференциации (в проекте Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации). Ярославль, 1994. С. 88; Лесниевски-Костарева Т.А. Указ. соч. С. 264.

стве квалифицирующего признака разбоя – совершение этого деяния с применением оружия либо предметов, используемых в качестве оружия. В нашей же ситуации правоприменительная практика свидетельствует об обратном – уклонение от уплаты налогов с организаций, совершённое группой лиц по предварительному сговору, занимает довольно скромное место в уголовной статистике по налоговым преступлениям.

Обобщение практики позволяет сделать вывод: классическая схема, в которой руководитель и бухгалтер, в целях уклонения от уплаты налогов, по предварительному сговору направляют в налоговые органы искажённую отчётность, не сопутствует основной массе преступлений, предусмотренных ст. 199 УК. Так, по данным В.Д. Ларичева и А.П. Бембетова групповые налоговые преступления составляют менее 10% от общего количества. В случае же уклонения от уплаты налогов с организации – только 11,8% преступлений совершаются руководителями совместно с бухгалтерским работником³⁷. И.И. Кучеров пишет, что в 82% изученных им уголовных дел субъектами уклонения от уплаты налогов с организации являются руководители, которые зачастую являются владельцами предприятий и обычно не ставят в известность бухгалтера о совершаемых ими финансово-хозяйственных операциях³⁸. Схожую статистику приводит В.А. Егоров. По его данным, в 80% случаев виновными в совершении налоговых преступлений признавались исключительно руководители организаций либо лица их замещающие³⁹. Анализ уголовных дел, возбужденных по признакам уклонения от уплаты налогов с организаций в 2000 – 2001 годах по г. Москве, показывает, что в 76% случаев к ответственности привлекался руководитель организации, в

³⁷ См.: Ларичев В.Д., Бембетов А.П. Налоговые преступления. М., 2001. С. 48.

³⁸ См.: Кучеров И.И. Налоги и криминал. С. 50.

³⁹ См.: Егоров В.А. Налоговые преступления и их предупреждение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 1999. С. 17.

16% – бухгалтер (которым в 95% случаев являлась женщина) и в 8% – руководитель и бухгалтер⁴⁰.

Действительно, в большинстве случаев бухгалтеры не знают либо догадываются в самых общих чертах о противоправной деятельности своих руководителей. Искажение объектов налогообложения, занижение налогооблагаемой базы чаще производится непосредственными исполнителями в первичных документах, хозяйственных договорах и т.д., которые доходят до бухгалтера в “отмытом” виде. Задача бухгалтера – вести учёт на основании таких “отмытых” документов, характер же и объём “теневых” операций ему, как правило, неизвестны, либо он посвящается в налоговые махинации выборочно, частично, и только по усмотрению руководителя. Надо помнить, что в большинстве случаев бухгалтер является всего лишь наёмным работником, распоряжение же сокрытыми от налогообложения средствами, их присвоение или иное использование – целиком прерогатива руководителя или собственника предприятия.

Иные авторы, напротив, предлагают существенно расширить количество обстоятельств, закреплённых в исследуемых составах, в качестве квалифицирующих. Так, К.В. Мамилов указывает на необходимость внесения в квалифицированный состав уклонения от уплаты налогов (дополнительно к обстоятельствам, характеризующим групповое преступление, неоднократность и рецидив) следующих признаков:

а) уклонение, сопряжённое с сокрытием, уничтожением, фальсификацией документов, отражающих деятельность налогоплательщика;

б) уклонение, совершённое с использованием подложных документов;

в) уклонение с заведомо неправильным определением налоговой базы, в т.ч. сокрытие имущества или имущественных обязательств, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе;

⁴⁰ См.: Итоги работы ФСНП РФ по г. Москве // <http://press-center.izvestia.ru/index.html?date=2001-02-09>.

г) уклонение с внесением в документы, необходимые для исчисления и уплаты налогов, заведомо недостоверной информации⁴¹.

В этом случае остаётся только спросить – а что же остаётся на долю основных составов налоговых преступлений?

В литературе встречаются предложения и о законодательной “реконструкции” квалифицированного состава уклонения от уплаты таможенных платежей. Так, Н.С. Гильмутдинова⁴² предлагает дополнить ч. 2 ст. 194 УК следующими квалифицирующими признаками: “д” – должностным лицом или лицом, исполняющим управленческие функции, с использованием своего служебного положения, и “е” – организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией). Думаем, что первое из предлагаемых дифференцирующих обстоятельств, во-первых, противоречит упомянутому выше второму правилу построения квалифицированных составов (квалифицированный вид поведения *не должен быть нормой* для большинства деяний, зафиксированных в основном составе). Во-вторых, ставит в привилегированное положение физических лиц, уклоняющихся от уплаты таможенных платежей. Мы уже писали о недопустимости дифференцированного подхода к экономической деятельности различных хозяйствующих субъектов. По поводу второго предлагаемого Н.С. Гильмутдиновой квалифицирующего обстоятельства ранее в настоящем параграфе мы высказали свою позицию.

Изложенное выше показывает, что для обеспечения относительной стабильности уголовного закона в сфере регламентации квалифицирующих обстоятельств законодателю необходимо более взвешенно и продуманно совершенствовать редакции квалифицирующих признаков, прорабатывать необходимость введения или исключения определённых обстоятельств в закон.

⁴¹ См.: Мамилов К.В. Указ. соч. С. 16-17.

⁴² См.: Гильмутдинова Н.С. Указ. соч. С. 169-170.

§ 2. Криминологическая обоснованность и техника конструирования примечаний в нормах главы 22 УК РФ

В юридической литературе неоднократно отмечалось, что внимание учёных-юристов к проблемам юридической техники распределялось и до сих пор распределяется далеко не равномерно. Некоторые приемы юридической техники детально исследуются многими правоведами на различных этапах развития правотворчества. Но есть приемы юридической техники, которым явно “не повезло” и они оказались вне специального научного анализа. К их числу, как отмечают В.М. Баранов и Д.С. Кондаков, относятся примечания⁴³, содержащиеся в действующем российском праве. Проблематика примечаний, указывают эти авторы, вряд ли может стать центральной в теории и практике юридической техники, но и оставаться второстепенной она не должна⁴⁴. В юридической литературе подчёркивается, что правовая природа примечаний практически не изучена, и до сих пор они не выступали объектом какого-либо серьёзного анализа. Учёные-правоведы обращались к изучению этого приёма юридической техники нечасто и фрагментарно, когда научному исследованию подвергались лишь отдельные законодательные примечания⁴⁵.

⁴³ В доктрине уголовного права иногда критикуется позиция определения примечания как приёма юридической техники. Так, А.В. Иванчин отмечает, что примечания не являются приёмом законодательной техники, поскольку они лишь итог его применения (см.: Иванчин А.В. Использование уголовно-правовых конструкций и приёма примечания при регламентации экономических преступлений С. 93.).

⁴⁴ См.: Баранов В.М., Кондаков Д.С. Примечания в российском праве: природа, виды, проблемы реализации. К вопросу о понятии “примечание в праве” // Проблемы юридической техники. С. 340 и далее.

⁴⁵ См.: Бокова И.Н., Изосимов С.В., Кондаков Д.С., Кузнецов А.П. Примечания в уголовном законодательстве России: эволюция правовой природы, модификация функций, техника эффективного использования // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. Н. Новгород, 2001. Т. 2. С. 376-377.

В общей теории права, вероятно, одними из первых предприняли попытку серьёзного осмысления примечания как цельного правового явления, уже названные, В.М. Баранов и Д.С. Кондаков в упомянутой работе. В ней авторы предложили всеобъемлющее определение примечания. По их мнению, *примечание в общей теории права – это “относительно самостоятельный объективно существующий и реально функционирующий прием юридической техники, представляющий собой государственно-властное нормативное нетипичное установление должного, запрещаемого, возможного, поощряемого либо рекомендуемого варианта юридически значимой деятельности, предназначенное для специального содержательного текстового либо символического подчеркивания, обособления этой деятельности, носящее “сопроводительный” характер, выступающее формой конкретизации, дополнения, изменения объема правовой регуляции, имеющее особые обозначения, расположенное вне юридической нормы (нормативного акта), обладающее определенной юридической силой и влекущее юридические последствия”*⁴⁶.

Несомненно, что приведённое определение страдает некоторой громоздкостью и сложностью для восприятия. Однако, во-первых, в него вошли все общие сущностные признаки примечания, вне зависимости от отрасли права, в которой это примечание применяется. Во-вторых, в юридической литературе не встречается более приемлемого определения.

Продолжено научное исследование феномена примечания в фундаментальной работе “Примечания в уголовном законодательстве России: эволюция правовой природы, модификация функций, техника эффективного использования”. В ней авторы попытались решить следующие задачи: раскрыть уголовно-правовое содержание и сущность примечания, дать его определение, провести классификацию и систематизацию использования примечаний в отечественном уголовном законодательстве, показать значение примечаний в процессе практической реализации уголовного законодательства.

⁴⁶ Баранов В.М., Кондаков Д.С. Указ. соч. С. 346.

В отечественной юридической литературе в разное время отмечалось в определённой мере и отрицательное отношение к примечаниям. В советский период критические замечания по поводу использования примечаний в уголовном законе высказывали И. Перетерский, В.М. Чхиквадзе, Д.А. Керимов⁴⁷. В настоящее время некоторые исследователи (Н.И. Коржанский, Е.В. Ильюк, М.С. Поройко) предлагают вообще отказаться от них⁴⁸. Подобная категоричность вряд ли будет поддержана большинством учёных-правоведов. Представляется, что вопрос о применении примечаний в уголовном законе лежит в другой плоскости: необходимо добиваться обоснованности, достаточности, экономичности и научности положений, законодательно закрепляемых в примечании.

В этом смысле следует согласиться с В.М. Барановым и Д.С. Кондаковым, которые отмечают позитивную роль примечаний в праве и указывают на то, что примечание – самостоятельный приём юридической техники, имеющий своеобразную функциональную нагрузку и занимающий определённое место в системе категорий общей теории права⁴⁹. В настоящее время можно с уверенностью констатировать, что примечания являются одним из самых распространённых технико-юридических приёмов в российском уголовном праве. Использование их в уголовном за-

⁴⁷ См. подробнее: Перетерский И. «Примечания» в законе (один из вопросов законодательной техники) // Советское право. 1928. № 2 (32). С. 69; Чхиквадзе В.М., Керимов Д.А. Роль советской правовой науки в совершенствовании законодательства // Вопросы кодификации. М., 1957. С. 26.

⁴⁸ См.: Коржанский Н.И. Очерки теории уголовного права. Волгоград, 1995. С. 35; Ильюк Е.В. К вопросу о приёме законодательной техники в уголовном законодательстве // Вопросы совершенствования уголовно-правового регулирования. Свердловск, 1988. С.32-33; Поройко М.С. Обязывающие и управомочивающие нормы в уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2000. С.18.

⁴⁹ См.: Баранов В.М., Кондаков Д.С. Указ. соч. С. 340-341.

коне является многолетней, устойчивой и сложившейся традицией в отечественном правотворчестве⁵⁰.

В ряде случаев приём примечания в уголовном законе не только эффективен, но и выступает оптимальным, а порой и единственным, вариантом технико-юридического решения проблемы. Например, специальные виды освобождения от уголовной ответственности целесообразно закреплять именно в примечаниях к статьям Особенной части. В этом случае освобождение от ответственности выступает изъятием из основных положений статьи. Вместе с тем прописано это изъятие должно быть именно в данной статье, поскольку касается исключительно деяний, в ней закреплённых. Но сделать это, не нарушив правил законодательной техники и законотворческих традиций, не представляется возможным, а посему, как отмечает А.В. Иванчин, лучшим вариантом решения проблемы является закрепление такого изъятия в примечании⁵¹.

Все примечания к статьям Особенной части по своему содержанию делятся на несколько видов: 1) примечания-дефиниции, в которых закреплены и “расшифрованы” те или иные понятия, используемые уголовным законом (примечания к ст. 139 и 264 УК, примечание 1 к ст. 158 УК и т.д.); 2) примечания, дополнительно регламентирующие и определяющие отдельные квалифицирующие признаки – неоднократность, рецидив и др. (примечания 5, 6 к ст. 158 УК, примечание к ст. 221 УК)⁵²; 3) стимулирующие (поощряющие) примечания, предусматривающие “специальные случаи” освобождения от уголовной ответст-

⁵⁰ См.: Бокова И.Н., Изосимов С.В., Кондаков Д.С., Кузнецов А.П. Указ. соч. С. 405.

⁵¹ См.: Иванчин А.В. Использование уголовно-правовых конструкций и приёма примечания при регламентации экономических преступлений. С. 94.

⁵² Характерно, что в статьях 194, 198 199 УК такой приём применён законодателем не в примечании, а при описании квалифицированного состава преступления (п. “б” ч. 2 ст. 194 и 199 УК и ч. 2 ст. 198 УК).

венности (примечания к ст. 126, 194, 199 и др.)⁵³; 4) примечания, регламентирующие исключения из оснований уголовной ответственности: относящиеся к различным лицам (примечание к ст. 316 УК), связанные с принципом диспозитивности и публичности уголовного преследования (примечание 2 и 3 к ст. 201 УК) и т.д.; 5) примечания, в которых установлены стоимостные критерии преступности деяний, выраженные в определённом количестве МРОТ (примечания к ст. 177, 188, 191 и др.).

Нормы уголовного закона, предусматривающие ответственность за уклонение от уплаты налогов и таможенных платежей, содержат два вида из перечисленной группы примечаний: а) стимулирующее – в котором указано, что лицо, впервые совершившее преступления, предусмотренные настоящей статьёй, а также статьями 194 и 199 настоящего Кодекса, освобождается от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию преступления и полностью возместило причинённый ущерб (примечание 2 к ст. 198 УК); б) в которых определяются стоимостные критерии преступности указанных деяний, выраженные в определённом количестве МРОТ (примечания к ст. 194, 198 и 199 УК).

Наибольшую дискуссию в теории и на практике вызывают технико-юридические и криминологические аспекты регламентации специального освобождения от уголовной ответственности в примечании 2 к ст. 198 УК (см. подробнее ниже).

Следует отметить, что в юридической литературе различают общие и специальные виды освобождения от уголовной ответственности. Несомненно, что и те, и другие имеют свои специфические особенности и характеристики. Однако можно выделить и некоторые их сходные черты.

⁵³ Иногда в юридической литературе (см.: Бокова И.Н., Изосимов С.В., Кондаков Д.С., Кузнецов А.П. Указ. соч. С. 436) такие примечания называют *привилегированными*, что, на наш взгляд, не совсем верно. Так, к привилегированным примечаниям можно отнести и примечания к ст. 316, 322 УК, хотя правовая природа последних отличается от правовой природы стимулирующих примечаний.

1. Имеется их общая социально-правовая обусловленность. Уголовная ответственность и наказание – не лучшие средства разрешения социальных проблем, поэтому государство исходит из объективно существующей тенденции экономии уголовной репрессии. Введение разнообразных оснований освобождения от уголовной ответственности является проявлением указанной тенденции, а в более широком контексте – это свидетельство реализации принципа гуманизма в уголовной политике, законотворчестве и правоприменении.

2. Освобождение от уголовной ответственности может применяться лишь тогда, когда лицом совершено преступление. Это обстоятельство прямо зафиксировано в основаниях применения различных видов освобождения от уголовной ответственности.

В уголовном законодательстве России предусмотрены следующие общие виды освобождения от уголовной ответственности: в связи с деятельным раскаянием (ст. 75), с примирением с потерпевшим (ст. 76), с изменением обстановки (ст. 77), с истечением сроков давности (ст. 78), с амнистией (ст. 84), в отношении несовершеннолетнего (ст. 90). Каждая из разновидностей перечисленных видов освобождения от уголовной ответственности предусматривает точно установленные объективные условия, а именно совершение лицом *любого* преступления *определённой* категории: *небольшой тяжести* (ч. 1 ст. 75), *небольшой или средней тяжести* (ст. 77), *тяжкого преступления* (п. “в” ч. 1 ст. 78) и т.д. При этом одни нормы уголовного закона, предусматривающие общие виды освобождения от уголовной ответственности, имеют *диспозитивный* характер (например, ст. 75), а другие – *императивный* (например, ч. 1 ст. 78).

Специальные виды освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные статьями Особенной части УК, носят, за редким исключением (примечания к ст. 337, 338 УК), *императивный* характер и могут применяться при совершении преступления *любой* категории, основания их применения предусмотрены законодателем к каждому *конкретному* преступлению. Данный вид освобождения от уголовной ответственности, как уже отмечено ранее, имеет большое предупредительное значение, по-

сколькo стимулирует отказ от дальнейшей преступной деятельности. Следует заметить, что указанные примечания к статьям Особенной части УК в юридической литературе определяются и как специальные *основания* освобождения от уголовной ответственности⁵⁴, и как специальные *виды* освобождения от уголовной ответственности⁵⁵.

При анализе специального освобождения от уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов и таможенных платежей, на наш взгляд, необходимо рассмотреть два вопроса. Во-первых, насколько оптимально сконструировано примечание 2 к ст. 198 УК с юридико-технической точки зрения, а во-вторых, насколько криминологически обоснована законодательная регламентация указанного примечания.

Как уже было отмечено, примечание 2 к ст. 198 УК предусматривает, что лицо, впервые совершившее преступления, предусмотренные настоящей статьёй, а также статьями 194 и 199 УК, освобождается от уголовной ответственности, если оно способствовало раскрытию преступления и полностью возместило причинённый ущерб. Следовательно, для освобождения лица от уголовной ответственности на основании данного примечания необходимо совокупное наличие трёх условий: 1) совершение впервые преступлений, предусмотренных ст. 194, 198, 199 УК; 2) способствование раскрытию преступления; 3) полное возмещение причинённого ущерба.

Впервые совершившим указанные преступления признаётся лицо, которое вообще не совершало преступлений, предусмотренных ст. 194, 198, 199 УК, а равно преступлений, фактические признаки которых соответствуют признакам, описанным в диспозициях этих статей, но которые были предусмотрены ст. 162¹, 162², 162⁶ УК РСФСР. К этой категории приравнивается (юриди-

⁵⁴ См., например: Головки Л. Классификация оснований освобождения от уголовной ответственности // Законность. 1998. № 11. С. 38.

⁵⁵ См., например: Молодцов А.С. Преступления небольшой тяжести и вопросы освобождения от уголовной ответственности // Юридические записки Яросл. гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Вып. 1. Ярославль, 1997.

ческая фикция) лицо, которое: 1) совершило ранее какое-либо из этих преступлений, но не было за них осуждено и истёк срок давности привлечения к уголовной ответственности; либо 2) хотя и было осуждено за какое-либо из этих преступлений, но судимость снята или погашена в установленном законом порядке; либо 3) ранее освобождалось от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

Способствование раскрытию преступления в теории уголовного права определяется по-разному. Одни исследователи считают, что указанное поведение означает оказание помощи правоохранительным органам в выявлении орудий, следов и предметов преступления, в проведении следственных действий, установлении всех фактических обстоятельств дела, обнаружении, задержании и изобличении соучастников преступления, выяснении его причин и условий⁵⁶.

Другие учёные-юристы считают, что способствование раскрытию преступления предусматривает следующие позитивные формы поведения лица: добровольное или вынужденное, явное или скрытое, инициативное или по заданию правоохранительных органов противодействие совершению преступления; изъятие или уничтожение средств совершения преступления; введение в заблуждение членов преступной организации; предотвращение дальнейшего ущерба⁵⁷. По мнению Л.Д. Гаухмана, способствование раскрытию налогового преступления может выражаться в явке с повинной, изобличении других соучастников преступления, предоставлении документальных и иных доказательств совершённого деяния⁵⁸.

Иногда в литературе способствование раскрытию преступления раскрывается с помощью такой обобщающей формулировки,

⁵⁶ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.И. Радченко. С. 120; Щерба С.П., Савкин А.В. Деятельное раскаяние в совершённом преступлении. М., 1997. С. 19.

⁵⁷ См.: Михайлов В. Признаки деятельного раскаяния // Российская юстиция. 1998. № 4. С. 6.

⁵⁸ См.: Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная. / Под ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина, С.В. Максимова. С. 439.

как оказание любой существенной помощи в раскрытии преступления⁵⁹.

Р.А. Сабитов и В.Г. Пищулин, на наш взгляд, абсолютно справедливо указывают, что для уяснения словосочетания “способствование раскрытию преступления” необходимо определить сущность понятия “раскрытие преступления”. Раскрыть преступление – значит установить все фактические данные, составляющие предмет доказывания по уголовному делу⁶⁰.

Исходя из этого, способствование раскрытию преступления можно определить как содействие работникам правоохранительных органов в установлении фактических данных, которые входят в предмет доказывания по уголовному делу. Содействие может выражаться в даче правдивых показаний об обстоятельствах содеянного, изобличении соучастников преступления, выдаче орудий и средств совершения преступления, а также предмета преступного посягательства и т.д.⁶¹ В этом случае, как отмечает Ф.Р. Сундуров, “недостаточно лишь раскаяния, а необходимы активные действия по оказанию существенной помощи по раскрытию преступления, в частности, признание своей вины в совершении преступления, исчерпывающие показания на допросах, очных ставках, в ходе проведения следственных экспериментов, личное добровольное участие в мероприятиях органов следствия по установлению мест нахождения лиц, причастных к совершению преступления, имущества и других ценностей”⁶².

Возмещение ущерба, причинённого преступлением, состоит в компенсации физическим лицам, организациям, предприятиям и т.п. причинённого преступлением ущерба, восстановлении или замене повреждённого имущества и в других подобных действи-

⁵⁹ См.: Ковалевская Д.Е. Налоговые преступления в уголовном праве Российской Федерации // Налоговый вестник. 2000. № 9. С. 191.

⁶⁰ См.: Сабитов Р.А., Пищулин В.Г. Указ. соч. С. 87.

⁶¹ См.: Сабитов Р.А. Квалификация поведения лица после совершения им преступления. Омск, 1986. С. 22.

⁶² Сундуров Ф.Р. Освобождение от уголовной ответственности и наказания // Уголовное право России. Часть Общая / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. С. 465.

ях. Применительно к налоговым преступлениям это возмещение подразумевает уплату всей суммы задолженности (недоимки и пени) перед бюджетом. Такой вывод следует из положений ст. 75, 108, 114 НК РФ. Так, согласно ч. 5 ст. 108 НК привлечение налогоплательщика к ответственности за совершение налогового правонарушения не освобождает его от обязанности уплатить причитающиеся суммы налога и пени. Статья 75 НК говорит о том, что сумма пеней уплачивается помимо причитающихся к уплате сумм налога и независимо от применения других мер обеспечения исполнения обязанности по уплате налога, а также мер ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах.

К сказанному добавим, что Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 8 от 4 июля 1997 года обратил внимание судов на то, что по делам о налоговых преступлениях, наряду с материальным ущербом в размере неуплаченного налога, может быть предъявлен гражданский иск о взыскании с виновного штрафа и пени в размерах, указанных в ст. 13 Закона РФ “Об основах налоговой системы в Российской Федерации”. Однако с 1 января 1999 года ст. 13 упомянутого Закона утратила свою силу. Поэтому в случае привлечения лица к уголовной ответственности налоговые санкции в виде штрафа к нему не применяются, поскольку согласно ч. 3 ст. 108 НК налоговая ответственность за деяние, совершённое физическим лицом, наступает, если это деяние не содержит признаков состава налогового преступления. Иными словами, если совершённое лицом деяние подпадает под признаки налогового правонарушения и преступления, то приоритет отдаётся уголовно-правовой квалификации⁶³.

Достаточно актуальным является вопрос о *субъекте* возмещения причинённого ущерба. Исходя из буквального толкования примечания 2 к ст. 198 УК, такой ущерб обязано возместить лицо, виновное в совершении преступления, предусмотренного ст. 194, 198 или 199 УК. При уклонении от уплаты налогов или таможенных платежей физическими лицами сложностей не возникает. Другое дело, если уклонение от уплаты налогов или та-

⁶³ См.: Сабитов Р.А., Пищулин В.Г. Указ. соч. С. 88.

моженных платежей совершено руководителями и (или) главными бухгалтерами организаций.

По уголовным делам о преступлении, предусмотренном ст. 199 УК, расследуемым органами налоговой полиции, распространена практика освобождения от уголовной ответственности виновных руководителей и иных работников организации в тех случаях, когда ущерб возмещается не из их личных средств, а из средств организации-налогоплательщика. В связи с этим в литературе отмечается, что в данном случае имеет место подмена понятия “полное возмещение ущерба лицом, совершившим преступление” в уголовном правоотношении понятием исполнения организацией своих обязанностей налогоплательщика, поскольку после того, как контролирующими или правоохранительными органами выявлена неуплата налогов, недоимка и пени подлежат взысканию с организации в установленном порядке, независимо от волеизъявления её руководителя⁶⁴. По этой причине практика прекращения уголовных дел в случае возмещения ущерба организацией-налогоплательщиком не соответствует буквальному содержанию примечания 2 к ст. 198 УК РФ, поскольку лицо, совершившее преступление, и лично не возмещает причинённый его действиями ущерб, и уходит от уголовной ответственности⁶⁵. Средства, сокрытые от налогообложения через различные подставные фирмы, зачастую уходят в “теневой” оборот и затем присваиваются конкретными лицами. Возмещение же ущерба производится за счёт предприятия, что, как отмечает Я.И. Акимов, “противоречит и здравому смыслу, и пониманию справедливости, не говоря о нормах права”⁶⁶.

Представляется, что в данной ситуации не возникает правового противоречия: во-первых, возмещение ущерба, причинённого преступлением, может производиться не только виновным

⁶⁴ См.: Сафин Э. Проблемы примечания к статье 198 УК РФ // Уголовное право. 2000. № 4. С. 28.

⁶⁵ См.: Там же.

⁶⁶ Акимов Я.И. Цели и функции норм о налоговых преступлениях // Налоговые и иные экономические преступления. Вып. 1. С. 90.

субъектом, но и иными лицами (в т.ч. и юридическими); во-вторых, полное исполнение организацией своих налоговых обязательств и есть возмещение ущерба, причинённого неуплатой налога. Ф.Р. Сундуrow, анализируя такую форму деятельного раскаяния, как возмещение ущерба, причинённого преступлением, обоснованно указывает на то, что не имеет никакого значения, своими силами виновный устраняет причинённый ущерб либо прибегает к помощи других лиц⁶⁷. Действительно, лицо, привлечённое к уголовной ответственности по ст. 198 УК, может возместить причинённый ущерб из любых законных средств (личных, заёмных, кредитных и т.д.). Почему это возбраняется сделать руководителю организации? Вопрос о субъекте возмещения ущерба скорее лежит в плоскости гражданских, налоговых и иных гражданских правоотношений, нежели уголовно-правовых.

На наш взгляд, в этой ситуации определяющим будет то, чтобы при погашении налоговой недоимки руководитель предприятия не совершал иного правонарушения или преступления. Оценивая правовое положение такого руководителя, мы можем выделить несколько вариантов:

1) руководитель организации является её собственником, возможно владельцем контрольного пакета акций, он обладает законными полномочиями по распоряжению финансовыми средствами организации;

2) руководитель организации является наёмным работником со стороны учредителей, акционеров либо руководит государственным или муниципальным унитарным предприятием;

3) лицо руководит государственным учреждением.

В первом случае любые средства из прибыли предприятия могут быть направлены в бюджеты различных уровней на возмещение ущерба. Во втором случае руководитель может осуществлять погашение налоговой недоимки только по согласию собственника или акционеров, в противном случае он может быть привлечён к уголовной ответственности по ст. 201 УК. Если же руководитель, виновный в совершении налогового преступления,

⁶⁷ См.: Сундуrow Ф.Р. Указ. соч. С. 465-466.

возмещает убытки за счёт средств государственного учреждения, то в его действиях, при наличии всех иных оснований, усматривается состав должностного преступления.

Анализируя другие негативные моменты практики применения примечания 2, Э. Сафин указывает на ситуацию, когда совершивший уклонение от уплаты налогов с организации руководитель, после освобождения от этой должности, не может “возместить” причинённый неуплатой налогов ущерб из средств организации и, в отличие от оставленного в должности и обязанного возместить ущерб руководителя иной организации, находится в худшем положении, хотя бы потому, что вынужден погашать недоимку из собственных средств. В таком же положении может находиться виновный бухгалтер предприятия, который в отличие от руководителя лишён административных полномочий по расходованию финансов организации, погашению недоимки и возмещению ущерба и поэтому вынужден будет заглаживать наступивший вред из собственных средств⁶⁸. В этом случае вопрос о субъекте финансового возмещения ущерба также не является проблемой уголовного права, а находится в сфере гражданских правоотношений.

Основной проблемой в толковании и применении примечания 2 является его противоречие с положениями, предусмотренными ст. 75 УК. Указанная статья устанавливает, что лицо, впервые совершившее преступление небольшой тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию преступления, возместило нанесённый ущерб или иным образом загладило вред, причинённый в результате преступления. Лицо, совершившее преступление иной категории, при наличии вышеперечисленных условий может быть освобождено от уголовной ответственности только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК.

⁶⁸ См.: Сафин Э. Указ. соч. С. 29-28.

Отметим, что в юридической литературе нет единства мнений по вопросу о том, какие из указанных в законе обстоятельств относятся к основаниям освобождения от ответственности, а какие к условиям. Некоторые источники относят названные в ч. 1 ст. 75 УК позитивные виды посткриминального поведения к основаниям освобождения, а совершение преступления небольшой тяжести впервые – к условиям⁶⁹. Полагаем, что с учётом сквозного толкования ч. 1 и ч. 2 ст. 75, такой вывод является небесспорным.

Х. Аликперов, напротив, к основаниям освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием относит совершение преступления небольшой тяжести, а к условиям – добровольную явку с повинной, способствование раскрытию преступления, возмещение вреда или иное заглаживание вреда, причинённого преступным деянием⁷⁰. Указанная позиция выглядит, на наш взгляд, более обоснованной. Представляется, что различие во взглядах учёных объясняется отсутствием единообразия в законодательной терминологии: в ч. 2 ст. 75 УК говорится об условиях, предусмотренных частью первой настоящей статьи, а в ч. 1 и 2 ст. 7 УПК РСФСР (прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием), как и в ч. 1 ст. 28 УПК РФ (прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием) – об основаниях, указанных в ст. 75 УК РФ.

В примечании 2 ничего не сказано о *явке лица с повинной* как об одном из условий освобождения от ответственности, что даёт серьёзные основания для критики как качества законодательной регламентации указанного примечания, так и практики его применения по делам о налоговых преступлениях. В связи с этим в юридической литературе затрагиваются две основные проблемы: а) применение примечания 2 к ст. 198 УК вопреки положениям

⁶⁹ См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. С. 428-429; Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1996. С. 448.

⁷⁰ См.: Аликперов Х. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием // Законность. 1999. № 5. С. 17.

ч. 2 ст. 75 и б) применение ч. 2 ст. 75 вопреки положениям первой части данной статьи.

Так, П.С. Яни и И.И. Пастухов полагают, что при применении примечания 2 должны приниматься в расчёт требования ч. 2 ст. 75, в соответствии с которыми лицо может быть освобождено от уголовной ответственности в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК, *только при наличии условий, предусмотренных ч. 1 ст. 75 УК*⁷¹. Аналогичную точку зрения высказывают в юридической литературе М.П. Мелентьев, А. Савкин и другие учёные⁷².

В то же время, по мнению многих исследователей, общее и специальное освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием может применяться при наличии хотя бы одного из условий, перечисленных в ч. 1 ст. 75. Так, Ф.Р. Сундуков полагает, что в этом случае достаточно установить наличие какой-либо одной формы деятельного раскаяния: либо явку с повинной, либо способствование раскрытию преступления, либо возмещение ущерба, либо заглаживание вреда иным способом⁷³. Л.В. Лобанова считает чрезмерными требования, предъявляемые к освобождаемому от уголовной ответственности лицу, которое не только должно явиться с повинной, но и активно способствовать раскрытию преступления, возместить нанесённый ущерб или иным образом загладить вред, причинённый в результате преступления⁷⁴. Промежуточную позицию по этому вопросу занимает В.К. Дуюнов, который отмечает, что, как правило, в ос-

⁷¹ См. подробнее: Пастухов И., Яни П. Указ. соч. С. 22; Яни П. Специальный случай освобождения от уголовной ответственности за налоговые преступления // Российская юстиция. 2000. № 1. С. 46.

⁷² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Бойко. Ростов н/Д, 1996. С. 205; Савкин А. Деятельное раскаяние – свобода от ответственности // Российская юстиция. 1997. № 12. С. 35.

⁷³ См.: Сундуков Ф.Р. Указ. соч. С. 466.

⁷⁴ См.: Лобанова Л.В. К вопросу о соответствии наименования и содержания статьи 75 УК РФ // Вопросы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Ярославль, 1997. С. 31.

новании освобождения должна лежать вся совокупность условий, указанных в ч. 1 ст. 75 УК, но в исключительных случаях, когда лицо по объективным причинам не имело возможности выполнить некоторые из указанных положенных послепреступных действий, следует признать допустимым применять такое освобождение и в отсутствие таких действий⁷⁵.

По мнению Л.Д. Гаухмана, Д.Е. Ковалевской противоречия между прим. 2 и ст. 75 УК не существует потому, что именно способствование раскрытию преступления может подразумевать и включать в себя явку с повинной⁷⁶. В. Сверчков полагает, что не существует приоритета применения ст. 75 УК перед стимулирующими примечаниями к статьям Особенной части УК по той причине, что ст. 75 имеет диспозитивный характер (предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности по усмотрению следственно-судебных органов). Примечания же к статьям Особенной части УК, отражающие деятельное раскаяние, имеют императивный характер (указывают на необходимость освобождения от уголовной ответственности при наличии определенных условий)⁷⁷.

Ряд учёных-юристов связывают “свободный” выбор видов позитивного постпреступного поведения лица при применении специального освобождения от уголовной ответственности с открытым перечнем условий деятельного раскаяния. Как замечает И. Звечаровский, “открытый перечень поступков, свидетельствующих о деятельном раскаянии, закреплённый в ч. 1 ст. 75 УК, даёт основания полагать, что в этом плане правоприменитель может не оглядываться на данную норму, применяя соответст-

⁷⁵ См.: Дуюнов В.К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 36.

⁷⁶ См.: Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная / Под ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина, С.В. Максимова. М., С. 439; Ковалевская Д.Е. Указ. соч. С. 191.

⁷⁷ См.: Сверчков В. Деятельное раскаяние в нормах Особенной и Общей частей УК РФ // <http://lawtech.agava.ru/pub/aspec.htm>

вующее положение Особенной части⁷⁸. Аналогичным образом высказывается и Х. Аликперов, считающий, что в примечаниях к статьям Особенной части УК “законодатель не ставит одновременно всех условий и оснований, указанных в ч. 1 ст. 75 УК, а требует выполнения одного или двух из них либо вводит новые условия или основания”⁷⁹.

Думается, такая точка зрения не является безупречной и неоспоримой. Исходя из текста ч. 1 ст. 75 нельзя однозначно утверждать, что открытым является перечень всех условий деятельного раскаяния. Представляется, что предпочтительней выглядит позиция, при которой “иное заглаживание вреда, причинённого в результате преступления” относится к последнему из ряда условий деятельного раскаяния, а именно, к “возмещению ущерба”.

В теории уголовного права также высказывается мнение о том, что предусмотренные примечаниями к ряду статей Особенной части УК основания освобождения от уголовной ответственности не являются частными случаями деятельного раскаяния. Так, по мнению А.Г. Антонова, они представляют собой основанные на идеях компромисса специальные основания, существо которых целесообразно отразить в Общей части УК в отдельной норме следующего содержания: “Исходя из интересов защиты человека, общества и государства, а также в целях предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений нормами Особенной части настоящего Кодекса могут предусматриваться специальные основания освобождения от уголовной ответственности”⁸⁰.

⁷⁸ Звечаровский И. Новый УК: проблемы применения // Законность. 1999. № 1. С. 11.

⁷⁹ Аликперов Х. Указ. соч. С. 19.

⁸⁰ Антонов А.Г. Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2000. С. 9. Отметим, что, по мнению, Т.А. Левиной, предложение А.Г. Антонова страдает односторонностью, так как комплексное рассмотрение вопросов деятельного раскаяния и специальных видов освобождения от уголовной ответственности требует разработки целого пакета по внесению изменений и дополнений не только в уголовный закон, но и в коррелирующие с ним нормативно-правовые акты (См.: Левинова Т.А.

Какой же выход видится в этой ситуации? Согласимся с Я.И. Акимовым, который указывает на то, что основная проблема заключается в стилистическом несовершенстве статьи, регламентирующей институт освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием⁸¹. В литературе предлагаются различные варианты устранения рассматриваемых законодательных противоречий.

По мнению некоторых исследователей, законодателю в примечании 2 к ст. 198 УК достаточно было бы сделать ссылку на ч. 2 ст. 75 УК либо употребить слова “в связи с деятельным раскаянием”, чтобы “увязать” эту специальную норму с общей – ст. 75 УК. При этом в примечании не нужно было бы перечислять какие-либо условия освобождения от уголовной ответственности, уже указанные в ч. 1 ст. 75. Ссылка же на ст. 75, указывают упомянутые исследователи, необходима потому, что в примечаниях к статьям Особенной части УК существуют и иные, не связанные с деятельным раскаянием, основания для освобождения от уголовной ответственности – например, вымогательство взятки или коммерческого подкупа (ст. 204, 291 УК)⁸².

В юридической литературе предлагается и иной путь решения этой проблемы. Так, В.К. Дуюнов, А.В. Иванчин считают, что условия специального освобождения содержатся в регламентирующем его примечании. Поэтому необходимо слова “при наличии условий, предусмотренных частью первой настоящей статьи” из текста ч. 2 ст. 75 УК исключить⁸³.

На наш взгляд, проблема реконструирования указанных норм должна разрешаться в рамках ответа на следующие вопросы: не-

Деятельное раскаяние при совершении налоговых преступлений: *pro et contra* // Налоговые и иные экономические преступления. Вып. 2. С. 54.).

⁸¹ См.: Акимов Я.И. Указ. соч. С. 91.

⁸² См.: Бокова И.Н., Изосимов С.В., Кондаков Д.С., Кузнецов А.П. Указ. соч. С. 414; Корчагин А.Г. Указ. соч. С. 87.

⁸³ См.: Дуюнов В.К. Указ. соч. С. 37; Иванчин А.В. Уголовно-правовые конструкции и язык уголовного закона // Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве. Ярославль, 2000. С. 114-115.

обходимо ли вообще применять специальное освобождение для лиц, совершивших уклонение от уплаты налогов или таможенных платежей. Если на этот вопрос мы отвечаем утвердительно, то за ним следуют два других вопроса: 1) должны ли все перечисленные в ч. 1 ст. 75 УК условия деятельного раскаяния носить “сквозной” характер и распространяться на все случаи освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные в Особенной части и связанные с деятельным раскаянием, в том числе и на применение примечания 2 к ст. 198 УК; 2) в случае законодательного обеспечения самостоятельности и независимости стимулирующих примечаний к статьям Особенной части, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности, от установлений ст. 75 УК, каким образом необходимо сконструировать такое примечание к “налоговым” статьям?

По нашему мнению, применение специального освобождения для лиц, совершивших преступное уклонение от уплаты налогов или таможенных платежей, *криминологически оправданно*. Условия, перечисленные в ч. 1 ст. 75 УК, *не должны* распространяться на правила применения специальных случаев освобождения, регламентированных в Особенной части УК. Ответ же на последний из перечисленных вопросов мы сможем дать, обратившись к краткому криминологическому анализу функционирования примечания 2.

Отметим, что и при обсуждении рассматриваемого специального вида освобождения от уголовной ответственности на стадии его принятия, и в начальный период действия примечания 2, перспективы и конкретные результаты “деятельности” этой нормы приветствовались большинством учёных и практических работников. Указывалось, что законодатель введением указанной нормы справедливо ориентирует налогоплательщиков на исправное пополнение государственной казны, стимулирует позитивное посткриминальное поведение преступников, позволяет экономить

меры уголовной репрессии и значительно повысить наполняемость бюджета страны⁸⁴.

В 1999 году органами налоговой полиции по примечанию 2 было прекращено 4222 уголовных дела по налоговым преступлениям (36% от общего количества дел)⁸⁵, в 2000 году – 10527 уголовных дел (50,9% от общего количества дел)⁸⁶, в 2001 году – 13 482 уголовных дела (55,4% от общего количества дел)⁸⁷. Тенденция, как мы видим, налицо.

Иные авторы не только положительно оценивают итоги применения специального вида освобождения за уклонение от уплаты налогов и таможенных платежей, но и предлагают распространить сферу его применения на другие статьи главы 22 УК. Так, В.А. Команчи полагает, что в порядке *de lege ferenda* “следует предусмотреть специальные основания освобождения от уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст. 174 УК “Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых незаконным путём”, ст. 190 УК “Невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран”, ст. 193 УК “Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте”, дополнив их соответствующими примечаниями”⁸⁸. Он же

⁸⁴ См.: Солтаганов В. Налоговая полиция: будни и перспективы // Закон и право. 1999. № 9. С. 3; Поляков М.В. Место органов налоговой полиции в механизме правовой защиты законопослушного гражданина // Вестн. Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Правовые средства и методы защиты законопослушного гражданина. Н. Новгород, 1996. С. 163.

⁸⁵ См.: Обзор практики прекращения уголовных дел о налоговых преступлениях в связи с деятельным раскаянием // Материалы ГСУ ФСНП РФ. М., 2000. С. 1;

⁸⁶ См.: Соловьёв И. Деятельное раскаяние в совершении налоговых преступлений // Российская юстиция. 2002. № 2. С. 48.

⁸⁷ См.: Итоги работы органов ФСНП РФ в 2001 году // Статистические материалы ФСНП РФ по Ярославской области. Ярославль, 2002. С. 3.

⁸⁸ Команчи В.А. Уголовно-правовые средства решения экономических проблем в условиях реформ: принципиальные возможности, направ-

идёт дальше и указывает, что “применение специальных оснований освобождения от уголовной ответственности не может ставиться в зависимость от тяжести совершённого экономического преступления”⁸⁹. Всё это, по мнению автора, явится действенным средством нейтрализации причинённого государству и обществу вреда, а также в значительной степени сократит сферу применения уголовно-правовой репрессии⁹⁰.

Нам представляется, что подобные предложения заслуживают детального рассмотрения, но реализовываться они должны только в том случае, если на обстоятельный криминологический анализ законодатель наложит выверенную юридическую технику. Иначе все недочёты, которыми страдает практическая реализация примечания 2, повторятся в ещё большем объёме. В этом смысле оправданна позиция М.В. Талан, которая призывает к осторожности в вопросе о расширении круга преступных деяний, за которое лицо в установленном порядке может быть освобождено от уголовной ответственности⁹¹.

Тем временем практика прекращения уголовных дел о налоговых преступлениях на основании примечания 2 к ст. 198 УК всё больше демонстрировала неэффективность этого закона. Указанная норма достаточно жёстко критиковалась уже и многими учёными-юристами (П.С. Яни, К.В. Чемеринским, С.В. Козловым),⁹² и практическими работниками (В. Максимовым, А. Седухиным, Э. Сафиным)⁹³.

ления использования и практические результаты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. С. 10-11.

⁸⁹ Там же. С. 11.

⁹⁰ См.: Там же.

⁹¹ См. подробнее: Талан М.В. Указ. соч. С. 70.

⁹² См.: Яни П.С. Специальный случай освобождения от уголовной ответственности за налоговые преступления. С. 44 и далее; Чемеринский К.В. Ответственность за уклонение от уплаты налогов с организаций (уголовно-правовые и криминологические проблемы): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 6; Козлов С.В. Указ. соч. С. 19-21.

⁹³ См.: Максимов В. Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за нарушения порядка уплаты таможенных платежей и

Необходимо отметить, что отрицательное воздействие примечания 2 на превентивную роль ст. 198 и 199 УК отмечалось прежде и практическими работниками – ныне упраздненной – Федеральной службы налоговой полиции: “Совершая налоговое преступление, налогоплательщик, по сути, ничем не рискует, так как вероятность привлечения его к уголовной ответственности и так не велика, а в случае, если это всё-таки произойдёт, он лишь должен будет выплатить в бюджет то, что и так был обязан сделать ранее”⁹⁴.

Действительно, ещё одним негативным моментом сложившейся практики является то, что на лицо, освобождённое от уголовной ответственности в соответствии с примечанием 2, не возлагается никакого уголовно-правового обременения. В целях пресечения подобной практики в литературе предлагается дополнить примечание 2 условием о том, что лицо, освобождавшееся от ответственности на основании этого примечания, не подлежит вновь освобождению от уголовной ответственности. Причём действие указанного дополнения должно ограничиваться сроками, предусмотренными ст. 78 УК⁹⁵.

Руководство органов налоговой полиции, напротив, положительно оценивало роль примечания 2. Так, в передовой статье, опубликованной в газете “Налоговая полиция” и посвящённой итогам оперативно-служебной деятельности федеральных органов налоговой полиции за январь-апрель 2001 года, отмечается положительное воздействие примечания 2 на правоприменительную практику и указывается, что “все более активно “работают” те гуманные нормы в отношении налогоплательщиков, которые заложены в нашем законодательстве (ст. 7 УПК и прим. 2 к

налогов // Уголовное право. 2000. № 2. С. 35; Седухин А. Ответственность за налоговые преступления // Законность. 2000. № 4. С. 7; Сафин Э. Указ. соч. С. 28.

⁹⁴ См.: Информационный бюллетень следственной службы УФСНП по Челябинской области. 2000. № 1 (5). С. 11-12.

⁹⁵ См.: Иванчин А.В. Использование уголовно-правовых конструкций и приёма примечания при регламентации экономических преступлений. С. 93.

ст. 198 УК). Более 4 тысяч уголовных дел в отношении лиц, совершивших налоговые преступления впервые, проявивших деятельное раскаяние и полностью возместивших государству нанесенный ущерб, были прекращены”⁹⁶. При этом основные аргументы (связанные, прежде всего, с пополнением бюджета), которые приводились в пользу сохранения существующей редакции примечания 2, были прагматичного характера, а не правового.

Настойчивое желание государства использовать специальное освобождение от ответственности за преступления, совершаемые в сфере налогообложения, прежде всего для получения необходимых платежей в бюджет, приводило порой к необъективному, некачественному расследованию и даже к злоупотреблениям.

Так, по двум делам об уклонении физических лиц от уплаты налогов при реализации акций фирмы “ТИКО” (Тульская обл.) прокуратурой отменены постановления о прекращении уголовных дел, так как, хотя и был возмещён государству материальный ущерб, не был выяснен механизм уклонения от уплаты налогов, а виновные давали явно неискренние и противоречивые показания, уводя от ответственности организатора преступления. Поэтому вывод следствия об активном способствовании раскрытию преступления не соответствовал материалам дела. Недобросовестный следователь УФСНП был отстранён прокуратурой области от ведения дела. Дальнейшее расследование установило причастность к преступлению организованной группы⁹⁷.

Действительно, несмотря на высокие показатели возмещения ущерба, подобная практика крайне негативно отразилась на профессионально-организационных принципах деятельности правоохранительных органов. В первую очередь пострадало качество собирания и оценки доказательств вины лица, обвиняемого в со-

⁹⁶ Итоги оперативно-служебной деятельности федеральных органов налоговой полиции за январь-апрель 2001 года // Налоговая полиция. 2001. № 12. С. 2. Подробнее об официальной позиции ФСНП РФ в отношении применения примечания 2 см. также: Наступление на криминал продолжается // Налоговая полиция. 2001. № 9. С. 2; Итоги работы ФСНП за 2000 год // Налоговая полиция. 2001. № 3. С. 2.

⁹⁷ См.: Седухин А. Указ. соч. С. 6-7.

вершении преступления, так как последний в большинстве случаев не требовал квалифицированной уголовно-процессуальной защиты и не оказывал серьёзного правового противодействия. Таким образом, в нашем случае уголовно-правовое значение института освобождения от уголовной ответственности фактически сводилось к заключению сделки, в основе которой лежал принцип: *возместил – не привлекут*⁹⁸.

Анализируя практику по налоговым преступлениям 1999-2001 годов, многие учёные-экономисты указывают на то, что после введения в действие примечания 2 уголовное преследование по налоговым преступлениям стало рассматриваться, прежде всего, как средство “выколачивания” денег. Так, выступая в феврале 2001 года на совместном семинаре специалистов Минфина, МНС и ФСНП РФ, проф. А.Н. Козырев отмечал, что большинство возбуждённых налоговых полицией уголовных дел не доводится до судов, а прекращается на основании примечания 2 к ст. 198 УК. По основной массе изученных учёным дел складывается примерно одинаковая ситуация. Получив в территориальном органе МНС список предприятий-недоимщиков, сотрудники налоговой полиции организуют документальные проверки этих предприятий, а затем и возбуждают уголовные дела по фактам уклонения от уплаты налогов. При этом, по мнению А.Н. Козырева, основания для возбуждения дел выглядят смехотворными. Мелкие хозяйственные приобретения, выплата материальной помощи и оплата лечения сотрудникам, арендные платежи и иные несущественные расходы, осуществлённые при наличии бюджетной задолженности – именно это ставится в вину руководителям предприятий⁹⁹. Далее, уже в рамках уголовного дела, руководителю предприятия-должника предлагается законный и оптимальный для него выход из ситуации – заплати налоги и будешь освобождён от уголовной ответственности (“будешь жить спокойно”).

⁹⁸ См.: Лапшин В.Ф. Указ. соч. С. 22.

⁹⁹ См.: Научно-практический семинар: “Налогообложение: реальности и перспективы” // <http://press-center.izvestia.ru/index.html?date=2001-02-09>

Очевидно критика, высказанная на страницах юридической литературы, да и в целом в периодике, повлияла на позицию руководства ФСНП РФ. Выступая 22 января 2002 года на интернет-конференции “Диалог с налоговой полицией”, директор ФСПН РФ М.Е. Фрадков отметил, что поскольку примечание 2 к ст. 198 УК используется как возможная лазейка для безнаказанного нарушения налогового законодательства, ФСНП РФ предложило отменить эту норму¹⁰⁰. Результатом подобных предложений послужило, в том числе, и то, что в уже упомянутом проекте федерального закона “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации” № 304898-3 примечание 2, предусматривающее специальное освобождение для лиц, уклонившихся от уплаты налогов или таможенных платежей, исключено из редакции ст. 198 УК.

Нам представляется, что это другая крайность, которая говорит об отсутствии четкой позиции государства в отношении лиц, совершивших налоговые и иные экономические преступления. Разумная законодательная регламентация и эффективное применение нормы, предусматривающей освобождение от уголовной ответственности лиц, совершивших налоговые преступления, необходимы для осуществления адекватной уголовной политики государства. Обоснованный компромисс между экономической целесообразностью и уголовной репрессией – в этой плоскости нужно искать криминологическое и уголовно-правовое решение этого вопроса.

Отметим, что зарубежный опыт регламентации освобождения от уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений предполагает возможность такого освобождения, но только до того момента, пока виновному не стало достоверно известно о том, что его преступление раскрыто либо будет раскрыто в ближайшее время.

¹⁰⁰ См.: Интернет-конференция директора ФСНП РФ М.Е. Фрадкова “Диалог с налоговой полицией” // [http:// www. garweb. ru/ conf/fsnp/20020122/press.htm](http://www.garweb.ru/conf/fsnp/20020122/press.htm).

Так, ч. 4 ст. 305 УК Испании предполагает освобождение от уголовной ответственности лица, которое упорядочит своё налоговое положение по поводу обязательств перед бюджетом до того, как это лицо будет уведомлено Налоговыми Органами о начале деятельности по проверке, направленной на определение налоговых обязательств, либо в случае, когда такая проверка не проводится, до того, как Прокуратура, Государственный обвинитель или процессуальный представитель Администрации автономий или местной администрации подаст жалобу или заявление против упомянутого лица либо до того, как Прокуратура или следственный судья совершат действия, в результате которых они получают формальные сведения о начале дела¹⁰¹.

Аналогичные требования к специальному освобождению от уголовной ответственности указаны в иных “налоговых” статьях УК Испании – 306 и 307. Добавим, что уголовное законодательство Испании не предусматривает освобождения от уголовной ответственности лиц, которые уклоняются от уплаты необходимых платежей в бюджет Европейского экономического сообщества или подчинённых ему учреждений (ст. 306) или нарушают правила ведения бухгалтерской и налоговой документации (ст. 310)¹⁰².

В ФРГ, согласно ч. 1 § 371 Положения о налогах 1997 года, от уголовной ответственности освобождаются лица, которые до обнаружения нарушений законодательства контрольными или правоохранительными органами сообщают об этих нарушениях. При этом виновный, возмещая нанесённый преступлением ущерб, обязан осуществить все необходимые налоговые платежи в строго установленные сроки¹⁰³.

Такой опыт вполне может быть применён и в отечественном уголовном законодательстве. На наш взгляд, следует обязательно

¹⁰¹ См.: Уголовный кодекс Испании / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и Ф.М. Решетникова. М., 1998. С. 98.

¹⁰² См.: Там же. С. 98-101.

¹⁰³ См.: Решетников Ф., Игнатова М. Налоговые преступления в зарубежных странах // Закон. 1992. № 3. С. 77.

предусмотреть в примечании 2 к ст. 198 УК следующие условия специального освобождения от уголовной ответственности: совершение впервые преступления, предусмотренного ст. 194, 198 и 199 УК; явку с повинной либо сообщение в налоговые органы о фактах налоговых правонарушений; способствование раскрытию преступления; полное возмещение ущерба. Указанные условия должны применяться только в совокупности. При этом необходимо установить, что примечание 2 может повторно применяться к одному и тому же лицу лишь по истечении определённого времени. Представляется, что “привязать” эти сроки к ст. 78 УК будет технически сложно. Проще указать этот срок в самом тексте примечания: например, пять лет. Конечно, это дополнение вызовет определённые проблемы с учётом лиц, освобождённых по примечанию 2. Но в значительной степени перекроет “лазейки” для “налоговых рецидивистов”, о которых упоминал бывший директор ФСНП РФ М.Е. Фрадков.

Законодатель использует приём примечания в главе 22, как мы уже отмечали, не только для регламентации специального вида освобождения от уголовной ответственности, но и для формализации оценочных признаков, предусмотренных в диспозициях многих статей указанной главы, например: крупного размера в ст. 174, 174¹, 177, 191, 192, 193; крупного и особо крупного размера в ст. 171, 188, 194, 198, 199; значительного и крупного в ст. 200. По какой причине законодатель решил раскрывать количественное содержание основных и квалифицирующих признаков, характеризующих вредные последствия, именно в примечаниях к перечисленным статьям, не вполне понятно. С точки зрения нормативной экономии указание на размер преступных последствий в указанных составах вполне можно было бы закрепить в виде признаков точного значения и в диспозициях статей. Тем более, количественное значение признаков, регламентированных в примечаниях, далеко не совпадает и колеблется от 1/10 МРОТ (ч. 1 ст. 200 УК) до 2500 МРОТ (ст. 177 УК) в простых составах, и от 1 МРОТ (ч. 2 ст. 200 УК) до 5000 МРОТ – в квалифицированных.

И в этом смысле прав А.В. Иванчин, который указывает на то, что при такой технике использования примечаний нарушается принцип лексической экономии законодательного материала: каждое из примечаний в главе 22 УК сопоставимо с масштабом диспозиции статьи¹⁰⁴. Но с его предложением о скорейшем (в порядке *de lege ferenda*) переносе признаков точного значения в диспозиции статей и последующей ликвидации соответствующих примечаний, мы не согласны.

Несомненно, что в таком виде примечания “утяжеляют” закон и осложняют его осмысление. И с позиций требования юридической техники законодателю следовало бы перенести формализованные признаки не в сами диспозиции статей, а, скажем, в самостоятельную главу (по примеру УК Белоруссии). Но если и осуществлять такое законодательное решение, то делать это надо комплексно, в рамках не одной группы статей или главы, а всего Уголовного кодекса. Думается, что это не самая актуальная задача по реконструкции уголовного законодательства, стоящая перед отечественным законодателем. Она требует своего осмысления и “выдержки” в науке и на практике. Использование примечаний для раскрытия количественного содержания признаков состава преступления, похоже, стало уже не приёмом, а правилом законодательной техники. Именно об этом говорит содержание примечаний к статьям, введённым (или реконструированным) в УК в последние годы (ст. 171¹, 174, 174¹).

В заключение отметим, что президентский проект изменений УК предлагает новый подход к определению крупного размера в ст. 194, 198, 199. Новые критерии количественных характеристик предмета указанных преступлений связаны не с определенным количеством МРОТ, а с указанием точной суммы неуплаченных платежей в рублях. К тому же в проектах ст. 198, 199, 199¹ уголовно значимая сумма неуплаченных налогов поставлена в зависимость от ее процентной доли в общей сумме налога. Последнее

¹⁰⁴ См.: Иванчин А.В. Использование уголовно-правовых конструкций и приёма примечания при регламентации экономических преступлений. С. 95.

обстоятельство, на наш взгляд, ставит в неравное положение хозяйствующих субъектов и может вступить в противоречие с принципом равенства налогоплательщиков перед законом. Действительно, при различном “экономическом весе”, объемах налогооблагаемой базы предприятий или физических лиц, в одних случаях неуплата определенной суммы налоговых платежей будет являться преступной, а в других нет.

Заключение

Для современной России эффективно действующая экономика приобретает первостепенное значение. Формирование новых экономических, рыночных отношений, поощрение предпринимательства, возникновение многоукладной экономики предопределили задачу пересмотра законодательства, регулирующего различные сферы экономической деятельности. Проведение эффективной социально-экономической политики обеспечивается целым комплексом мер, в том числе в уголовно-правовой сфере: в последние годы государство активно применяет и совершенствует нормы уголовного закона, направленные на обеспечение исполнения гражданами и организациями бюджетного, финансового, налогового, таможенного и иного законодательства.

Однако, несмотря на принимаемые органами государственной власти меры, становление и развитие рыночной экономики в России сопровождается значительным ростом преступлений и правонарушений в сфере экономической деятельности.

Отечественная практика борьбы с правонарушениями и преступлениями в сфере экономической деятельности, прогнозы ведущих ученых, юристов и экономистов, аналитиков правоохранительных и контрольных органов показывают, что применение норм главы 22 УК РФ не является достаточно эффективным. В этих условиях проблемы юридической техники и дифференциации ответственности, связанные с законодательной регламентацией, толкованием и применением составов исследуемых преступлений, приобретают исключительную важность и актуальность в плане и теоретического, и практического разрешения.

Несомненно, что создание научно обоснованных и эффективно действующих норм права невозможно без основательного научного исследования вопросов юридической техники и дифференциации ответственности в теории права, выработки оптимальных приёмов, правил и средств конструирования и «реконструи-

рования» правовых актов. Техничко-юридические аспекты правотворческой и правоприменительной деятельности должны стать объектом пристального внимания отечественной юридической науки и практики.

Учитывая изложенное, для достижения поставленной цели авторы предприняли попытку решить следующие задачи:

- рассмотреть понятие, особенности и виды экономических преступлений;

- осуществить анализ развития в новейшей истории таких правовых явлений, как юридическая техника и дифференциация уголовной ответственности, а также норм, предусматривающих уголовную ответственность за посягательства в сфере экономической деятельности и налогообложения;

- исследовать понятие, виды, средства и значение юридической техники в правотворческой и правоприменительной деятельности;

- проанализировать понятие, виды, средства и значение дифференциации уголовной ответственности;

- рассмотреть технико-юридические аспекты описания объективных и субъективных признаков, квалифицирующих обстоятельств, закрепленных в составах преступлений в сфере налогообложения;

- рассмотреть вопросы криминологической обоснованности и техники конструирования примечаний к ст. 194, 198 и 199 УК;

- изучить и проанализировать правоприменительную практику по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности и налогообложения;

- внести научно обоснованные предложения и рекомендации по законодательному совершенствованию рассматриваемых норм уголовного закона и улучшению практики их применения.

Авторы не стремились затронуть и осветить все проблемы, связанные с темой научного исследования, а сосредоточили свое внимание на наиболее значимых аспектах дифференциации ответственности, конструирования и применения уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за престу-

пления в сфере экономической деятельности и налогообложения. О том, насколько удачно это получилось, судить читателю.

Практика покажет, насколько положения, выводы и предложения, сделанные в настоящем исследовании, имеют значение для дальнейших теоретических разработок по вопросам юридической техники и дифференциации уголовной ответственности, проблемам конструирования составов экономических преступлений, как они будут включены в процесс дальнейшего изучения уголовно-правовых аспектов борьбы с преступлениями в сфере экономической деятельности, законодательного совершенствования уголовного и применяемого с ним в комплексе налогового, таможенного, банковского и иного отраслевого законодательства.

Литература.

1. Айкимбаев А.К. Проблемы борьбы с уклонением от уплаты налогов в Республике Казахстан: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Караганда, 2000.
2. Акимов Я.И. Цели и функции норм о налоговых преступлениях // Налоговые и иные экономические преступления. Вып. 1. Ярославль, 2000.
3. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. Т. 2. М., 1982.
4. Аликперов Х. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием // Законность. 1999. № 5.
5. Антонов А.Г. Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Томск, 2000.
6. Бабаев В.К. Теория советского права в конспектах лекций и схемах: Учеб. пособие. Горький, 1990.
7. Баранов В.М., Кондаков Д.С. Примечания в российском праве: природа, виды, проблемы реализации. К вопросу о понятии «примечание в праве» // Проблемы юридической техники. Н.Новгород, 2000.
8. Благоев Е.В. Квалификация соучастия в экономических преступлениях (закон и практика) // Налоговые и иные экономические преступления. Вып. 3. Ярославль, 2001.
9. Блум М.И. Источники советского уголовного права // Учен. зап. Латвийск. ун-та. Т. 93. Рига, 1968.
10. Божьев В.П. Конституция Российской Федерации как источник уголовного и уголовно-процессуального права // Уголовное право. 1999. № 2.
11. Бокова И.Н., Изосимов С.В., Кондаков Д.С., Кузнецов А.П. Примечания в уголовном законодательстве России: эволюция правовой природы, модификация функций, техника эффективного использования // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. Н. Новгород, 2001.
12. Большая советская энциклопедия. Т. 25. М., 1975.

13. Борзенков Г.Н. Уголовно-правовые проблемы охраны имущества граждан от корыстных посягательств: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991.
14. Ботвинкин М.Ю. Уголовная ответственность за преступления в сфере налогообложения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.
15. Брауде И.Л. Вопросы законодательной техники // Сов. государство и право. 1957 № 6.
16. Брызгалин А.В. Соккрытие или неучет: к вопросу о квалификации составов уголовных преступлений в сфере налогообложения // Налоговый вестник. 1997. № 11.
17. Бушуева Т.А. Язык уголовного закона. Язык Общей части УК РСФСР // Учен. зап. ДВГУ. Т.66. Владивосток, 1973.
18. Васильева И.А. Амнистия и ее реализация: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003.
19. Васильева И.А. Амнистия и ее реализация: Дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003.
20. Васильевский А.В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000.
21. Васильевский А.В. Дифференциация уголовной ответственности и наказания в Общей части уголовного права: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2000.
22. Верин В.П. Преступления в сфере экономики. М., 1999.
23. Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958.
24. Витвицкий А.А. Уголовно-правовые аспекты ответственности за уклонение от уплаты налогов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.
25. Владимиров Л.Е. Правовое творчество. М., 1905.
26. Власенко Н.А.. Основы законодательной техники: Практич. руководство. Иркутск, 1995.
27. Власенко Н.А. Язык права. Иркутск, 1997.
28. Волженкин Б.В. О дифференциации ответственности за коррупционные правонарушения // Дифференциация ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 1994.
29. Волженкин Б.В. О некоторых спорных вопросах ответственности за преступления в сфере налогообложения (налоговые преступления) // Актуальные проблемы юридической ответственности за

нарушения в сфере экономической деятельности и налогообложения: Материалы науч.-практ. конференции. Ярославль, 2001.

30. Волженкин Б.В. Экономические преступления. СПб., 1999.
31. Волженкин Б.В., Милюков С.Ф. Рецензия на кн. «Словарь по уголовному праву» / Отв. ред. А.В. Наумов. М., 1997. 686 с. // Государство и право. 1998. № 12.
32. Гильмутдинова Н.С. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.
33. Головкин Л. Классификация оснований освобождения от уголовной ответственности // Законность. 1998. № 11.
34. Горелик А.С., Шишко И.В., Хлупина Г.И. Преступления в сфере экономической деятельности и против интересов службы в коммерческих и иных организациях. Красноярск, 1998.
35. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972.
36. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. СПб., М., 1882.
37. Даль В. Толковый словарь. Т.4. М., 1955.
38. Дементьева Е.Е. Проблемы борьбы с экономической преступностью в зарубежных странах: Дис. ...канд. юрид. наук. М., 1996.
39. Дмитриевцев К.Н. Процесс правотворчества в Российской Федерации: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Н.Новгород, 1994.
40. Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. М., 1967.
41. Душкин С., Русов С. Ответственность за уклонение от уплаты таможенных платежей // <http://jurga/hut/ru/all/docs/u|a|ocdt0tmc/html/>
42. Дуюнов В.К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.
43. Егоров В.А. Налоговые преступления и их предупреждение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 1999.
44. Ефимова Е.Г. Экономика: Учеб. пособие. М., 1977.
45. Жевлаков Э.Н. Экологические преступления // Уголовное право России. Часть Особенная / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 1999.
46. Жегалов Е.А. Расследование уклонений от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001.

47. Законодательная техника: Науч.-практ. пособие / Под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2000.
48. Законотворчество в Российской Федерации: научно-практическое пособие. М., 2000.
49. Звечаровский И. Новый УК: проблемы применения // Законность. 1999. № 1.
50. Зивс С. Источники права. М., 1981.
51. Зуев Ю.Г. Презумпции в уголовном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2000.
52. Иванчин А.В. Вопросы конструирования составов налоговых преступлений // Налоговые и иные экономические преступления Вып.1. Ярославль, 2000.
53. Иванчин А.В. Использование уголовно-правовых конструкций и приема примечания при регламентации экономических преступлений // Налоговые и иные экономические преступления. Вып. 2. Ярославль, 2000.
54. Иванчин А.В. Понятие техники построения уголовного законодательства // Дифференциация ответственности и вопросы юридической техники в уголовном праве и процессе. Ярославль, 2001.
55. Иванчин А.В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003.
56. Иванчин А.В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: Дис. ...канд. юрид. наук. Ярославль, 2003.
57. Иванчин А.В. Уголовно-правовые конструкции и язык уголовного закона // Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве. Ярославль, 2000.
58. Ильюк Е.В. Законодательная техника построения диспозиции статьи уголовного закона: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989.
59. Ильюк Е.В. К вопросу о приеме законодательной техники в уголовном законодательстве // Вопросы совершенствования уголовно-правового регулирования. Свердловск, 1988.
60. Интернет-конференция директора ФСНП РФ М.Е. Фрадкова «Диалог с налоговой полицией» // <http://www.garweb.ru/conf/fsnp/20020122/press.htm>.

61. Истомин В.Г. Проблемы уголовной ответственности за нарушения налогового законодательства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 2000.
62. Итоги оперативно-служебной деятельности федеральных органов налоговой полиции за январь-апрель 2001 года // Налоговая полиция. 2001. № 12.
63. Караханов А.Н. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов или страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с организации: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2001.
64. Карташов В.Н. Законодательная технология: понятие, основные элементы, методики преподавания // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. Т. 1. Н. Новгород, 2001.
65. Карташов В.Н. Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) // Проблемы юридической техники. Н. Новгород, 2000.
66. Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. М., 1991.
67. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1981.
68. Кикин А.Ю., Яни П.С. Неуплата налогов преступна // Налоговый вестник. 2000. № 10.
69. Клёнова Т.В. Объективное и субъективное в процессе квалификации преступлений // Уголовная ответственность: основание и порядок реализации. Самара, 1990.
70. Ковалевская Д.Е. Налоговые преступления в уголовном праве Российской Федерации // Налоговый вестник. 2000. № 9.
71. Ковалёв М.И. Об источниках уголовного права // Правоведение. 1975. № 3.
72. Ковалёв М.И. Советское уголовное право: Курс лекций. Свердловск, 1974.
73. Ковачев Д.А. Механизм правотворчества социалистического государства. Вопросы теории. М., 1977.
74. Коган В.М. Логико-юридическая структура советского уголовного закона. Алма-Ата, 1966.
75. Козаченко И., Курченко В. Определение момента окончания преступления в судебной практике // Сов. юстиция. 1990. № 17

76. Козлов В.А. Криминалистическая характеристика налоговых преступлений и ее значение для правоприменительной деятельности федеральных органов налоговой полиции России: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

77. Козлов С.В. Уголовно-правовая охрана налоговой системы Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000.

78. Колесников В.В. Преступность в сфере экономической деятельности и ее криминологическая характеристика // Вопросы квалификации и расследования преступлений в сфере экономики. Саратов, 1999.

79. Команчи В.А. Уголовно-правовые средства решения экономических проблем в условиях реформ: принципиальные возможности, направления использования и практические результаты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001.

80. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.И. Бойко. Ростов на-Дону, 1996.

81. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.В. Наумов. М., 1999.

82. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В.И. Радченко. М., 1996.

83. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 1998.

84. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 2 т. / Под ред. О.Ф. Шишова. М., 1998.

85. Концепции развития российского законодательства. Изд. 3-е. М., 1998.

86. Коняхин В.П. Источники уголовно-правовых норм Общей части // Правоведение. 1988. № 1.

87. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002.

88. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002.

89. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права: Дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002.

90. Коржанский Н.И. Очерки теории уголовного права. Волгоград, 1995.
91. Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика. Красноярск, 1991.
92. Корчагин А.Г., Иванов А.М., Щербаков А.В. Экономические преступления (политико-правовые аспекты). СПб., 1999.
93. Корчагин А.Г. Преступления в сфере экономики и экономическая преступность. Владивосток, 2001.
94. Кот А.Г. Об ответственности за налоговые преступления по уголовному законодательству // Вопросы уголовной ответственности и ее дифференциации. Ярославль, 1994.
95. Красавчиков О.А. Советская наука гражданского права // Учен. тр. Свердл. юрид. ин-та. Т. 6. Гражд. право. Свердловск, 1961.
96. Красиков Ю. Контрабанда и уклонение от уплаты таможенных платежей // Российская юстиция. 2000. № 12.
97. Краткий словарь иностранных слов / Сост. С.М. Локшина. М., 1978.
98. Кригер Г.А. Борьба с хищениями социалистического имущества. М., 1965.
99. Кригер Г.Л. Некоторые вопросы построения Особенной части Уголовного кодекса // Проблемы совершенствования уголовного закона. М., 1984.
100. Криминологическая характеристика налоговых преступлений. Челябинск, 1997.
101. Кругликов Л.Л. Вопросы дифференциации ответственности в уголовном законодательстве // Реализация принципа справедливости в правоприменительной деятельности органов уголовной юстиции. Ярославль, 1992.
102. Кругликов Л.Л. Источники и составные части уголовного законодательства Российской Федерации // Вестник МАН ВШ. 1999. № 3 (9).
103. Кругликов Л.Л. Квалифицированные виды посягательств в сфере экономики (сравнительный анализ) // Налоговые и иные экономические преступления. Вып. 2. Ярославль, 2000.
104. Кругликов Л.Л. Классификация уголовно-правовых санкций // Сов. государство и право. 1983. № 5.
105. Кругликов Л.Л. О некоторых элементах несогласованности Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов // Проблемы тео-

рии наказания и его исполнения в новом Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах: Материалы науч.-практ. конф. М., 1997.

106. Кругликов Л.Л. О средствах дифференциации ответственности в Общей части Уголовного кодекса РФ // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук. Ярославль, 1995.

107. Кругликов Л.Л. Проблемы теории уголовного права: Избранные статьи (1982-1999 гг.). Ярославль, 1999.

108. Кругликов Л.Л. Экономические преступления: понятие, виды, вопросы дифференциации ответственности // Налоговые и иные экономические преступления. Вып. 1. Ярославль, 2000.

109. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003.

110. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Рец. на кн. Лесниевски-Костаревой Т.А. Дифференциация уголовной ответственности: Теория и законодательная практика. М., 1998. 287 с. // Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве. Ярославль, 2000.

111. Кругликов Л.Л., Дулатбеков Н.О. Экономические преступления (вопросы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания). Ярославль, 2001.

112. Кругликов Л.Л., Дулатбеков Н.О. Проблемы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания (на примере анализа экономических преступлений). Караганда, 2001.

113. Кругликов Л.Л., Костарева Т.А. Дифференциация ответственности как уголовно-правовая категория // Категориальный аппарат уголовного права и процесса. Ярославль, 1993.

114. Кругликов Л.Л., Соловьев О.Г. Правонарушения в сфере предпринимательской деятельности: вопросы ответственности // Предпринимательство: пределы государственно-правового вмешательства. Материалы конференции. М., 2001.

115. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972.

116. Кузнецов А.П. Государственная политика противодействия налоговым преступлениям в Российской Федерации (проблемы формирования, законодательной регламентации и практического осуществления): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2000.

117. Кузнецов А.П. Политика государства в налоговой сфере: уголовно-правовые средства и организационно-тактические методы. Н. Новгород, 1995.
118. Кузнецов А.П. Ответственность за таможенные преступления: Учеб. пособие. Н. Новгород, 2000.
119. Кузнецова Н.Ф. Классификация преступлений в Общей части Уголовного кодекса // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве. Ярославль, 1995.
120. Кузнецова Н.Ф. Конституция Российской Федерации и уголовное законодательство // Вестник МГУ. Сер. 11: Право. 1994. № 5.
121. Кузнецова Н.Ф. Эффективность уголовно-правовых норм и язык закона // Соц. законность. 1973. № 9.
122. Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1976.
123. Курляндский В.И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975.
124. Курс советского уголовного права: В 5 т. Т. 1. Л., 1968.
125. Курс советского уголовного права: В 5 т. Т. 5. Л., 1981.
126. Кучеров И.И. Налоги и криминал. М., 2000.
127. Кучеров И.И. Налоговые преступления. М., 1977.
128. Кучеров И.И. Преступления в сфере налогообложения: Науч.-практ. комментарий к УК РФ. М., 1999.
129. Кучеров И.И. Уклонение, сокрытие, неуплата // Ваше право. 1995. № 22.
130. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. М., 1998.
131. Лапшин В.Ф. Вопросы уголовно-правового реагирования на неправомерное пользование целевыми налоговыми льготами, предоставленными администрациями ЗАТО // Юридические записки Яросл. ун-та им. П.Г. Демидова. Вып. 5. Ярославль, 2001.
132. Ларичев В. Уклонение от уплаты налогов с организаций: квалификация составов // Российская юстиция. 1997. № 6.
133. Ларичев В.Д., Бембетов А.П. Налоговые преступления. М., 2001.
134. Ларичев В.Д., Решетняк Н.С. Налоговые преступления и правонарушения. Кто и как их выявляет. М., 1998.

135. Левинова Т.А. Деятельное раскаяние при совершении налоговых преступлений: pro et contra // Налоговые и иные экономические преступления. Вып. 2. Ярославль, 2000.

136. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000.

137. Лобанова Л.В. К вопросу о соответствии наименования и содержания статьи 75 УК РФ // Вопросы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Ярославль, 1997.

138. Лопашенко Н.А. Вопросы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности. Саратов, 1997.

139. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (Комментарий к главе 22 УК РФ). Ростов-на-Дону, 1999.

140. Лопашенко Н.А. Уголовная ответственность за налоговые преступления // Налоговые и иные экономические преступления. Вып.2. Ярославль, 2000.

141. Лопашенко Н.А. Экономическая преступность: понятие, состояние и проблемы борьбы // Вопросы квалификации и расследования преступлений в сфере экономики. Саратов, 1999.

142. Лумпова И.А. Виды ответственности в советском уголовном законодательстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1991.

143. Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного закона // Записки юрид. факультета Петроградского ун-та. Вып. 5. СПб., 1917.

144. Макаров Д.Г. Уголовный кодекс в борьбе с теневой экономикой. Проблемы и перспективы // Налоговый вестник. 2000. № 1.

145. Максимов А.А. Уклонение от уплаты таможенных платежей // Южно-Уральский юридический вестник. 1999. № 4.

146. Максимов В. Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за нарушения порядка уплаты таможенных платежей и налогов // Уголовное право. 2000. № 2.

147. Мамилов К.В. Уголовно-правовое основание уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2001.

148. Маркизов Р.В. Ответственность за преступления в сфере кредитных отношений по уголовному праву России: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003.
149. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1.
150. Марксистско-ленинская теория государства и права. Социалистическое право. М., 1973.
151. Материалы первого Всероссийского семинара-совещания следственных работников федеральных органов налоговой полиции. М., 1997.
152. Мельникова Ю.Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. Красноярск, 1989.
153. Мельникова Ю.Б. Юридическая ответственность: сущность, понятие, дифференциация. // Дифференциация ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 1994.
154. Минская В.С. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов или страховых взносов и практика ее реализации // Проблемы теории уголовного права и практики применения УК. М., 2000.
155. Михайлов В. Признаки деятельного раскаяния // Российская юстиция. 1998. № 4.
156. Михалев В.В., Даньков А.П. Налоги и налоговая преступность. М., 1999.
157. Михалев В.В., Даньков А.П., Касютина Р.В. О квалификации налоговых преступлений и правонарушений // Налоговый вестник. 2000. № 9.
158. Молодцов А.С. Преступления небольшой тяжести и вопросы освобождения от уголовной ответственности // Юридические записки Яросл. гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Вып. 1. Ярославль, 1997.
159. Муромцев Г.И. О некоторых особенностях законотворческой техники и методологии ее исследования в современной России // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: В 2 т. Т. 1. Н. Новгород, 2001.
160. Муромцев Г.И. Юридическая техника: некоторые аспекты содержания понятия // Проблемы юридической техники. Н. Новгород, 2000.
161. Налоговые споры: Сборник нормативных документов / Под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 1999.

162. Налоговые и иные экономические преступления. Вып.1-5. Ярославль, 2000-2002.
163. Наступление на криминал продолжается // Налоговая полиция. 2001. № 9.
164. Наумов А.В. Источники уголовного права // Уголовное право: новые идеи. М., 1994.
165. Наумов А. Нормы других отраслей права как источник уголовного права // Законность. 2002. № 7.
166. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 1996.
167. Наумов А.В. Судебный прецедент как источник уголовного права // Российская юстиция. 1994. № 1.
168. Наумов А.В. Форма уголовного закона и ее социальная обусловленность // Проблемы совершенствования уголовного закона. М., 1984.
169. Научно-практический семинар «Налогообложение: реальности и перспективы» // <http://press-center.izvestia.ru/index.html?date=2001-02-09>.
170. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. М., 1974.
171. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. М., 2001.
172. Обзор практики прекращения уголовных дел о налоговых преступлениях в связи с деятельным раскаянием // Материалы ГСУ ФСНП РФ. М., 2000.
173. Общая теория государства и права: Академический курс: В 2 т. Т. 2 / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2000.
174. Общая теория права: Курс лекций / Под общ. ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993.
175. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
176. Панов Н.И. О точности норм уголовного права и совершенствовании законодательной техники // Правоведение. 1987. № 4.
177. Панько К.К. Фикции в уголовном праве. Воронеж, 1998.
178. Панько К.К. Фикции в уголовном праве (в сфере законотворчества и правоприменения): Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 1998.
179. Парфенов. К.В. Налоговые преступления в сфере торговли: проблемы квалификации // Налоговый вестник. 1998. № 6.

180. Пастухов И., Яни П. Квалификация налоговых преступлений // Законность. 1998 № 1.
181. Перетерский И. «Примечания» в законе (один из вопросов законодательной техники) // Советское право. 1928. № 2 (32).
182. Перч Н.В. Неполучение должного как вид имущественного ущерба (на примере ст.165 УК РФ): понятие, влияние на ответственность и квалификацию: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
183. Пионтковский А.А. Советское уголовное право. Т. 2. М.; Л., 1928.
184. Побединская Н.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы налоговых преступлений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.
185. Поленина С.В. Взаимосвязи нормативных актов в системе советского гражданского законодательства // Сов. государство и право. 1972. № 8.
186. Поляков М.В. Место органов налоговой полиции в механизме правовой защиты законопослушного гражданина // Вестник Нижегород. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Правовые средства и методы защиты законопослушного гражданина. Н. Новгород, 1996.
187. Поройко М.С. Обязывающие и управомочивающие нормы в уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2000.
188. Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества независимых государств. СПб., 2003.
189. Рарог А.И. Вина в советском уголовном праве. Саратов, 1987.
190. Расследование контрабанды: Практич. пособие. М., 1999.
191. Рекомендации по расследованию налоговых преступлений. М., 1997.
192. Решетников Ф., Игнатова М. Налоговые преступления в зарубежных странах // Закон. 1992. № 3.
193. Рогов И.И. Проблемы борьбы с экономической преступностью (уголовно-правовое и криминологическое исследование): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Алма-Ата, 1991.
194. Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. М.П. Журавлева и С.И. Никулина. М., 1998.

195. Российское уголовное право: Курс лекций / Под ред. А.И. Коробеева. Т. 2. Владивосток, 1999.
196. Сабитов Р.А. Квалификация поведения лица после совершения им преступления. Омск, 1986.
197. Сабитов Р.А., Пищулин В.Г. Налоговые преступления: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Челябинск, 2001.
198. Савкин А. Деятельное раскаяние – свобода от ответственности // Российская юстиция. 1997. № 12.
199. Сальников А.В. Об уголовной ответственности за налоговые преступления в проекте Уголовного кодекса // Вопросы уголовной ответственности и ее дифференциации (в проекте Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации). Ярославль, 1994.
200. Сафин Э. Проблемы примечания к статье 198 УК РФ // Уголовное право. 2000. № 4.
201. Свенссон Б. Экономическая преступность. М., 1987.
202. Сверчков В. Деятельное раскаяние в нормах Особенной и Общей частей УК РФ // <http://lawtech.agava.ru/pub/aspect.htm/>
203. Седухин А. Ответственность за налоговые преступления // Законность. 2000. № 4.
204. Семенов И.А. Законодательная техника в уголовном правотворчестве. Тюмень. 1998.
205. Сиюхов А.Р. Налоговые преступления: проблемы квалификации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000.
206. Слом В.М. Сказать по совести // ЭЖ – Юрист. 2000. № 44.
207. Совершенствование мер борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции. М., 1980.
208. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1987.
209. Советское уголовное право: Учеб. пособие. М., 1938.
210. Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1965.
211. Соловьев И.Н. Деятельное раскаяние в совершении налоговых преступлений // Российская юстиция. 2002. № 2.
212. Соловьев И.Н. Налоговые преступления в торговле: Комментарий к проверкам и уголовным делам. М., 2001.
213. Соловьев И.Н. О налоговых нарушениях и преступлениях, совершаемых индивидуальными предпринимателями без образования юридического лица // Налоговый вестник. 2000. № 9.

214. Соловьев И.Н. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика налоговых преступлений (Ст. 198 и 199 Уголовного кодекса Российской Федерации): Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.
215. Соловьев О.Г. Преступления в сфере налогообложения (ст. 194, 198, 199 УК РФ): проблемы юридической техники и дифференциации ответственности: Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Казань, 2002.
216. Соловьев О.Г. Преступления в сфере налогообложения (ст. 194, 198, 199 УК РФ): проблемы юридической техники и дифференциации ответственности: Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2002.
217. Солтаганов В. Налоговая полиция: будни и перспективы // Закон и право. 1999. № 9.
218. Сорокин С.В. Уклонение от уплаты налогов по проекту Уголовного кодекса // Вопросы уголовной ответственности и ее дифференциации (в проекте Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации). Ярославль, 1994.
219. Сотов А.И. Уголовная ответственность за нарушения налогового законодательства // Финансовые и бухгалтерские консультации. 1997. № 9.
220. Спиридонова О.Е. Символ как предмет преступления. Дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2002.
221. Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М., 1947.
222. Судебно-бухгалтерская экспертиза: Справочник / Сост. Н.К.Болдова, А.А.Голубева. М., 1993.
223. Сундуоров Ф.Р. Освобождение от уголовной ответственности и наказания //Уголовное право России. Часть Общая / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 1999.
224. Сырых В.М. Предмет и система законодательной техники как прикладной науки и учебной дисциплины // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: В 2 т. Т. 1. Н. Новгород, 2001.
225. Сюкияйнен Л.Р. Система, источники и форма права // Право в странах социалистической ориентации. М., 1979.
226. Талан М.В. Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2002.

227. Талан М.В. Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории, законодательного регулирования и судебной практики: Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань. 2002.

228. Талан М.В. Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории и законодательного регулирования. Казань, 2001.

229. Талан М.В. Система преступлений в сфере экономической деятельности //Налоговые и иные экономические преступления. Вып. 3. Ярославль, 2001.

230. Тарбагаев А.Н. Ответственность в уголовном праве. Красноярск, 1994.

231. Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988.

232. Тенчов Э.С. Цели наказания и его исполнения в новом УК и УИК РФ (различие в подходах) // Проблемы теории наказания и его исполнения в новом Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах: Материалы науч.-практ. конференции. М., 1997.

233. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства. М., 1962.

234. Тихомиров Ю.А. Законодательная техника как фактор эффективности законодательной и правоприменительной деятельности // Проблемы юридической техники. Н. Новгород, 2000.

235. Толстошеев В.В. Региональное экономическое право России. М., 1999.

236. Трайнин А.Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951.

237. Трубников Н.Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968.

238. Тюнин В.И. О «длящихся» и «продолжаемых» преступлениях в сфере экономической деятельности // Журнал Российского права. 2001. № 1.

239. Тюнин В.И. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере экономической деятельности: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001.

240. Уголовное право. Общая часть / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1997.

241. Уголовное право. Общая часть / Под ред Н.Ф. Кузнецовой, Ю.М. Ткачевского, Г.Н. Борзенкова. М., 1993..

242. Уголовное право. Особенная часть / Под ред. Н.И. Ветрова и Ю.И. Ляпунова. М., 1998.
243. Уголовное право. Особенная часть / Под ред В.Н. Петрашева. М., 1999.
244. Уголовное право. Часть Особенная / Под ред. М.И. Ковалева, М.А. Ефимова и Е.А. Фролова. М., 1969.
245. Уголовное право России: В 2 т. Т. 1: Общая часть / Отв. ред. А.Н. Игнатов и Ю.А. Красиков. М., 2000.
246. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. В.П. Малкова и Ф.Р. Сундунова. Казань, 1994.
247. Уголовное право России. Особенная часть / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М., 1996.
248. Уголовное право России. Особенная часть / Под ред. А.И. Рарога. М., 1997.
249. Уголовное право России. Часть Общая / Под ред. Л.Л. Кругликова. М., 1999.
250. Уголовное право России. Часть Особенная / Отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 1999.
251. Уголовное право Российской Федерации / Под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М., 1997.
252. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М., 1996.
253. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 1998.
254. Уголовное право Украины. Общая часть / Под ред. М.И. Бажанова, В.В. Сташиса, В.Я. Тация. Харьков, 1999.
255. Уголовное право УССР. Общая часть. Киев, 1984.
256. Уголовный кодекс Испании / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и Ф.М. Решетникова. М., 1998.
257. Уголовный кодекс Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. Л.Л. Кругликова и Э.С. Тенчова. Ярославль, 1994.
258. Успенский А.В. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов по новому УК РФ // Финансовые и бухгалтерские консультации. 1977.
259. Устинов В.С., Арефьев А.Ю. Об имущественных преступлениях // Вопросы уголовной ответственности и ее дифференциации

(в проекте Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации). Ярославль, 1994.

260. Ушаков А. Каким должен быть язык уголовного закона // Соц. законность. 1974. № 10.

261. Ушаков А.А. Методологические основы и законодательный метод в советском правотворчестве // Учен. зап. Пермск. ун-та (юрид. науки). Пермь, 1966.

262. Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967.

263. Фролов Е.А. Объект и преступные последствия при посягательствах на социалистическую собственность // Сб. учен. тр. СЮИ. Вып. 8. Свердловск, 1968.

264. Фролов Е.А. Объект уголовно-правовой охраны и его роль в организации борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1971.

265. Цыганков Э.М. Уголовная ответственность за налоговые преступления // Экономика и жизнь. 1997. № 6.

266. Чемеринский К.В. Ответственность за уклонение от уплаты налогов с организаций (уголовно-правовые и криминологические проблемы): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000.

267. Черненко А.К. Философия права. Новосибирск, 1997.

268. Чучаев А., Иванова С. Уклонение от уплаты таможенных платежей // Российская юстиция. 1999. № 10.

269. Чхиквадзе В.М., Керимов Д.А. Роль советской правовой науки в совершенствовании законодательства // Вопросы кодификации. М., 1957.

270. Шаргородский М.Д. Советский уголовный закон. М., 1948.

271. Щерба С.П., Савкин А.В. Деятельное раскаяние в совершенном преступлении. М., 1997.

272. Юков М.К. Место юридической техники в правотворчестве // Правоведение. 1979. № 5.

273. Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990.

274. Яни П.С. Специальный случай освобождения от уголовной ответственности за налоговые преступления // Российская юстиция. 2000. № 1.

275. Яни П.С. Экономические и служебные преступления. М., 1997.

276. Dabin J. La technique de l'élaboration du droit positif. Spécialement du droit privé/ Bruxelles, Paris, 1935.

Именной указатель

А

Айкимбаев А.К. · 118, 201
Акимов Я.И. · 179, 186, 201
Алексеев С.С. · 28, 29, 35, 36, 37, 39,
67, 68, 201
Аликперов Х. · 182, 185, 201
Антонов А.Г. · 185, 186, 201
Арефьев А.Ю. · 165, 218
Аслаханов А.А. · 20
Афанасьев Н.Н. · 20

Б

Бабаев В.К. · 28, 33, 66, 201
Баранов В.М. · 27, 39, 168, 169, 170,
171, 201
Бембетов А.П. · 165, 210
Благов Е.В. · 145, 201
Блум М. · 43
Божьев В. · 45
Бокова И.Н. · 169, 171, 172, 187, 201
Борзенков Г.Н. · 124, 164, 165, 202
Брауде И.Л. · 30

В

Васильева И.А. · 31, 32, 202
Васильевский А.В. · 81, 82, 89, 91,
147, 150, 202, 208
Верин В.П. · 126
Винер Н. · 27, 28, 202
Витвицкий А.А. · 126, 141, 202
Владимиров Л.Е. · 105, 202
Власенко Н.А. · 28, 67, 202
Волженкин Б.В. · 10, 12, 20, 53, 121,
123, 124, 125, 132, 141, 146, 148,
202, 203

Г

Гаухман Л.Д. · 135, 176, 184
Гильмутдинова Н.С. · 108, 110, 127,
167, 168, 203
Голик Ю.В. · 85, 207
Головко Л. · 174, 203

Горелик А.С. · 18, 203
Горшенев В.М. · 37, 65, 66, 72, 203

Д

Дабен Ж. · 33
Даль В.И. · 26, 89, 203
Даньков А.П. · 154, 211
Дементьева Е.Е. · 11, 12, 203
Дмитриевцев К.Н. · 33, 203
Дулатбеков Н.О. · 159, 160, 208
Дурманов Н.Д. · 43
Душкин С. · 109, 110, 203
Дуюнов В.К. · 184, 187, 203

Е

Егоров В.А. · 166, 204
Ефимова Е.Г. · 10, 204

Ж

Жалинский А.Э. · 125
Жевлаков Э.Н. · 15, 204
Жегалов Е.А. · 109, 204
Жени Ф. · 34

З

Звечаровский И. · 185, 204
Зивс С. · 42, 204
Зуев Ю.Г. · 68, 153, 204

И

Иванов А.М. · 10, 207
Иванова С. · 126, 132, 219
Иванчин А.В. · 38, 44, 68, 75, 76, 128,
129, 131, 132, 136, 138, 144, 158,
160, 168, 172, 187, 191, 196, 204
Игнатова М. · 195, 214
Изосимов С.В. · 169, 171, 172, 187,
201
Ильюк Е.В. · 34, 35, 66, 170, 205
Истомин В.Г. · 128, 144, 158, 205

К

Караханов А.Н. · 128
Карташов В.Н. · 39, 40, 205

Касютина Р.В. · 154, 211
 Керимов Д.А. · 28, 42, 43, 65, 170, 205, 219
 Кикин А.Ю. · 115, 205
 Кленова Т.В. · 148
 Ковалёв М.И. · 43, 106, 107, 205, 206
 Ковалевская Д.Е. · 176, 184, 205
 Ковачев Д.А. · 35, 206
 Коган В.М. · 43, 206
 Козаченко И. · 71, 206
 Козлов В.А. · 116, 206
 Козлов С.В. · 117, 128, 154, 190, 206
 Козырев А.Н. · 193
 Колесников В.В. · 5, 206
 Команчи В.А. · 189, 206
 Кондаков Д.С. · 168, 169, 170, 171, 172, 187, 201
 Коняхин В.П. · 43, 45, 52, 55, 206, 207
 Коржанский Н.И. · 170, 207
 Коробеев А.И. · 85, 207
 Корчагин А.Г. · 10, 11, 13, 18, 125, 187, 207
 Кот А.Г. · 111, 139, 140, 207
 Красавчиков О.А. · 37, 66, 67, 207
 Красиков Ю. · 108, 207
 Кригер Г.А. · 19, 207
 Кригер Г.Л. · 148, 207
 Кругликов Л.Л. · 1, 2, 9, 15, 43, 56, 68, 71, 81, 82, 84, 88, 91, 125, 131, 144, 145, 148, 149, 150, 153, 157, 159, 160, 177, 204, 207, 208, 216, 217, 224
 Кудрявцев В.Н. · 69, 209
 Кузнецов А.П. · 108, 111, 125, 126, 127, 128, 169, 171, 172, 187, 201, 209
 Кузнецова Н.Ф. · 45, 67, 69, 124, 209
 Куринов Б.А. · 159, 209
 Курляндский В.И. · 77, 209
 Курченко В. · 71, 206
 Кучеров И.И. · 112, 117, 122, 123, 125, 132, 133, 135, 136, 140, 166, 209

Л

Лазарев В.В. · 42
 Лапшин В.Ф. · 114, 192, 210
 Ларичев В.Д. · 123, 151, 165, 210
 Левинова Т.А. · 186, 210
 Леонтьев Б.М. · 20
 Лесниевски-Костарева Т.А. · 81, 90, 144, 146, 147, 148, 156, 165, 210
 Липень С.В. · 42, 209
 Лобанова Л.В. · 183, 184, 210
 Лопашенко Н.А. · 6, 8, 18, 20, 116, 121, 135, 210
 Лумпова И.А. · 80, 210
 Люблинский П.И. · 107, 210
 Ляпунов Ю.И. · 42

М

Макаров Д.Г. · 134, 135, 211
 Максимов А.А. · 108, 109, 211
 Максимов В. · 190, 211
 Мамилов К.В. · 158, 167, 211
 Маркизов Р.В. · 96, 97, 211
 Маркс К. · 103, 211
 Мелентьев М.П. · 183
 Мельникова Ю.Б. · 77, 211
 Меньшагин В.Д. · 16
 Мизулина Е.Б. · 115
 Милюков С.Ф. · 53, 203
 Минская В.С. · 119, 211
 Михайлов В. · 176, 211
 Михалев В.В. · 154, 211
 Молодцов А.С. · 174, 211
 Муромцев Г.И. · 27, 38, 39, 212

Н

Наумов А.В. · 37, 42, 43, 44, 59, 65, 182, 212
 Нашиц А. · 33, 34, 35, 68, 74, 212
 Новосёлов Г.П. · 65

О

Ожегов С.И. · 26, 122, 213
 Ориу М. · 39

П

Панов Н.И. · 148, 213

Панченко П.Н. · 20
 Панько К.К. · 68, 213
 Парфенов К.В. · 164
 Пастухов И.И. · 124, 136, 183, 213
 Перетерский И · 170, 213
 Перч Н.В. · 79, 213
 Петр I · 27
 Пионтковский А.А. · 14, 213
 Пирвагидов С.С. · 43, 52, 55, 213
 Пищулин В.Г. · 122, 125, 126, 176,
 177, 178, 214
 Побединская Н.В. · 125, 126, 213
 Поленина С.В. · 40, 213
 Поройко М.С. · 170, 171, 213
 Пудовочкин Ю.Е. · 43, 52, 55, 213

Р

Рарог А.И. · 130, 214
 Решетников Ф. · 195, 214
 Решетняк Н.С. · 151, 210
 Рогов И.И. · 8, 214
 Русов С. · 109, 110, 203

С

Сабитов Р.А. · 122, 125, 126, 176, 177,
 178, 214
 Савкин А.В. · 183, 176, 214
 Сальников А.В. · 112, 214
 Сафин Э. · 179, 181, 190, 214
 Свенссон Б. · 5, 6, 11, 214
 Сверчков В. · 185, 214
 Седухин А. · 190, 192, 214
 Семёнов И.А. · 30, 105, 118, 214
 Сиюхов А.Р. · 113, 214
 Слом В.М. · 141, 215
 Соловьёв И.Н. · 125, 126, 131, 132,
 188
 Соловьёв О.Г. · 2, 29, 31, 38, 150, 208,
 215
 Солтаганов В. · 188, 215
 Сорокин С.В. · 111, 112, 215
 Сотов А.И. · 132, 215
 Строгович М.С. · 72, 216
 Сундуров Ф.Р. · 177, 180, 183, 216
 Сырых В.М. · 30, 31, 39, 216

Сюкияйнен Л.Р. · 42

Т

Талан М.В. · 6, 9, 10, 21, 145, 189,
 190, 216
 Таций В.Я. · 17, 216
 Тенчов Э.С. · 56, 216
 Тихомиров Ю.А. · 33, 65, 217
 Толстошеев В.В. · 10
 Трайнин А.Н. · 159, 217
 Трубников Н.Н. · 89, 217
 Тюнин В.И. · 12, 125, 217

У

Улезько С.И. · 126
 Успенский А.В. · 136, 218
 Усс А.В. · 85, 207
 Устинов В.С. · 20, 165, 218
 Ушаков А.А. · 27, 37, 67, 218

Ф

Фрадков М.Е. · 193, 196
 Фролов Е.А. · 14, 19, 218

Х

Хлупина Г.И. · 18, 203

Ц

Цыганков Э.М. · 133, 218

Ч

Чемеринский К.В. · 190, 218
 Черненко А.К. · 39, 218
 Чучаев А. · 126, 132, 219
 Чхиквадзе В.М. · 170, 219

Ш

Шаргородский М.Д. · 105, 219
 Шведова Н.Ю. · 26, 122, 213
 Шишко И.В. · 18, 20, 203

Щ

Щерба С.П. · 176, 219
 Щербаков А.В. · 10, 207

Э

Энгельс Ф. · 103, 211

Ю	Яни П.С. · 6, 115, 123, 183, 190, 205, 219
Юков М.К. · 34, 66, 219	
Я	Яценко Б.В. · 20, 125
Яковлев А.М. · 20, 125, 135	

Содержание

<u>ВВЕДЕНИЕ</u>	3
<u>Глава 1. 5 Понятие и виды экономических преступлений</u>	5
§ 1. <u>ПОНЯТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ</u>	5
§ 2. <u>КЛАССИФИКАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ</u>	15
<u>Глава 2. Понятие и место законодательной техники и дифференциации ответственности в уголовном праве</u>	25
§ 1. <u>ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА: ПОНЯТИЕ, СРЕДСТВА И ЗНАЧЕНИЕ</u>	25
§ 2. <u>ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, СРЕДСТВА И ЗНАЧЕНИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ</u>	72
<u>Глава 3. Техничко-юридические аспекты описания объективных и субъективных признаков составов преступлений в сфере налогообложения</u>	99
§ 1. <u>ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ</u>	99
§ 2. <u>ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ПРИЗНАКОВ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ</u>	124
<u>Глава 4. Проблемы законодательной регламентации квалифицированных составов и примечаний в статьях о налоговых и иных экономических преступлениях</u>	137
§ 1. <u>ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СОСТАВОВ</u>	137
§ 2. <u>КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ И ТЕХНИКА КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРИМЕЧАНИЙ В НОРМАХ ГЛАВЫ 22 УК РФ</u>	161
<u>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</u>	190
<u>ЛИТЕРАТУРА</u>	193
<u>ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ</u>	212

Научное издание

Лев Леонидович **Кругликов**,
Олег Геннадьевич **Соловьев**

**Преступления в сфере
экономической деятельности
и налогообложения
(вопросы конструирования составов
и дифференциации ответственности)**

Редактор, корректор А.А. Аладьева
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Подписано в печать 15.12.03. Формат 60×84/16.
Бумага тип. Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 10,2.
Тираж 300 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском отделе
Ярославского государственного университета.
150000 Ярославль, ул. Советская, 14.

Отпечатано
ООО «Ремдер» ЛР ИД № 06151 от 26.10.2001.
г. Ярославль, пр. Октября, 94, оф. 37.
тел. (0852) 73-35-03.